

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА**

**Том 26 № 3 (2018)
DOI 10.22363/2313-2329-2018-26-3
<http://journals.rudn.ru/economics>**

**Научный журнал
Издается с 1993 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61212 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Рязанцев С.В., доктор экономических наук, профессор кафедры международных экономических отношений экономического факультета РУДН, директор Центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН, заведующий кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО (Университет) МИД России, член-корреспондент РАН

Заместитель главного редактора

Маньшин Р.В., кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений экономического факультета РУДН

Ответственный секретарь

Лукьянец А.С., кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений экономического факультета РУДН

Члены редакционной коллегии

Бруно Серджио — доктор наук, профессор Университета Мессина (Мессина, Италия), исследователь Центра российских и евразийских исследований им. Дэвиса Гарвардского университета (Кембридж, США)

Гишар Ж.П. — профессор факультета права и политических наук Университета Ниццы София Антиполис (Ницца, Франция)

Грей Россарин Суттипонг — доктор наук, профессор, директор Института населения и социальных исследований Университета Махидол (Бангкок, Таиланд)

Гусаков И.П. — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой международных экономических отношений экономического факультета РУДН (Москва, Россия)

Давыдов В.М. — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Института Латинской Америки (Москва, Россия)

Де Конти Бруно Маргарелло — доктор наук, профессор Университета Кампинас (Кампинас, Бразилия)

Доброхлеб В.Г. — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН (Москва, Россия)

Инглис Кристине Бренда — доктор наук, профессор Университета Сиднея (Сидней, Австралия)

Ионцев В.А. — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой демографии Высшей школы современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Кумо Казухиро — доктор наук, профессор Института экономических исследований Университета Хитотубаша (Токио, Япония)

Мазырин В.М. — доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Дальнего Востока РАН (Москва, Россия)

Мартин Филипп — доктор наук, профессор, директор Центра исследований населения Калифорнийского университета им. Гиффордов в Дейвисе (Дэвис, США)

Марушиакова Елена — доктор наук, профессор, Институт этнологии Болгарской академии наук (София, Болгария)

Мосейкин Ю.Н. — доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета Российского университета дружбы народов (Москва, Россия)

Реджепаджич С. — профессор-исследователь, заместитель директора Института экономики Сербии (Белград, Сербия)

Родопнова И.А. — доктор географических наук, профессор кафедры региональной экономики и географии экономического факультета РУДН (Москва, Россия)

Стрыжкович Т. — профессор, директор Института социально-экономической географии и пространственного менеджмента Университета им. Адама Мицкевича (Познань, Польша)

Сутырин С.Ф. — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой экономики Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Пизарро С.А. — доктор наук, профессор, Университет Буэнос-Айреса (Буэнос-Айрес, Аргентина)

Порфирьев Б.И. — академик РАН, доктор экономических наук, руководитель лаборатории анализа и прогнозирования природных и техногенных рисков экономики Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)

Топилин А.В. — доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором Института макроэкономических исследований Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития РФ (Москва, Россия)

Турнуа Надие — доктор наук, профессор, директор Института администрации предприятий Университета Ниццы София Антиполис (Ницца, Франция)

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА

ISSN 2408-8986 (online); ISSN 2313-2329 (print)

4 выпуска в год.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям: 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством; 08.00.10 — Финансы, денежное обращение и кредит; 08.00.14 — Мировая экономика.

Языки: русский, английский.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).
Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Цель и тематика

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика — это научный журнал общезначимого содержания, где публикуются статьи теоретической и практической направленности. Целями журнала являются публикация статей российских и зарубежных исследователей по актуальным проблемам развития российской и мировой экономики, формирование научного сообщества экономистов, повышение научной активности сложившихся и молодых ученых РУДН и других вузов.

В журнале публикуются статьи, которые направлены на достижение следующих целей: проведение экономического анализа по современным вопросам макро- и микроэкономики, осмысление опыта решения важнейших социально-экономических вопросов в различных регионах и странах мира, поощрение дискуссий и обмена мнениями в области современной экономической науки.

Основные рубрики журнала включают в себя:

- вопросы экономической теории;
- продвижение экономических реформ в России и других странах СНГ;
- экономическая интеграция и глобализация;
- экономика развитых и развивающихся стран;
- валютно-финансовые проблемы;
- экономика отраслевых рынков;
- вопросы менеджмента и маркетинга;
- междисциплинарные исследования;
- методика и методология преподавания экономических дисциплин;
- экономические обзоры и прикладные исследования;
- рецензии и др.

Основная аудитория журнала — профессиональные экономисты, преподаватели, аспиранты вузов, руководители федеральных и региональных органов власти, представители бизнеса.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/economics>

Электронный адрес: vestnik_rudn_ec@yahoo.com

Редактор *Ю.А. Заикина*
Компьютерная верстка: *О.Г. Горюнова*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии серии «Экономика»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 438-83-65; e-mail: econjournalrudn@rudn.university

Подписано в печать 15.08.2018. Выход в свет 30.08.2018. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».

Усл. печ. л. 18,06. Тираж 500 экз. Заказ № 827. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF ECONOMICS

VOLUME 26 NUMBER 3 (2018)
DOI 10.22363/2313-2329-2018-26-3
<http://journals.rudn.ru/economics>
Founded in 1993

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Ryazantsev S.V., Doctor of Economics, Professor of the Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia, Director of a Social Demography, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of the Demographic and Migration Policy, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) of the Ministry Foreign Affairs of the Russian Federation, Corresponding member of Russian Academy of Sciences

DEPUTY OF THE EDITOR-IN-CHIEF

Manshin R.V., Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor of the Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Lukyanets A.S., Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor of the Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia

EDITORIAL BOARD

Bruno Sergio — Doctor of Economics, Professor of Political Economy University of Messina (Messina, Italy), Researcher Davis Center for Russian and Eurasian Studies Harvard University (Cambridge, USA)

Guichard Jean-Paul — Professor of Economics, Department of Law and Political Sciences, University of Nice Sophia Antipolis (Nice, France)

Gray Rossarin Soottipong — Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director of the Institute for Population and Social Research (IPSR), Mahidol University (Bangkok, Thailand)

Goussakov N.P. — Doctor of Economics, head of the Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia

Davydov V.M. — Corresponding member of Russian Academy of Sciences, Professor, Director of the Institute for Latin America of the Russian Academy of Sciences

De Conti Bruno Martarello — Doctor of Economics, Professor, Institute of Economics of the University of Campinas (Campinas, Brazil)

Dobrokhleb V.G. — Doctor of Economics, Professor, The Institute of Social and Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences

Inglis Christine Brenda — Doctor of Economics, Associate Professor of the University of Sydney (Sydney, Australia)

Iontsev V.A. — Doctor of Economics, Professor, Higher School of Modern Social Sciences of the Lomonosov Moscow State University

Kumo Kazuhiro — Doctor of Economics, Professor of the Institute of Economic Research, Hitotsubashi University (Tokyo, Japan)

Mazyrin V.M. — Doctor of Economics, Professor, Head of the Centre of Vietnamese and ASEAN Studies of the Institute for Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences

Martin Philip — Doctor of Economics, Professor, Head of the Gifford Center for Population Studies of the University of California, Davis (Davis, USA)

Marushiakova Elena — Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Ethnology and Folklore of the Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria)

Moseikin Y.N. — Doctor of Economics, Professor, Dean of the Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia

Redžepagić Srdjan — Doctor of Economics, Research Professor, deputy director of the Serbian Academy of Sciences (Belgrade, Serbia)

Rodionova I.A. — Doctor of Geography, Professor of the Department of Regional Economics and Geography, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia

Strykiewicz Tadeusz — Full Professor, Director of the Institute of Socio-Economic Geography and Spatial Management, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poznan, Poland)

Sutyurin S.F. — Doctor of Economics, Professor, head of the Department of World Economy, Faculty of Economics, Saint Petersburg State University

Pizarro Cynthia Alejandra — independent researcher, Technical and Scientific Research Council, Professor of Anthropology, School of Agriculture, University of Buenos Aires (Buenos Aires, Argentina)

Porfiriev B.N. — Academician, full member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director and Head of the Laboratory for Analysis and Forecasting of Natural and Technological Risks to Economic Development in the Institute of Economic Forecasting, Russia Academy of Sciences

Topilin A.V. — Doctor of Economics, Professor, Institute of Macroeconomic Research Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation

Tournois Nadine — Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Business Administration, University of Nice Sophia Antipolis (Nice, France)

RUDN JOURNAL OF ECONOMICS
Published by the Peoples' Friendship University of Russia

ISSN 2408-8986 (online); ISSN 2313-2329 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>

The journal is presented on the sites of Peoples' Friendship University of Russia, Facebook, Mendeley, in the database of Russian Science Citation Index.

Aim and Scope

RUDN Journal of Economics is a general-interest economic journal, which publishes papers of theoretical, empirical and practical issues.

The goals of the journal are publication of papers of Russian and foreign authors on topical questions of national and world economic development, as well as building-up of academic economic society, increasing of scientific activity of senior and young researchers from Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) and other higher institutions.

The journal aims to publish articles that will serve several goals: to provide economic analysis in the field of macro- and microeconomics and finance; to integrate lessons learned from different regions and countries experience in tackling socio-economic problems; to encourage cross-fertilization of ideas among the fields of economic thinking.

Main subject fields of the journal include:

- questions of economic theory;
- economic reforms in Russia and Commonwealth countries;
- economic integration and globalization;
- developed and developing countries economy;
- monetary and financial questions;
- industrial organization markets
- questions of management and marketing;
- interdisciplinary research;
- methodology of teaching economic subjects;
- economic reviews and applied research;
- books' reviews, etc.

Main audience of the journal — professional economists, high school teachers, post-graduate students, representatives of federal and municipal government bodies as well as business leaders.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/economics>

E-mail: vestnik_rudn_ec@yahoo.com

Copy Editor *Iu.A. Zaikina*
Layout Designer *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board Series "Economics":

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 438-83-65;
e-mail: econjournalrudn@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Peoples' Friendship University of Russia"
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Жуков В.И. Суверенитет России: национальные интересы, демографические угрозы и вызовы	335
Злотников А.Г. От заблуждений «финансовой диеты» к заблуждениям «раскодирования» Беларуси	347
Kurus A.A., Bogdashev I.V. Socio-psychological climate as a factor of competitiveness (Социально-психологический климат организации как фактор конкурентоспособности)	360
Соколова М.И. От социальной помощи к социальной активности: новый взгляд на решение проблем беднейших слоев населения	366
Фролова Е.Д., Абдурахманова З.А., Фролова Е.А. Национальный отраслевой комплекс: теоретические аспекты развития в среде глобальных цепочек стоимости.....	379
Шаманина Э.А. Начальный этап формирования концептуальных основ социальной политики.....	392

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Диесперова Н.А. Роль прямых инвестиций в развитии инновационной экономики России (1991—2017 гг.).....	402
Лавров С.Н., Дякин Б.Г. Россия в мировой углеводородной экономике.....	416
Шалашаа З.И. Инвестиции — основа экономической интеграции Абхазии и России.....	429
Lisý J. The impact of fiscal and monetary policy on economic growth and cyclical development of the economy (Влияние фискальной и денежно-кредитной политики на экономический рост и циклическое развитие экономики)	439

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Кротов А.В., Маменов С.Д., Баталов Р.О. Факторы роста населения Барнаула в XXI в.: зависимость от социально-экономического развития Алтайского края и возможностей интенсификации его приграничного взаимодействия.....	447
Миненкова В.В., Коновалова А.В. Влияние государственной поддержки на уровень социально-экономического благосостояния региона (на примере Северо-Кавказского федерального округа).....	458
Соколов А.А., Руднева О.С. Оценка экономического пространства России на основе выделения зон роста и упадка численности городского населения	468
Антипова Е.А., Титов А.Н. Демографические тренды монопрофильных городов Беларуси в XXI в.	479
Шлапеко Е.А., Степанова С.В. Современные вызовы для малых приграничных городов.....	495
Nagarale V. Geographical assessment of urban utilities in Pune Municipal Corporation region with changing urban population (Географическая оценка городских коммунальных услуг в муниципалитете Пуна в условиях изменения численности городского населения)	506

МИРОВОЙ РЫНОК ТРУДА И МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ

Очирова Г.Н. Экономическая миграция из Бурятии: факторы, тенденции, последствия....	520
Michigami M. Immigrants' housing in the housing market in Russia: from the results of sociological questionnaire (Жилищные условия иммигрантов на рынке жилья в России: результаты социологического исследования)	531

CONTENTS

ECONOMIC GROWTH AND SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

Zhukov V.I. (Moscow, Russia) Sovereignty of Russia: national interests, demographic threats and challenges	335
Zlotnikov A.G. (Gomel, Republic of Belarus) From misconceptions of the “financial diet” to the misconceptions of the “decoding” of Belarus.....	347
Kurus A.A., Bogdashev I.V. (Krasnodar, Russia) Socio-psychological climate as a factor of competitiveness	360
Sokolova M.I. (Moscow, Russia) From social assistance to social activism: a new look at solving the problems of the poorest segments of the population	366
Frolova Ye.D. (Eketerinburg, Russia), Abdurahmanova Z.A. (Karaganda, Kazakhstan Republic), Frolova E.A. (Milan, Italy) National industry: theoretical aspects of development in global value chains	379
Shamanina E.A. (Moscow, Russia) Conceptual framework of social policy development: initial period.....	392

GLOBALIZATION AND ECONOMIC INTEGRATION

Diesperova N.A. (Moscow, Russia) The role of direct investment in the development of Russia’s innovative economy (1991—2017).....	402
Lavrov S.N., Dyakin B.G. (Moscow, Russia) Russia in the global hydrocarbon economy.....	416
Shalashaa Z.I. (Sukhum, Republic of Abkhazia) Investments are the basis of economic integration of Abkhazia and Russia	429
Lisý J. (Bratislava, Slovak Republic) The impact of fiscal and monetary policy on economic growth and cyclical development of the economy	439

REGIONAL ECONOMY

Krotov A.V., Mamenov S.D., Batalov R.O. (Barnaul, Russia) The growth factors of Barnaul’s population in the 21 st century: dependence on the social and economic development of Altay Krai and possibilities of intensification of its border interaction	447
Minenkova V.V., Konovalova A.V. (Krasnodar, Russia) Influence of the state support on the level of social and economic welfare (case study of the North Caucasian Federal District).....	458
Sokolov A.A., Rudneva O.S. (Orenburg, Russia) Assessment of the economic space of Russia on the basis of the highlight areas of growth and decline in urban population	468
Antipova E.A., Titov A.N. (Minsk, Belarus) Demographic trends of the single-industry towns of Belarus in the 21 st century.....	479
Shlapeko E.A., Stepanova S.V. (Petrozavodsk, Russia) Contemporary challenges for small border cities.....	495
Nagarale V. (Pune, India) Geographical assessment of urban utilities in Pune Municipal Corporation region with changing urban population.....	506

INTERNATIONAL LABOR MARKET AND INTERNATIONAL MIGRATION

Ochirova G.N. (Moscow, Russia) Economic migration from Buryatia: factors, tendencies and consequences.....	520
Michigami M. (Niigata, Japan) Immigrants’ housing in the housing market in Russia: from the results of sociological questionnaire	531

DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-335-346

УДК 321.011

Суверенитет России: национальные интересы, демографические угрозы и вызовы

В.И. Жуков

Институт государства и права Российской академии наук
Российская Федерация, 119019, Москва, ул. Знаменка, 10

В статье рассматриваются основные геополитические факторы, определяющие место государства в содружестве наций: размер его территории, плотность населения, рациональность размещения производительных сил. Особое внимание уделяется выявлению тех резервов, использование которых позволит осуществить прорывные задачи, определенные майским указом Президента России В.В. Путина «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (№ 204 от 7 мая 2018 г.). Для решения исследовательских задач используются методы юридической компаративистики, социологического осмысления качественного и количественного состояния народонаселения и анализируется правовая база, на основе которой вырабатывается механизм законотворческой деятельности и развивается правоприменительная практика.

Ключевые слова: суверенитет, демографическая политика, плотность населения, юридическая компаративистика, социология права

Детерминанты демографического развития России

Среди показателей, которые определяют место страны в геополитической системе координат, выделяются **размер ее территории, рациональность размещения производительных сил и плотность населения**, т.е. количество жителей, приходящееся на 1 км².

Один из наиболее опасных вызовов, с которым Россия столкнулась на рубеже XX—XXI вв., это — невысокая **плотность населения российской территории**.

В некоторых странах мира населению живется вольготно. Так, в Монголии и Намибии на 1 км² проживает по 2 человека. Еще примерно в 10 странах — от 3 до 7 человек. В самой развитой стране мира, США, плотность населения — 30,7 чел. на 1 км²; в Китае — 136; в европейских странах — от 110 во Франции до 126 в Дании и 339,7 в Бельгии; в Пакистане — 202; в Индии — 328,6; в Японии — 337, в Республике Корея (Южная Корея) — 491,7. Рекорды бьют Маврикий — 603, Барбадос — 648, Ватикан — 920¹.

Учитывая, что в среднем плотность населения Российской Федерации равна 8,5 чел. на 1 км², РФ можно отнести к числу стран, характеризующихся низкой

¹ Российский статистический ежегодник. 2015. С. 670.

плотностью населения, при этом занимая 1/8 часть суши Земли. Отдельного внимания заслуживают данные о региональной плотности населения, например: Дальний Восток — 1,3 чел. (включая Республику Саха (Якутия) — 0,3 чел.), Восточно-Сибирский федеральный округ — 2,3 чел., Северный район — 4,1 чел., Чукотский автономный округ — 0,2 чел., Камчатский край — 0,9 чел. и т.д.

Историческая аксиома безжалостна, но объективна: **если страна, располагающая громадной территорией, не обладает адекватными демографическими ресурсами, неизбежны попытки перекроить ее границы в пользу агрессивных соседей.** Сдерживающее влияние на ситуацию могут оказывать только военно-дипломатические возможности государства. Но эти величины не являются постоянными (Жуков, 2012).

Слабая заселенность целого континента (Австралия) и такой страны, как Канада, этого правила не отменяет: ни Австралия, ни Канада по периметру своих границ не имеют, в отличие от России, агрессивных соседей и веками длящихся территориальных споров. К примеру, в настоящее время Россию и КНР связывают прочные узы стратегического партнерства. Однако, надо учитывать и масштабные конфликты в истории российско-китайских, не всегда добрососедских, отношений, и демографические перспективы нашего соседа. После отмены в 2016 г. запрета на рождение в городских семьях второго ребенка и вероятного полного снятия такого запрета с 2018 г. численность населения Китая в ближайшие десятилетия превысит два миллиарда человек, на 1 км² будет проживать не 136 человек, а более 200. Произойдет это, по всей вероятности, уже к 2050 г. При этом пригодной для жизнедеятельности останется та же третья часть территории КНР. Перспективы освоения новых территорий у КНР есть только по периметру северных и частично западных для КНР земель.

Россия — это не Канада и не Австралия. С этой точки зрения утверждение М. Олбрайт о «несправедливости» владения Россией необъятной территорией представляет собой идеологическое и политическое обоснование претензий ряда стран по всему периметру России (от Арктики на севере до Тихого океана на востоке; Калининграда, Архангельской и других областей на западе и северо-западе до Кавказского региона на юге). **Рационализация размещения производительных сил, а это не только материальная база, но и люди, на всей территории России, в том числе за счет естественного прироста населения, миграции и колонизации своих территорий, — достойный ответ на несоответствие количества населения России размеру ее территорий. Прежде всего тех, которые находятся за Уралом.**

Еще один демографический вызов — ухудшение традиционного для России **неблагоприятного соотношения полов.** Об этом свидетельствуют данные переписей населения разного масштаба — от микропереписей до федеральных. Они показывают, что в 1989 г. в составе населения мужчины занимали 46,7 %, женщины — 53,3 %. На 1 января 2001 г. — соответственно 46,8 и 53,2 %¹. К 2016 г. численность мужчин *уменьшилась* на 1 % (было 47, а стало 46 %), женщин — *возросла* на 1 % в 2004 г. и остается на этом уровне до настоящего времени.

¹ Российский статистический ежегодник. Официальное издание. М., 1996. С. 38.

Социальная сторона этого явления — большая свобода выбора партнеров у мужчин и ограничение такой возможности у женщин, следствием чего является своего рода «многоженство», т.е. возможность у мужчин выстраивать отношения с несколькими женщинами, не обременяя себя обязательствами, характерными для семейных уз. Побочный результат такого явления — неполные и малодетные семьи, преобладание (до 100-процентного) женского влияния на воспитание детей (если они появляются).

Последние официальные данные о национальном составе населения есть в Российском статистическом ежегоднике за 2010 г. (год переписи), где учтено **111 016 896** русских, проживающих в Российской Федерации (Демографическое развитие России..., 2009).

Далее проанализируем данные об убыли русского населения в республиках бывшего СССР. В трудах Ю.М. Голубчикова и В.Ф. Нестеренко, исследующих проблемы демографического характера, отмечено, что в бывших союзных республиках численность русских стремительно сокращалась в период с 1989 г. до начала XX в., достигнув цифры в 11,5 млн чел. (Голубчиков, Нестеренко, 2009).

Самое заметное падение числа русского населения зафиксировано в Украине. Первая перепись, проведенная в 2001 г., иллюстрирует заметное сокращение численности страны с 1989 до 2001 г. на 3,2 млн чел. (6,3 %), при этом был отмечен рост числа украинцев (с 37,4 до 37,5% млн чел.). Таким образом, можно сделать вывод о том, что убыль населения в Украине происходила за счет русских. Если говорить об актуальных данных, то в общей сложности, начиная с 1989 г. и до текущего времени, численность русского населения в Украине уменьшилась на 3 млн чел. (с 11,3 до 8,3 млн чел.).

Существенные потери русского населения были зафиксированы и в других республиках, например в Азербайджане и Грузии, где в течение последнего десятилетия XX в. численность русского населения уменьшилась практически в 2,5 раза.

Неоднозначно может быть оценен результат восстановления независимости в Латвии, в процессе которого постоянным жителям государства было обещано гражданство, но уже после проведения Референдума в 1991 г. стало понятно, что около 30 % населения останутся без гражданства, и, конечно, русские были среди них, из-за чего возник крайне высокий процент неграждан.

Далее, в процессе создания моноэтнического государства, около 220 тыс. чел. были не только объявлены мигрантами, но и лишены всех прав на получение гражданства, хотя, по данным 1989 г., в Эстонии только 35 % русского населения было приезжим.

Замечено, что в бывших республиках Средней Азии русское население проходит сложный и многоступенчатый процесс интеграции и адаптации, прежде всего, из-за культурно-языкового барьера, т.к. на современном этапе незнание языка титульного народа ведет к резкому ухудшению социального положения и статуса представителей национальных меньшинств.

Отдельного внимания заслуживает Туркменистан, в соответствии с законодательством которого жители страны, не являющиеся ее гражданами, не имеют

права владеть недвижимостью. Именно поэтому более 100 тыс. российских граждан потеряли жилье, так как в 2015 г. была отменена практика двойного гражданства. Кроме того, преподавание в вузах ведется только на туркменском языке. Прекращено издание литературы на русском языке, есть запрет на наружную рекламу на русском языке. Всех русскоязычных, не прошедших аттестацию по государственному языку, увольняют с госслужбы.

Несмотря на проводимые реформы в РФ, положительный естественный прирост населения был зафиксирован в Республике Дагестан, Республике Чечня, Кабардино-Балкарской Республике, Карачаево-Черкесской Республике, Северной Осетии, Республике Ингушетия, Республике Калмыкия, Республике Саха (Якутии), Республике Алтай, Тюменской области и некоторых других автономных округах.

Из народов, живущих в составе Российской Федерации в своих республиках, число тувинцев, например, с 1959 г. более чем удвоилось. Ингушей в России стало больше почти в 2 раза: между двумя переписями населения — 1989 г. и 2002 г. — их численность возросла с 215 до 412 тыс. чел. Естественный прирост ингушей составил 3,6 % в год и является одним из самых высоких в мире. Численность чеченцев за то же время возросла с 899 тыс. чел. до 1 млн 361 тыс. чел.

В республиках Северного Кавказа мусульман, по разным оценкам, сегодня свыше 70 %, и их численность за последние два десятилетия почти удвоилась, в то время как доля славянского населения по разным причинам сокращалась (с 29,3 % в 1980 г. до 19 % в 2000 г.). Высокие темпы прироста населения наблюдались в годы реформ у бурят, якутов, татар. Численность башкир тоже выросла между двумя переписями.

В крупные народы РФ (свыше 400 тыс. чел.) попали азербайджанцы, кабардинцы, даргинцы, кумыки, ингуши, лезгины и якуты. Численность армян в России выросла с 532 тыс. чел. в 1989 г. до 1 млн 132 тыс. чел. в 2002 г.

В 2007—2009 гг. было отмечено замедление процесса снижения численности населения России, однако данный процесс полностью не остановлен. В отношении депопуляции на 2007—2009 гг. лидируют районы Крайнего Севера: 2007 г. — 1,6 %, 2009 г. — 2,7 %. Кроме того, единственными регионами, где был отмечен рост населения, являются Южный и Северо-Кавказский федеральные округа (Рыбаковский, 2014).

Нами было высказано предположение о том, что в Республике Дагестан темпы прироста населения увеличатся с 1,5 % в 2008 г. до 3 % в 2010 г., а в Республике Ингушетия с 2,2 % в 2008 г. до 4,5 % в 2010 г. В целом численность населения России к 2010 г. должна была уменьшиться до 142,7 млн чел. К сожалению, последний прогноз полностью подтвердился (Жуков, 2010). Оправдались и предположения о том, что период с 2010 по 2014 г. будет наиболее благоприятными для эффективной политики в области народонаселения, так как в детородный возраст вступят молодые люди, рожденные в середине и во второй половине 80-х гг. XX в., когда наблюдалась самая высокая в СССР рождаемость. Таким образом, для достижения позитивных результатов в более поздний период потребуются действительно колоссальные усилия.

Миграционная компонента демографической ситуации в России

Миграционные процессы имеют архиважное значение для понимания и исследования социально-демографических проблем. Учитывая, что миграционные процессы характеризуются глобальными масштабами, становится очевидным, что именно миграция сопутствует процессами международного разделения труда, расширения разного рода отношений между странами, например информационных, торговых, экономических и т.д.

Движение людских потоков активизируется за счет мобильности рабочей силы, туризма, интеграции производства и т.д. В данном контексте нужно обратить внимание на фактор добровольной или вынужденной миграции. В отношении вынужденной миграции можно вспомнить последнее десятилетие XX в., миграционные потоки которого отражали некую безысходность граждан, которые в один момент утратили и гражданство, и государство. Но данная характеристика мигрантов не является единственной: к насыщению рынков труда вынужденных переселенцев и беженцев приводят развязанные во многих регионах военные конфликты. Свой вклад в насильственный исход из стран вносит масштабный терроризм. В миграционное движение приходят ученые и профессионалы высочайшего класса, труд которых перестали ценить на родине.

Российская Федерация, с одной стороны, характеризуется как страна, открытая для выезда или въезда, что стало возможным благодаря проведению либерально-демократических реформ, но, с другой стороны, Россия пока не смогла стать равноправным участником глобального международного трудового обмена. Тем не менее поиск оптимальных моделей государственной миграционной политики в XXI в. имеет место быть.

Отметим, что участниками миграционных процессов, в соответствии с данными Международной организации, с 1965 по 2000 г. стали более 175 млн чел., т.е. 3 % мирового населения. Таким образом, виды миграции теперь имеют строгую классификацию, а именно: бизнес-миграция, транзитная миграция, сезонная миграция, эпизодическая миграция, незаконная миграция. Подчеркнем, что к началу XXI в. в мире насчитывалось 36–42 млн трудовых мигрантов, если иметь в виду членов их семей, то данные цифры увеличатся как минимум в 2,5 раза: от 97 до 120 млн чел. (Россия в глобализирующемся мире: социальные аспекты, 2006).

В результате развала СССР свою историческую родину покинули 25 млн русских, а также 7 млн украинцев, 2 млн белорусов (в качестве сравнения можно привести в пример иностранную военную интервенцию и Гражданскую войну, которые заставили покинуть Родину 2,5 млн россиян). Кроме того, Российскую Федерацию характеризуют и другие потоки межнациональной миграции, которые, с одной стороны, выпадают из официального учета, а с другой, связаны с увеличением криминализации. Вышеназванное в большей степени относится к Москве, Санкт-Петербургу, а также Дальнему Востоку и другим пограничным районам.

Если говорить о *межрегиональной миграции*, то наибольший отток населения отмечается в 16 регионах: во всех областях и краях Дальнего Востока, в республиках Коми, Калмыкия, Тыва, Якутия, Архангельской, Мурманской и Читинской

областях. Наиболее интенсивный отток отмечен со стороны северных и восточных районов, т.е. регионов, для заселения которых прилагались колоссальные усилия, вкладывались громадные средства, строились предприятия, жилье, создавалась инфраструктура, действовали моральные и материальные стимулы и т.д. и где сейчас проходит одна из наиболее опасных линий противоборства, начинается глобальное соперничество за обладание богатейшими ресурсами арктических земель и шельфов. То хорошее, чем располагала Россия в годы советской власти, сберечь не удалось, а для того, чтобы построить лучшее, потребуются уже не десятки миллиардов, а десятки триллионов рублей.

Новому Правительству России предстоит проводить рациональную политику, заново открывать предприятия, школы, больницы, разворачивать демографические и миграционные процессы в благоприятное для освоения северных территорий русло.

Внешняя миграция медленно, но неуклонно сокращается, о чем свидетельствует сальдо миграционных процессов: динамика остается положительной со всеми республиками бывшего СССР, но масштабы миграционного оборота уменьшились. Тенденция превышения выезда над въездом все еще остается актуальной со странами дальнего зарубежья.

Если говорить о беженцах, то в период с 1992 по 2001 г. в РФ официально зарегистрировано 808 280 беженцев и вынужденных переселенцев. Статистические данные показывают, что в 2000 г. среди мигрантов 22,3 % составляли дети до 17 лет¹.

Не секрет, что в основной массе статус беженцев и вынужденных переселенцев получают выходцы из стран Средней Азии и Закавказья. Данные 2000 г. свидетельствуют, что практически 80 % от общего количества вынужденных мигрантов приходится на выходцев из стран Средней Азии. По нашему мнению, это тревожная тенденция с учетом миграционного потенциала русскоязычного населения.

Кроме того, не можем не упомянуть вооруженные конфликты в Чеченской Республике, вследствие которых значительный поток людей был вынужден покинуть территорию республики. Миграционными службами была зафиксирована цифра в полмиллиона человек, из которых более 30 000 — дети.

Территория расселения вынужденных мигрантов в основном осуществляется следующим образом: Республика Северная Осетия — Алания (более 42 тыс. чел.), Республика Ингушетия, Ставропольский край, Белгородская область и Алтайский край (28 тыс. чел.), Новосибирская и Оренбургская области (23—24 тыс. чел.), Краснодарский край, Самарская область, Саратовская область, Ростовская область (18—19 тыс. чел.)². Основными принимающими регионами по-прежнему остаются Северный Кавказ, Поволжье, Центральное Черноземье, но уже наравне с ними выступают Урал и Западная Сибирь. Такие регионы, как Северный Кавказ, Поволжье, Центральное Черноземье, Урал и Западная Сибирь являются основными принимающими регионами.

¹ Россия в цифрах: крат. стат. сб. / Госкомстат России. М., 2001. С. 75; Демографический ежегодник России: стат. сб. / Госкомстат России. М., 2001. С. 353.

² Социально-экономическое положение России. Январь — октябрь 2001 г. М., 2001. С. 251.

Нельзя не отметить, что почти четверть вынужденных мигрантов составляли слабозащищенные категории, в числе которых — многодетные и неполные семьи, дети, потерявшие или лишившиеся родителей, дети-инвалиды.

Социально-экономическая обстановка, в которой росли и воспитывались дети мигрантов и вынужденных переселенцев, очевидно, может считаться крайне неблагоприятной, т.к. многие семьи были лишены привычного образа жизни, дохода и т.д. С другой стороны, важное значение имеет моральное и психологическое состояние как детей, так и родителей, потому что вынужденная миграция всегда сопровождается стрессами, потерями и расставаниями, и весь процесс вынужденной миграции можно отнести к экстремальному, что, конечно, сказывается на психологическом состоянии мигранта. Именно поэтому пережитое негативно сказалось на системе ценностей подрастающего поколения, ведь таким образом пополнялись ряды детей-сирот. В таком состоянии беспризорными оказались почти 1 млн детей в возрасте до 14 лет. Причем 95 % из них — так называемые социальные сироты, т.е. дети, оказавшиеся вне семьи при живых родителях. Если сложившаяся социально-правовая проблема будет и дальше обостряться, то Правительству РФ придется пойти на принятие чрезвычайных мер, однако их разработка и осуществление может не пройти по следующим причинам: дефицит бюджетных средств, недостаток квалифицированных специалистов в области ювенальной юстиции.

Как уже было замечено выше, **Россия стала одновременно страной въезда, выезда и транзита мигрантов.** Ниже рассмотрим вопросы потерь в естественной убыли населения, которые возмещаются за счет мигрантов. Мы оперируем данными Росстата по численности вынужденных переселенцев и беженцев за 1995—2008 гг.

В 90-х гг. прошлого века наиболее охотно граждане России выезжали в страны СНГ. Например, в 1997 г. в этом направлении выехали 146 961 человек. Рекорд в этом отношении принадлежал Украине (69 116, т.е. 47 %).

К 2000 г. поток эмигрантов уменьшился до 82 312, в 2004 г. — наполовину, и снизился к 2006 г. до 26 114 человек, в том числе в Украину — почти в 7,7 раза, в Казахстан — в 3,3 раза, в Киргизию — в 9,7 раза, в Беларусь — в 4,7 раза.

В другие страны выезд сократился еще более заметно — с 86 026 человек в 1997 г. до 13 394 в 2008 г. При этом выезд в Германию уменьшился в 9,8 раза, в США — в 5,2 раза, в Израиль — в 12,3 раза.

В период с 2002 по 2005 г. на территории РФ было зарегистрировано 38 435 вынужденных переселенцев и беженцев. В последнее десятилетие XX в. прибывших мигрантов из стран СНГ было зафиксировано в несколько раз меньше вышеназванной цифры.

Как видим, с наступлением XXI в. выезд граждан России в другие страны сократился, но оставался достаточно высоким и существенно влиял на ослабление социально-демографического потенциала. Можно сделать вывод о том, что количество людей, покинувших Россию, вполне сопоставимо с населением Смоленска, Архангельска и Мурманска, а это порядка 350 тыс. чел., и это только в период с 2002 по 2005 г.

В дальнейшем приток мигрантов **сокращался, но оставался высоким:** в 2013 г. в страну въехали **482 241** чел., а покинули — **186 382** чел. (разница **295 859** чел.); в 2014 г. въехали **580 528** чел., выехали — **310 496** чел. (разница **270 032** чел.);

в 2015 г. положительное сальдо между въехавшими (596 617 чел.) и покинувшими страну (353 233 чел.) составило 243 384 чел.¹. Как видим, **Россия — привлекательная страна для тех, кто вовлечен в процессы международной миграции.**

Не стоит забывать, что мнения коренных жителей той или иной местности должны быть приоритетными при формировании **миграционной политики.**

*Проанализировав статистические данные, мы можем сформулировать вывод о том, что восполнение населения России квалифицированными трудовыми ресурсами, решение социально-демографических проблем должно быть реализовано с помощью **переселения соотечественников, живущих за рубежом, кроме того, этот механизм должен стать приоритетным направлением миграционной политики РФ на дальнейшую перспективу. Дополним, что необходимо создание модели противодействия незаконной миграции и повышения ответственности за правонарушения в этой сфере.***

Место и роль семьи в контексте национальной безопасности России

Архиважная роль отводится семье с точки зрения актуализации проблем на-родонаселения, потому как институт семьи трансформируется, что отрицательным образом сказывается на репродуктивном поведении и воспитании детей. Отметим, что в 1950 г. в СССР на 150 браков приходилось всего **4 развода.**

В 1965 г. их стало уже **18**, в 1974 — **25**, в 1995 — **45**, в 2002 — около **60**, в 2005 г. — более **40**. Соотношение браков и разводов **с 1992 по 2015 г.** в целом приведено в таблице.

В условиях кризиса 2014 г. количество разводов увеличилось, однако уже в 2015 г. браков стало меньше, но и количество разводов уменьшилось: невзгоды легче переживать, не прибегая к разделу имущества. Эти тенденции сохранились в 2016 и 2017 гг., когда на каждую **1000** браков приходилось по **41** разводу, т.е. меньше, чем в предыдущие годы, но не намного. В любом случае **речь об укреплении семьи пока не идет.**

Социологические наблюдения последних 10 лет показывают, что к большому количеству разводов, т.е. к распаду семей, приводят причины **социального** характера. В их числе: бытовая неустроенность, отсутствие жилья, невозможность его приобретения, низкий уровень заработной платы. Как следствие этих и других причин — скандалы на бытовой почве, супружеские измены, пьянство, насилие в семье и т.д. В такой ситуации падает рождаемость, дети превращаются в социальных сирот, родители деградируют (Жуков, 2017).

Общее неблагополучие дополняется большим количеством **гражданских браков** (правильнее говорить не о гражданских браках, а о гражданском сожительстве), в которых преобладает зависимость женщины от поведения мужчины (иногда наоборот). В конечном итоге складывается ситуация, неблагоприятная для роста численности и улучшения качественных характеристик населения. Майский указ 2018 г. Президента Российской Федерации В.В. Путина, где одним из основных национальных проектов определены целевые показатели улучшения жилищных

¹ Российский статистический ежегодник. 2015. С. 95—96; Россия в цифрах. 2016. С. 86.

условий (первым пунктом намечено «обеспечение доступным жильем семей со средним достатком» (п. 6, а)), способен переломить ситуацию в сфере семейной политики и придать, в том числе на правовой основе, динамике в соотношении браков и разводов позитивную направленность.

Таблица/Table

**Соотношение браков и разводов
[Ratio of marriages and divorces]**

Годы	Количество, тыс.		На 1000 человек населения	
	браков	разводов	браков	разводов
1992	1053,7	639,2	7,1	4,3
1995	1075,2	665,9	7,3	4,5
2000	897,3	627,7	6,2	4,3
2001	1001,6	763,5	6,9	5,3
2002	1019,8	853,6	7,1	5,9
2003	1091,8	798,8	7,6	5,5
2004	979,7	635,8	6,8	4,4
2005	1066,4	604,9	7,5	4,2
2006	1113,6	640,8	7,8	4,5
2007	1262,5	685,9	8,9	4,8
2008	1179,0	703,4	8,3	5,0
2010	1215,1	639,3	8,5	4,5
2011	1316,0	669,4	9,2	4,7
2012	1213,6	644,1	8,5	4,5
2013	1225,0	668,0	8,5	4,7
2014	1226,0	693,7	8,4	4,7
2015	1161,0	611,6	7,9	4,2

Источник: Российский статистический ежегодник. 2015. С. 95—96; Россия в цифрах. 2016. С. 83.

Таким образом, возрождение авторитета семьи, решение на законодательной основе социальных проблем супружеских пар, их финансовых проблем, моральная поддержка — это правовые социально-экономический и духовный факторы, которые одновременно влияют на благосостояние нации, демографические процессы, протекающие в государстве, и ведут к укреплению суверенитета страны (Жуков, 2018).

Сохранение и укрепление семьи — один из главных способов усиления национальной безопасности и ограничения губительного воздействия на все сферы жизни и деятельности общества демографических вызовов.

Заключение

Основу обеспечения национального суверенитета России создают законодательная и правоприменительная практики, консолидирующие все слои общества и институты государственного управления, нацеливая их на достижение поставленных задач. С этой точки зрения особое значение имеет майский указ 2018 г.

Президента России В.В. Путина «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (№ 204 от 7 мая 2018 г.).

Указ Президента предписывает Правительству Российской Федерации «при разработке национальной программы в сфере демографического развития исходить из того, что в 2024 году необходимо обеспечить:

а) достижение следующих целей и целевых показателей:

- увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет;
- увеличение суммарного коэффициента рождаемости до 1,7;
- увеличение доли граждан, ведущих здоровый образ жизни, а также увеличение до 55 процентов доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом;

б) решение следующих задач:

- внедрение механизма финансовой поддержки семей при рождении детей;
- создание условий для осуществления трудовой деятельности женщин, имеющих детей, включая достижение 100-процентной доступности (к 2021 году) дошкольного образования для детей в возрасте до 3-х лет;
- разработку и реализацию программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения;
- формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек;
- создание для всех категорий и групп населения условий для занятий физической культурой и спортом, массовым спортом, в т.ч. повышение уровня обеспеченности населения объектами спорта, а также подготовка спортивного резерва»¹.

Через призму сбережения населения и увеличения количественных и качественных характеристик народонаселения России рассматриваются национальные проекты в области здравоохранения, при разработке которых Правительство России до 2024 г. должно достичь следующих целей и целевых показателей: «снижение показателей смертности населения трудоспособного возраста (до 350 случаев на 100 тыс. населения), смертности от болезней системы кровообращения (до 450 случаев на 100 тыс. населения), смертности от новообразований, в том числе злокачественных (до 185 случаев на 100 тыс. населения), младенческой смертности (до 4,5 случая на 1 тыс. родившихся детей)...»².

Концептуально на достижение этих целей направлено развитие удобной для человека городской среды, доступность образования, приобретение жилья, кардинальное улучшение экологических условий жизни, улучшение качества автомобильных дорог и снижение в 3,5 раза смертности в результате ДТП.

Автоматически задачи, определяемые руководством страны, не решаются. Не обеспечивает сбалансированное социально-экономическое развитие государства и режим «ручного управления». Путь к успеху обеспечивают стратегическое

¹ Официальный сайт Президента Российской Федерации В.В. Путина. URL: <http://kremlin.ru/>

² Там же.

прогнозирование, союз интеллектуальной мощи науки, профессионализм законодателя, ответственность исполнителя и активная гражданская позиция населения. Добиться союза власти, науки, образования, культуры и воспитания пока не удалось. Но есть потенциал, и есть время это сделать. Пока не поздно...

© Жуков В.И., 2018
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Список литературы

- Голубчиков Ю.Н., Нестеренко В.Ф. Будущее России: четыре сценария. 2-е изд. М.: Издательский сервис, 2009. 206 с.
- Демографическое развитие России в XXI веке / под ред. Г.В. Осипова, Л.Л. Рыбаковского. М.: Экон-Информ, 2009. 340 с.
- Жуков В.И. Демографический потенциал России. М.: Изд-во РГСУ, 2010. 460 с.
- Жуков В.И. Законодательство об абортах: мировые тренды и национальные интересы // Социс. 2018. № 3. С. 113—123.
- Жуков В.И. Социально-демографический НАБАТ. М.: Изд-во ВИПО, 2017. 380 с.
- Жуков В.И. Социальное развитие России: историко-социологическая компаративистика: в 3 т. М.: Изд-во РГСУ, 2012. Т. 1. 672 с.; Т. 2. 896 с.; Т. 3. 568 с.
- Россия в глобализирующемся мире: социальные аспекты. М.: ИСЭПН РАН, 2006. 356 с.
- Рыбаковский Л.Л. 20 лет депопуляции в России. М.: Экон-Информ, 2014. 231 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18 июня 2018
Дата проверки: 20 августа 2018
Дата принятия к печати: 26 сентября 2018

Для цитирования:

Жуков В.И. Суверенитет России: национальные интересы, демографические угрозы и вызовы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2018. Т. 26. № 3. С. 335—346. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-335-346

Сведения об авторе:

Жуков Василий Иванович, академик РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования, советник дирекции Институт государства и права РАН. Контактная информация: e-mail: vipollc@mail.ru

Sovereignty of Russia: national interests, demographic threats and challenges

V.I. Zhukov

The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
10 Znamenka St., Moscow, 119019, Russian Federation

Abstract. The article examines the main geopolitical factors that determine the place of the state in the community of nations: the size of its territory, the density of the population, the rationality of its productive force's location. Attention is paid to the identification of those reserves, the use of which will make it possible to carry out the breakthrough tasks defined by the May Decree of Russian President Vladimir Putin "On National Purposes and Strategic Development Challenges of the Russian Federation until 2024" (No. 204, May 2018). To solve research problems the author uses methods of legal cooperativities, sociological comprehension of the qualitative and quantitative state of population, and analyzes the legal basis on which the mechanism of lawmaking activity and law enforcement practice are developed.

Keywords: sovereignty, demographic policy, population density, legal cooperativities, sociology of law

References

- Golubchikov Yu.N., Nesterenko V.F. (2009). *Budushchee Rossii: chetyre scenariya*. 2-e izd. Moscow: Izdatel'skij servis Publ., 206. (In Russ.)
- Demograficheskoe razvitiye Rossii v XXI veke (2009). Pod red. G.V. Osipova, L.L. Rybakovskogo. Moscow: Ekon-Inform Publ., 340. (In Russ.)
- Zhukov V.I. (2010). *Demograficheskij potentsial Rossii*. Moscow: RGSU Publ., 460. (In Russ.)
- Zhukov V.I. (2012). *Sotsial'noe razvitiye Rossii: istoriko-sotsiologicheskaya komparativistika*. V 3 t. Moscow: RGSU Publ. (T. 1. 672 s.; T. 2. 896 s.; T. 3. 568 s.) (In Russ.)
- Zhukov V.I. (2017). *Sotsial'no-demograficheskij NABAT*. Moscow: VIPO Publ., 380. (In Russ.)
- Zhukov V.I. (2018). Zakonodatel'stvo ob abortah: mirovye trendy i natsional'nye interesy. *Sotsis*, (3), 113—123. (In Russ.)
- Rossiya v globaliziruyushchemsya mire: social'nye aspekty* (2006). Moscow: ISEHPN RAN Publ., 356. (In Russ.)
- Rybakovskij L.L. (2014). *20 let depopulyatsii v Rossii*. Moscow: Ekon-Inform Publ., 231. (In Russ.)

Article history:

Received: 18 June 2018

Revised: 20 August 2018

Accepted: 26 September 2018

For citation:

Zhukov V.I. (2018). Sovereignty of Russia: national interests, demographic threats and challenges. *RUDN Journal of Economics*, 26(3), 335—346. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-335-346

Bio Note:

Zhukov V.I., Academician of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Laureate of the Government of the Russian Federation Prize in Education, Advisor to the Directorate of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. *Contact information:* e-mail: vipollc@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-347-359

УДК 330.1:316

От заблуждений «финансовой диеты» к заблуждениям «раскодирования» Беларуси

А.Г. Злотников

Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации
Республика Беларусь, 246029, Гомель, проспект Октября, 50

Оцениваются последствия политики «финансовой диеты» в развитии социально-экономических процессов Беларуси. Анализируется признание ее авторами ошибочных положений реформы государственных финансов Беларуси. Показывается несоответствие идей поведенческой экономики Беларуси и сути теории новой поведенческой экономики Р. Талера. Дается характеристика взаимосвязи рациональности и иррациональности в поведенческой экономике. Обосновывается критика сути политики «раскодирования» белорусского менталитета.

Ключевые слова: новая поведенческая экономика, экономика и психология, рациональность и иррациональность, «финансовая диета», раскодирование и национальная матрица, менталитет

Введение

В конце 2017 г. в Беларуси вышла интересная работа с претензионным названием «“Потому что так решили мы”»: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование» (Рудый, 2017). Интерес к ней вызван еще и потому, что она представляет продолжение другой коллективной работы — «Финансовая диета: реформы государственных финансов Беларуси» (Рудый, 2016). И идеи этих двух монографий необходимо рассматривать в системе. Но «Раскодирование» в отличие от «Финансовой диеты» привлекает еще и горячим, на первый взгляд, желанием ее главного редактора и составителя К.В. Рудого помочь Беларуси и белорусам занять более достойное место в этом сложном мире неоднозначных процессов трансформации системы экономических, социально-политических и социокультурных отношений.

Надо бы радоваться внушительным и талантливо исполненным публикациям о финансах и поведенческой экономике Беларуси, но почему-то ее внимательный анализ порождает преимущественно негативные эмоции.

Начнем с формы их подачи. Научный редактор приводит на обложках коллективных монографий ряд мнений специалистов и ученых об этих еще не изданных, но уже высоко оцененных ими книгах. Почему-то приходит на ум аналогия из прошедших времен, когда говорили «мы не читали, но выскажем свое мнение».

Так, в одном из отзывов на «Раскодирование» отмечается: «Эта книга — замечательное чтение, которое дает пищу для размышлений». И действительно дает, но только не в том плане, как ее рекламирует редактор.

Методы и подходы

В статье применяется общенаучный аналитический метод, базирующийся на принципах системного и междисциплинарного анализов, генезиса экономико-теоретических концепций. Основная цель статьи — исследование последствий реформы государственного бюджета Республики Беларусь, изложенной в монографиях ее идеолога, в социально-экономических и прежде всего демографических процессах Беларуси, последствий как прямого, так и косвенного характера.

Рассмотрим ряд существенных аспектов «Раскодирования», которые связаны с теорией поведенческой экономики. Это обусловлено тем, что, во-первых, в названии самой работы упоминается эта теория — «Поведенческая экономика Беларуси». Во-вторых, в 2017 г. Нобелевская премия в области экономики была вручена одному из крупнейших американских ученых Ричарду Талеру — за его вклад в поведенческую экономику (“for his contributions to behavioural economics”) (Талер, 2017). Из этих двух обстоятельств возникает вопрос: насколько основные выводы «Поведенческой экономики Беларуси» соответствуют «Новой поведенческой экономике» Р. Талера? И, наконец, из известного научного положения, что практика — важнейший критерий истины, возникает главный вопрос: каковы последствия и социально-экономическая эффективность внедрения идей этой серии работ и, прежде всего, «Финансовой диеты»? Этот вопрос возникает из роли научного редактора «Поведенческой экономики Беларуси», ранее занимавшего высокую должность помощника Президента Республики Беларусь по экономическим вопросам, по сути дела определявшего экономическую политику страны и таким образом внедрившего результаты своих научных положений.

В аннотации и тексте «Поведенческой экономики Беларуси» отмечено, что «эта книга — продолжение другой коллективной монографии — “Финансовая диета: реформы государственных финансов Беларуси”. Но без раскодирования “финансовая диета” ведет к денежному голоду и не спасает от стагнации экономики» (Рудый, 2017). То есть их следует рассматривать в системе, во взаимосвязи. Одновременно уже в этой аннотации констатируется общая эффективность «Финансовой диеты» — «диеты», которая при ее издании в белорусских средствах массовой информации рекламировалась как величайшая книга в истории белорусской науки по экономике. Но в новой книге (о «раскодировании»), являющейся продолжением первой, имеются замечательные признания о результатах внедрения научных положений и предложений «Финансовой диеты» и оценка этих предложений. Их автор монографий справедливо характеризует своими заблуждениями.

Влияние реформ государственного бюджета Беларуси на углубление депопуляционных процессов

Было бы не так страшно, если бы эти заблуждения оказались только попыткой теоретизирования в духе технократического подхода. Однако эти заблуждения в силу ранее занимаемой должности научного редактора «Раскодирования» и «Финансовой диеты» стали пыткой для социально-экономических процессов, так как они были положены в основу реформирования государственных финансов страны. Парадигма «финансовой диеты» нанесла непоправимый вред всей системе социально-экономических отношений Беларуси, последствия которого будут ощущаться и в далекой перспективе.

Причем в главном содержании социальных процессов (прежде всего в демографическом развитии) эти последствия усугубят в перспективе депопуляционные процессы, что отражено в наших статьях «Экспертиза современной репродуктивной ситуации в Республике Беларусь» (Злотников, 2017) и «Пенсионная система и обеспечение демографической безопасности Республики Беларусь» (Злотников, 2017). Итоги 2017 г. свидетельствуют, что рождаемость в Беларуси за год упала ниже десятилетнего уровня, показатель рождаемости с 12,4 ‰ в 2016 г. упал до 10,7 ‰, численность родившихся (102 556 детей) оказалась на 15 223 чел. меньше, чем в 2016 г. (или на 12,93 %). Такого резкого падения рождаемости в демографической истории мирного времени Беларусь не знала. Это падение рождаемости чиновники пытаются объяснить, а значит и оправдать, уменьшением репродуктивной базы демографического развития. Однако, за год численность женщин наиболее репродуктивного возраста снизилась на 1,13 %. Сопоставление только этих двух величин — 12,93 % и 1,13 % — выявляет, что логики в таком объяснении нет.

Решающим фактором стало влияние реформы государственного бюджета Беларуси, вызвавшее коренные изменения в пенсионном законодательстве. С 1 января 2016 г. в соответствии с положениями «финансовой диеты» в пенсионное законодательство Республики Беларусь «в целях адаптации социального обеспечения к изменяющимся социально-экономическим условиям» были внесены существенные изменения: в основе назначения трудовой пенсии стал учитываться не трудовой стаж, как прежде, а страховой стаж: «при наличии стажа работы с уплатой обязательных страховых взносов в бюджет государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения Республики Беларусь». На основании этой методологии при назначении трудовой пенсии был исключен декретный отпуск — срок нахождения матерей в отпуске по уходу за детьми, который в Беларуси составляет 3 года. И это, спустя три квартала после внесения изменений в пенсионное законодательство, негативно сказалось на репродуктивной ситуации в Беларуси.

Ранее в январе — сентябре 2016 г. наблюдался рост рождаемости, что было итогом зачатий, совершившихся еще в 2015 г., т.е. в период, когда свою стимулирующую роль для репродуктивных процессов сыграла ранее существующая государственная социальная политика, а также прежняя система социально-экономических отношений, тесно связанных с демографическими процессами. Но

спустя 9 месяцев после изменений в пенсионном законодательстве началось обвальное падение рождаемости. К сожалению, происшедшие за последние три месяца 2016 г. в репродуктивной сфере Беларуси явления или не были почему-то замечены, или не были осознаны. 2017 г. дал вышеприведенное рекордное за всю демографическую историю страны падение рождаемости. И в 2018 г. ситуация не изменилась.

Таким образом, неутешительные итоги демографического развития последнего квартала 2016 г., всего 2017 г. и первого полугодия 2018 г. явились результатом существенных изменений в социальной политике. Эта социальная политика есть негативный результат «финансовой диеты», «обосновавшей» необходимость существенных изменений в пенсионной системе. Условием назначения пенсии стал не трудовой, а страховой стаж, т.е. при назначении пенсий женщинам время их нахождения в декретном отпуске перестало учитываться, что привело к значительному уменьшению женщинам размера пенсии. И здесь, как для любой другой сферы, справедливой является констатация Р. Талера, что «для Просто Людей убытки значат больше, чем сопоставимая прибыль» (Талер, 2017).

«Финансовая диета» как вариант белорусской шоковой терапии

Ранее в отношении «Раскодирования» были приведены мнения ряда специалистов о еще не изданной, но уже высоко оцененной монографии. Подобные хвалебные оценки рекламировались ранее и в отношении «Финансовой диеты». Вот, к примеру, мнение С. Гуриева, бывшего ректора РШЭ, на обложке книги: «Это и отличное описание сегодняшних проблем белорусской экономики, и программа реформ, необходимых для их решений». Но спустя полтора года ее реформатор признал свои «диетические» заблуждения. Это свидетельствует, что и тем и другим высоким оценкам грош цена.

Заблуждения «Финансовой диеты» состоят в следующих признаниях, отраженных их автором в «Раскодировании». Во-первых, вдохновителю финансовой реформы «казалось, что бюджетные ограничения создадут в белорусской экономике рациональные стимулы... Но этого не произошло... Сработали не экономические стимулы, а что-то другое — привычки, инстинкты, стереотипы» (Рудый, 2017). Не будем вести речь об общеизвестной роли последних, о которой много писано-переписано. Только напомним, что эта особенность изложена в известной работе М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», а также в публикациях лауреатов Нобелевской премии по экономике (Ф.А. Хайека, Дж. Тобина, В.В. Леонтьева и др.). Роль привычек, инстинктов и стереотипов в экономических процессах обоснована и «отцом» неоинституционализма Т. Вебленом в «Теории праздного класса».

В этой связи возникают только вопросы. Рациональными ли были предложения научного редактора «Финансовой диеты», изложенные в первой книге? Рациональными ли являются выводы второй книги, которая органически связана с первой? Чем существенно отличается иррациональное поведение редактора от бессознательности белорусов? Хорошо, что хоть поздно, но свои заблуждения им были признаны. Что хорошее можно найти в этом признании? Ведь людям, по-

павшим под пресс «финансовой диеты» от него лучше не стало. *Просто Люди* (понятие используемые Р. Талером) понесли потери.

Однако думается, что из этого признания о заблуждениях, которые были положены в основу реформирования финансовой системы Беларуси, Просто Люди теперь поняли, что нет веры вымыслам чудесным. И это единственный позитивный результат теоретизирования и признания прежних заблуждений научным редактором «Раскодирования».

Переходим к следующему заблуждению редактора монографии о «финансовой диете», в котором он признается в книге о «раскодировании»: «Казалось, что технократический подход работает... Если принять отдельные решения по конкретным проектам, не меняя “абстрактный” деловой климат, то можно избежать кризиса». Но этого не произошло, что научный редактор и признает: «“Финансовая диета” ведет к денежному голоду и не спасает от стагнации экономики», тем самым усугубляя кризис. Но, честно признавшись в том, что его «финансовая диета» привела к финансовым проблемам, возникновение этих проблем автор списывает неизвестно на кого: «Примечательно, что именно краткосрочные ухищрения в финансовой сфере продолжают сохранять видимость экономической устойчивости Беларуси» (Рудый, 2017). А ведь эти ухищрения обоснованы в «Финансовой диете»! Это результат узковедомственного подхода, который характерен для технократического мышления. В общем, как говорят, «гладко было на бумаге, помешали лишь овраги...». Но после признания этих заблуждений в социальной политике изменений не произошло. Наоборот, «Поведенческая экономика Беларуси» предлагает новые заблуждения. И опять повторим: нет веры вымыслам чудесным.

И третье заблуждение научного редактора «Финансовой диеты» и «Раскодирования»: ему опять «казалось, время является главным фактором перемен». И дальше в духе приснопамятной явлинско-шаталинской программы «500 дней» им ставится необходимость ускорения главного фактора перемен — времени: «Если раньше для этого требовались годы, то теперь — месяцы» (Рудый, 2017). Отметим, что в разработке шоковой программы «500 дней» принимал участие и один белорусский специалист (Л. Козик), позже поставленный во главе белорусских профсоюзов «защищать» интересы работяг от реализации разработанных им же 500-дневных мер шоковой терапии.

Наверное, «раскодировщик» считает, что предлагаемые им перемены можно быстро осуществить (нужны не годы, а месяцы). Но быстро проявляются только последствия катастроф. Однако при этом, ратуя за необходимость быстрого раскодирования, он обвиняет национальные черты белорусов в ориентации «на краткосрочный результат» (Рудый, 2017). По поводу этого главного фактора перемен, требования ускорения, хотелось бы процитировать одного из крупнейших классиков экономической теории А. Маршалла: «Фактор времени, который лежит в основе главных трудностей при решении почти любой экономической проблемы, сам по себе постоянен: природе неведомо абсолютное деление времени на долгие и короткие периоды, они незаметно переходят друг в друга, и то, что для одной проблемы выступает как краткий период, оказывается для другой долгим» (Маршалл, 1983).

Белорусы в отражении «поведенческой экономики Беларуси»

Научному редактору «жутко становится от того, что бессознательность может руководить нами» (Рудый, 2017). Но самое удивительное при этом, что *свои* бессознательные заблуждения автор «Раскодирования» перекладывает на других: «Виноваты все» (Рудый, 2017). И потому не внявшим его советам белорусам «за него надо нести ответственность» (Рудый, 2017). А автор «Финансовой диеты», дескать, здесь ни при чем. И поэтому надо «раскодировать экономику, изменить предопределенность мышления и поведения». Но, как оценил бы такую эквилибристику поэт, «мысль изреченная есть ложь...».

Автору монографий «Раскодирование» и «Финансовая диета» жутко становится от бессознательности, которая нами руководит, но можно ли процитированное выше — что ему «казалось» — считать рациональным?

Хотя, если верить классикам, такой поход для многих профессионалов — объективное состояние, о чем и говорит лауреат Нобелевской премии по экономике 2017 г. Р. Талер: «Кейнс считал, что профессионалы склонны к иррациональному поведению, чем к его предотвращению» (Талер, 2017). Но то, о чем пишет автор «Раскодирования», скорее типичный медицинский диагноз себе, который он приписывает белорусскому менталитету: «Начинаю узнавать в тексте что-то странное и знакомое. Это мои постоянные медицинские аналогии (диета, диагноз), всплывающие, вероятно, из глубины детства» (Рудый, 2017). Отметим, что и упомянутая нами программа «500 дней» в свое время также характеризовалась в медицинских терминах — «шоковой терапией», что, вероятно, отсылает к периоду детства научного редактора и автора «Раскодирования» и «Финансовой диеты».

Публикация монографии о раскодировании, судя по названию, являет попытку представить, что в Беларуси имеются люди, мышление которых соответствует модной сегодня теории новой поведенческой экономики (ведь поведенческая экономика заложена в названии работы), и обосновать этой теорией аргументированность своих выводов. Но содержание «теоретического обоснования» противоречит существованию новой поведенческой экономики Р. Талера.

Рассуждения о культурной матрице белорусов, которая в «Раскодировании» представлена как элемент бессознательного, сводятся к иррациональному поведению белорусов, их исторической отсталости ходящего по кругу, которую, по мнению научного редактора, надо раскодировать. Не будем искать доказательства тождественности бессознательного и иррационального, которых нет. Но в рамках талеровской и интерпретируемой «белорусской», представленной в книге, поведенческих экономик возникает вопрос: каково соответствие характеристики иррациональности у Р. Талера — центрального момента новой поведенческой экономики — и «белорусских» представлений о поведенческой экономике Беларуси?

Самое основное и существенное методологическое отличие лауреата Нобелевской премии по экономике Р. Талера от научного редактора «Раскодирования» — оценка роли иррациональности людей в теории поведенческой экономики. У Талера — это нормальное явление, которое можно и нужно использовать в социальной политике и практических делах. У редактора «Раскодирования» — ее нужно изжить. У Талера, который создал мост между экономическим и психоло-

гическим анализами *индивидуальных* решений, она находится на *индивидуальном* уровне, связана с пониманием того, что хорошо и что плохо и *личными* интересами, которые как и познавательные способности, самоконтроль и мотивация *разных людей* могут значительно различаться.

Автором раскодирования поведенческой экономики Беларуси белорусская иррациональность представлена как ментальная, *коллективная* этническая характеристика. Причем, с одной стороны, «восприятие белорусами себя как цельного общества незначительно» (Рудый, 2017); а с другой, преимущественно негативная оценка белорусской ментальности — ее отсталости и «жадности, безразличия ко всему» (Рудый, 2017), двоямыслия. И даже историческая память белорусов, их историческое прошлое — это негатив, который нужно искоренить. Мешают белорусам и их государственные языки, один из которых — русский. Иного и быть не могло — «потому что так решили мы» — вот оно «доказательство»! У Ричарда Талера в понимании иррациональности лежат психологические основания, а в «Раскодировании» характеристика нерационального поведения белорусов, его природа заложены в культурологической и социальной системах.

Идея раскодировать белорусскую нерациональность, направить социогенетический код белорусов в русло традиционных экономических постулатов и, вероятно, *западной*, но об этом позже, рациональности “*Homo economicus*” противоречит талеровской новой поведенческой экономике. Это подтверждает понимание рациональности и иррациональности Р. Талером: «человек рациональный» — слишком ограниченная модель, чтобы объяснить решения и поступки людей. Иррациональность не случайна и не бессмысленна — напротив, она вполне систематична и предсказуема: «человек совершает выбор вовсе не беспристрастно. В словаре экономистов, может быть, и нет слова «самонадеянность», но все же это неотъемлемая черта человеческой природы, а кроме нее есть еще масса других предубеждений, которые заставляют людей принимать необъективные решения» (Талер, 2017). И если бы только одним белорусам, о существовании которых Р. Талер, может быть, и не подозревает, была свойственна иррациональность, то ведущие ученые мира ее бы не принимали во внимание. Почему-то после этого пассажа нобелевского лауреата ассоциативно возникает и характеристика монографий как «самонадеянных».

Если говорить о вине белорусской нерациональности в противовес «раскодированию» ущербности, отсталости белорусского менталитета, то новая поведенческая экономика Р. Талера исходит из того, что «люди ведут себя как угодно, но только не так, как выдуманные существа, населяющие экономические модели». И далее будто в противовес «Поведенческой экономике Беларуси» Р. Талер пишет: «Я никогда не стремился показать, что с людьми что-то не так; все мы — просто человеческие существа, *Homo sapiens*. Скорее я видел проблему в модели, которую используют экономисты, модели, которая подменяет *Homo sapiens* (человека разумного) на *Homo economicus* (человека рационального), а это означает, что экономические модели дают ошибочные прогнозы, последствия которых могут оказаться гораздо более серьезными» (Талер, 2017). И очевидно последствия раскодирования и реализации «финансовой диеты» привели к действительно более негативным и серьезным последствиям. В противовес Р. Талеру, который не счи-

тает, «что с людьми что-то не так», в работе «“Потому что так решили мы”»: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование» проводится идея, что именно люди мешают проектам научного редактора упомянутой книги. Р. Талер провозгласил свою мантру: «Нужно сделать, чтобы заставить другого человека изменить свое поведение, что называется “размораживанием”. Один из способов разморозить человека — убрать барьеры, которые мешают ему изменить свое поведение, какими бы незначительными эти барьеры ни были» (Талер, 2017). То есть убрать не иррациональность, а изменить его общественное бытие.

Кроме того, характерной чертой «Раскодирования» является подмена понятий, а также вкладывание в понятие поведенческой экономики совсем другой смысл, чем у Р. Талера. Вначале о подмене понятий. Так, научный редактор и он же автор третьей главы, в ней констатирует: «Белорусскую поведенческую экономику во многом определяют *страхи*, важно понять, чего *боятся* белорусы, какие в будущем видят *проблемы, трудности и угрозы*» (Рудый, 2017). Как видно, в этом утверждении смешались в кучу кони, люди... Характеризуя эти проблемы, трудности и угрозы на материалах социологических исследований им, к примеру, перечисляются: уменьшение населения из-за низкой рождаемости (эту озабоченность отметили 37,4 % респондентов), утрата белорусского языка (35,8 %), рост пьянства и наркомании (34,9 %), труднодоступность медицинской помощи (19,2 %), кризис национальной культуры (16,7 %), кризис системы образования (14,0 %) и др. Да, такие явления представляют определенные проблемы. Но можно ли эти проблемы называть страхами, боязнью или (как далее автор их именуется) фобиями?

Противоположность новой поведенческой экономики Ричарда Талера и «поведенческой экономики Беларуси»

Одно из важнейших понятий, которое извлек «раскодировщик» из талеровской теории, это восприятие идеи подталкивания. Что означает у Талера термин «подталкивание» (*nudge*)? У лауреата Нобелевской премии подталкивание состоит в понимании важности иррациональности людей и возможности эту иррациональность использовать в рациональных целях. Или, как говорят в народе, использовать в мирных целях. Такое явление Р. Талер вначале назвал патернализмом. Но в научных кругах университета, где работал Талер, патернализм считался ругательством — назвать коллегу патерналистом было самым большим оскорблением, обычно это считалось неким принуждением (Талер, 2017). После многих попыток подыскать более подходящий термин (либертарианский патернализм, асимметричный патернализм, оптимальный патернализм) Талер стал использовать термин «подталкивание», что в принципе для него — одно и то же или очень близко по смыслу, так как оба термина у нобелевского лауреата органически связаны. Эта небольшая история с терминами «подталкивание» и «патернализм», описывающая творческий поиск ученого, нам нужна для того, чтобы показать существенное различие, можно даже сказать, пропасть в отношениях к патернализму у нобелевского лауреата и нашего «раскодировщика». У автора «Раскодирования» патернализм считается препятствием в поведении белорусов, которое надо раскодировать (Рудый, 2017). И подтолкнуть. Но куда?

Национальный менталитет каждого народа представляет целостную и устойчивую исторически сформировавшуюся систему экономических, идеологических и социальных отношений и предписаний, поведенческих установок и практик, что сегодня модно называть цивилизационным кодом (Котляров, 2017; Осипов и др., 2015). Что означает его раскодирование? Если бы раскодирование было направлено на выявлении механизмов его формирования, существования и развития, учета специфики национального менталитета, то это один вопрос. Если же поставлена задача изменить мировоззренческую сущность народа, то такое раскодирование противоречит тенденциям и закономерностям его формирования. Автор раскодирования, рисуя негативными красками портрет белорусского народа, на основе характеристики его иррациональности видит путь изменения этого кода в насильственной ломке. И это логично: из его типично медицинского диагноза «больного» белорусского менталитета (национальной матрицы) такое лечение требует хирургического вмешательства!

В «Поведенческой экономике Беларуси и ее раскодировании» чудным и непонятным образом переплелись два аспекта: поведенческая экономика и раскодирование. Именно характеристикой представленной им нерациональной поведенческой экономики белорусов обосновывается необходимость их «раскодирования». Поведенческая экономика Р. Талера исходит из того, что «иррациональность не случайна и не бессмысленна». «Раскодировщик» Беларуси ее не признает, считая помехой.

Конечно, национальный менталитет неизменным не бывает, он развивается, обновляется, но базовые национальные ценности остаются. «Национальная матрица складывается под влиянием многообразия природно-географических, исторических, культурных, религиозных, расовых, возрастных, лингвистических, политических, экономических и иных факторов», справедливо отмечается в «Раскодировании» (Рудый, 2017). А отсюда вытекает логическое противоречие автора «раскодирования», требующего хирургического вмешательства. Что только из перечисленного многообразия, к тому же ускоренно (!), можно изменить, сделать обрезание? Природно-географические условия? Историческое прошлое? Культурное наследие? Религиозные и расовые отношения? Возрастную структуру? Лингвистические (даже белорусскую трясанку) особенности? Политические и экономические факторы?

Ранее мы высказали предположение, что идея раскодировать белорусскую нерациональность имеет антибелорусскую ориентацию: направить социогенетический код белорусов в русло, вероятно, *западной* рациональности. Такое предположение сменяется убежденностью, что раскодирование состоит в отрицании белорусских и насаждении западных ценностей. Об этом свидетельствует не только наклейка на обложке книги «“Потому что так решили мы”: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование» с эмблемами British Embassy и Belaruskyy narodny bank, но самое главное — выбор направления деятельности для слома прежних ценностей: «В целом для кодирования обществу новых ценностей» (Рудый, 2017).

Отметим, что у коллективной монографии «“Потому что так решили мы”: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование» много авторов, главным

образом социологов. Но конкретный качественный социологический анализ цивилизационного кода Беларуси, представленный социологами в других главах этой книги, где меньше ощущается позиция и рука научного редактора, а также в другой работе этих авторов «Белорусское общество в контексте цивилизационно-культурного кода: социологическое измерение» (Котляров, 2017), не дает оснований требовать раскодирования в том направлении, которое, как «кажется» автору «раскодирования», надо осуществить. Белорусскими социологами раскодирование (правда, в названиях этих социологических глав книги постоянно звучит термин раскодирование, но это, вероятно, уже рука ее главного редактора и составителя) представлено в ином плане — в раскрытии специфики, необходимости учета национального менталитета (культурной матрицы, цивилизационно-культурного кода), в системном анализе многообразных социально-экономических, социально-политических и социально-культурных отношений современного белорусского общества.

У Ричарда Талера соотношение экономического поведения Людей и Рационалов состоит в сочетании иррациональности и рациональности. Его новая поведенческая экономика, основанная на интеграции экономики с другими дисциплинами, помогает будущим специалистам ориентироваться в этом непростом, усложняющемся мире. И проводить экономическую политику с использованием принципов новой поведенческой экономики в деле принятия оптимальных решений, учитывая и иррациональные стороны человеческой природы. «Первый шаг в направлении разрушения привычных аксиом состоит в том, чтобы посмотреть на мир вокруг себя. Увидеть мир таким, каков он есть, а не таким, каким его желают видеть другие» (Талер, 2017). Если для простого большинства «иррациональность не случайна и не бессмысленна», то экономическим акторам, обладающим соответствующими специализированными навыками, т.е. тем, кто готовит решения, а тем более их принимает, не помешало бы быть Рационалом. И именно они должны быть Рационалами, а остальные могут не без пользы оставаться Просто Людьми.

К сожалению, выводам и идеям книги «“Потому что так решили мы”: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование» это не присуще. Почему? Ричард Талер объясняет: «Экономическое образование, которое получают нынешние студенты, дает огромные знания в области поведения Рационалов, но при этом в жертву приносится интуитивное знание о человеческой природе и *социальных взаимодействиях*. Выпускники экономических факультетов перестали понимать, что живут в мире, заселенном Просто Людьми». Их модели и поведение друг и коллега Ричарда Талера лауреат Нобелевской премии по экономике 2002 г. Дэни Канеман окрестил «ослеплением теорией». «Такое ослепление теорией, — по мнению Р. Талера, — поражает практически каждого, кто получает докторскую степень по экономике» (Талер, 2017).

Сам «раскодировщик» в своем заключении вспоминает школьную историю с изложением по прочитанной им в свое время книге об одной трагической странице в истории нашей страны, которое он написал с рядом грамматических ошибок. Но за которое он неожиданно для себя получил «5». Думается, что и за это сочинение, представившее белорусов в неличеприятном свете, определенная

группа учителей, придерживающихся антибелорусских ценностей, а также западных инвесторов (British Embassy и Belaruskyy narodny bank) могли бы поставить такую же высокую оценку. Тем более что, по мнению автора этого сочинения, белорусам мешает использование русского языка — государственного языка Беларуси.

Заключение

Оценить противоположность новой поведенческой экономики Р. Талера и «поведенческой экономики Беларуси» лучше самого Ричарда Талера нельзя. Нобелевский лауреат, завершая анализ своего научного поиска, констатирует: «Как однажды сказал Марк Твен: “Ваши проблемы не от того, о чем вы не знаете. Они от того, в чем вы абсолютно уверены, тогда как на самом деле вы заблуждаетесь”. Люди становятся чрезвычайно самоуверенными потому, что не тратят времени на то, чтобы проанализировать свои прошлые ошибочные прогнозы, и потом только усугубляют ситуацию, когда становятся жертвами предвзятости суждения — потому что ищут только те доказательства, которые подтверждают их заранее сформулированную интерпретацию» (Талер, 2017). И хотя автор «поведенческой экономики Беларуси» вроде бы признает заблуждения «Финансовой диеты», но в «Раскодировании» ищет доводы своей заранее сформулированной концепции.

© Злотников А.Г., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Список литературы

- Белорусское общество в контексте цивилизационно-культурного кода: социологическое измерение / И.В. Котляров [и др.]. Мн.: Беларуская навука, 2017. 392 с.
- Злотников А.Г. Экспертиза современной репродуктивной ситуации в Беларуси // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 3. С. 59—68.
- Злотников А.Г. Пенсионная система и обеспечение демографической безопасности Республики Беларусь // Потребительская кооперация. 2017. № 4. С. 47—54.
- Маршалл А. Принципы политической экономии: в 3 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1983. (Серия «Экономическая мысль Запада»). 415 с.
- Осипов Г.В., Климовицкий С.В., Безвербный В.А., Сорокин О.В., Лукьянец А.С., Маньшин Р.В., Кареева С.Г., Синелина Ю.Ю. Коррупция: социально-психологическое измерение. М.: ИСПИ РАН, 2015. 230 с.
- Переход к рынку. Концепция и программы / С.С. Шаталин, Г.А. Явлинский и др. М.: Архангельское, 1990.
- Рудый К. «Потому что так решили мы»: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование. Мн.: Звезда, 2017. 368 с.
- Рудый К. Финансовая диета: реформы государственных финансов Беларуси. Мн.: Звезда, 2016. 464 с.
- Талер Р. Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать. М.: Эксмо, 2017. 540 с.

Scientific Background on the Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel 2017. Richard Thaler: Integration Economics with Psychology. The Committee for the Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel. advanced-economicsciences2017.pdf (дата обращения: 12.12.2017).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 04 июня 2018

Дата проверки: 12 августа 2018

Дата принятия к печати: 16 сентября 2018

Для цитирования:

Злотников А.Г. От заблуждений «финансовой диеты» к заблуждениям «раскодирования» Беларуси // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2018. Т. 26. № 3. С. 347—359. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-347-359

Сведения об авторе:

Злотников Анатолий Геннадьевич, кандидат экономических наук, профессор кафедры права и экономических теорий Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации. *Контактная информация:* e-mail: zlot@tut.by

From misconceptions of the “financial diet” to the misconceptions of the “decoding” of Belarus

A.G. Zlotnikov

Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperatives
50 October avenu, Gomel, 246029, Republic of Belarus

Abstract. The consequences of the policy of the “financial diet” in the development of social-economic processes in Belarus are assessed. The recognition of the erroneous provisions of the public finance reform in Belarus is analyzed. The conformity of the ideas of the behavioral economy of Belarus and the essence of the theory of the new behavioral economics of R. Thaler is shown. A characteristic of the relationship between rationality and irrationality in a behavioral economy is given. The essence of the policy of “decoding” the Belarusian mentality is considered.

Keywords: new behavioral economics, economics and psychology, rationality and irrationality, “financial diet”, decoding and national matrix, mentality

References

- Kotlyarov I.V. i dr. (2017). *Belorusskoe obschestvo v kontekste tsivilizatsionno-kulturnogo koda: sotsiologicheskoe izmerenie*. Minsk: Belarusskaya navuka Publ., 392 p. (In Russ.)
- Zlotnikov A.G. (2017). Ekspertiza sovremennoy reproductivnoy situatsii v Belarusi. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya*, (3), 59—68 (In Russ.)
- Zlotnikov A.G. (2017). Pensionnaya sistema i obespechenie demograficheskoy bezopasnosti Respubliki Belarus. *Potrebitelskaya kooperatsiya*, (4), 47—54 (In Russ.)

- Marshall A. (1983). *Printsipy politicheskoy ekonomii: v 3 t. T. 1. Seriya "Ekonomicheskaya mysl Zapada"*. Moscow: Progress Publ., 415 p. (In Russ.)
- Osipov G.V., Klimovitskii S.V., Bezverbnyi V.A., Sorokin O.V., Luk'yanets A.S., Man'shin R.V., Karepova S.G., Sinelina Yu.Yu. (2015). *Korrupsiya: sotsial'no-psikhologicheskoe izmerenie*. Moscow: ISPI RAN Publ., 230. (In Russ.)
- Shatalin S.S., Yavlinskiy G.A. i dr. (1990). *Perekhod k rynku. Kontsepsiya i programmy*. Moscow: Arkhangelskoe Publ. (In Russ.)
- Rudiy K. (2017). *"Potovu chto tak reshili my": povedencheskaya ekonomika Belarusi i ee raskodirovanie*. Minsk: Zvyazda Publ., 368 p. (In Russ.)
- Rudiy K. (2016). *Finansovaya dieta: reformy gosudastvennykh finansov Belarusi*. Minsk: Zvyazda Publ., 464 p. (In Russ.)
- Thaler R. (2017). *Novaya povedencheskaya ekonomika. Pochemu lyudi narushayut pravila traditsionnoy ekonomiki i kak na etom zarabotat*. Moscow: Eksmo Publ., 540 p. (In Russ.)
- Scientific Background on the Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel 2017. Richard Thaler: Integration Economics with Psychology. The Committee for the Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel. advanced-economicsciences2017.pdf (date of access: 12.12.2017).

Article history:

Received: 04 June 2018

Revised: 12 August 2018

Accepted: 16 September 2018

For citation:

Zlotnikov A.G. (2018). From misconceptions of the “financial diet” to the misconceptions of the “decoding” of Belarus. *RUDN Journal of Economics*, 26(3), 347–359. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-347-359

Bio Note:

Zlotnikov A.G., Cand. Econ. Sci., PhD, Professor of the Department of Law and Economy of Theory of the Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperatives. *Contact information*: e-mail: zlot@tut.by

DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-360-365

УДК 338.26

Socio-psychological climate as a factor of competitiveness

A.A. Kurus, I.V. Bogdashev

Kuban State University
149 Stavropolskaya St., Krasnodar, 350040, Russian Federation

Abstract. In this article the influence of the socio-psychological climate on the competitiveness of organizations is studied. Organizational atmosphere is considered as the main factor stimulating the growth of employees' productivity. The aim of this study is to analyze the competitive enterprises of the brewing industry on the Russian market, their financial performance and the organizational climate that prevails in the organizations, as well as to identify the interdependencies between these indicators. To analyse the psychological climate of the team such indicators as "salary rate", "management", "state of working place", "relation in collective", "career opportunities" and "job satisfaction" were used. "Profit", "net profit" and "revenue" of the companies were used for financial activity analysis. As a result of the analysis, a positive correlation between the presented indicators was revealed, which explains the interrelation of the financial performance of the companies and the organizational climate in them.

Keywords: socio-psychological climate, human resources, job satisfaction, competitiveness, identification of employees

Introduction

The organization is not isolated from society and, consequently, the socio-psychological climate depends firstly on the socio-political and economic situation in the state and, secondly, on the position of the industry in the national economy, as well as on the conditions and standard of living in the region where it is located.

Formation of a favorable psychological climate of the work is one of the most important conditions for the growth of productivity and quality of products. However, psychological climate is an indicator of development of team's social climate. This is associated with the prospect of increasing the social factors in the structure of production and improvement of both the organization and working conditions. The general social and ideological atmosphere in the country depends on the level of psychological climate of each individual.

The effectiveness of joint action depends largely on the optimal realization of personal and group capabilities. Favorable atmosphere in a group does not only affect its productive results but also creates a new opportunities and shows people' potential. That's why it is so important to study psychological climate due to the fact that it is a possibility to be reflected in a company's activity.

Literature Review

The internal state of the organization is determined by a system of interrelated and dependent characteristics. Such characteristics are the compatibility of employees, the optimal leadership style, cooperation within and outside the organization, values, norms of behavior and attitude, the level of identification of individuals and groups with the organization as well as working conditions in the company and employees' job satisfaction. It is very important to form a favorable socio-psychological climate characterized by cooperation of workers, mutual assistance and absence of destructive conflicts in order to increase the competitiveness of the organization (Zhdanov, 2012).

Competitiveness is primarily a socio-psychological phenomenon. The strength of organization is in human resources. Human resources and all social and psychological phenomena that take place in the course of their joint activities lead to increasing the competitiveness of the organization. The approach, in which human resources are considered to be crucial in the process of increasing the competitiveness of the organization, pays significant attention of socio-psychological factors (Makarenko, 2011).

According to the article 163 of the Labor Code of Russia (Labor Code of the Russian Federation, 2018) the employer must create optimal conditions for the employee to fulfill all the norms of production. These conditions include such working conditions that meet the requirements of safety of production and labor protection. Improving working conditions for employees is an objective that employers should seek after. We can distinguish 4 groups of factors, affecting the formation and change of working conditions.

The first group includes social and economic factors, the effect of which determines the situation of workers in society. This group includes factors that characterize the attitude of the society to the sphere of labor activity in an organization and working conditions, complex of interests and value orientations of employees, characteristics of the staff, the style of leadership, etc.

The second group of factors is the technical and organizational factors directly affecting the formation of material elements of working conditions: such as the means of labor, the objects of labor, technological processes, organizational forms of production, labor and management, in particular, the modes of work and rest, the forms of division and cooperation of labor, methods of work, rationing of labor, etc.

The third group includes natural factors that characterize the impact of geographic, climatic, geological and biological features of the terrain, where the labor process is taking place, on workers.

The fourth group of factors is economic and household, associated with the organization of food workers, their sanitary and domestic services (Chechina, 2009).

In circumstances of a large number of individual private enterprises and a wide range of working places in the most popular sphere of marketing, goods production, service provision and so forth, every employer tries to create and improve such an organization atmosphere which will distinguish their company from others and be attractive for employees to become a part of it. That is why working conditions are indissolubly connected with the psychological climate.

Employers understand that both physical and psychological state of health of an employee will depend on working conditions. The better the working conditions are, the

better the state of the employee is and, consequently, the higher his efficiency and productivity are. Remembering this rule allows a company to get more finished products at the output. The organization must maintain working conditions at an acceptable level and also improve them in order to obtain greater benefits from employees and create a comfortable environment for productive and qualitative results.

Influence of organizational climate on competitiveness: practical example

Now we are going to study Russian beer industry and describe working condition as well as financial indicators of three beer companies to make a competitive analyze and prove the hypothesis about interrelation of socio-psychological climate and companies' performance.

1. The Ochakovo Company is the largest entity of a beer and soft drinks industry of Russia without participation of the foreign equity. Ochakovo is included into the six of the leading brewing holdings of Russia, holds leading positions in the market of natural kvass and low alcohol cocktails. 22 entities are a part of the company: beer and soft drinks productions, winery, malting complexes and agricultural enterprises (Official site of Ochakovo Company).

2. Baltika is the largest Russian brewing company which is the leader of the Russian beer market with a share of 41%. Baltika brand is one of two Russian brands on the list of the 100 largest world trademarks, compiled in April 2007 by the British newspaper Financial Times (Vinogradova, 2007). Based on the results of a similar rating compiled in April 2009, Baltika didn't get into the top 100 brands. The Baltika trademark has become one of the three leaders in the rating of the international brand-consulting agency Interbrand, as one of the most expensive brands (Official site of Baltika Company).

3. CJSC "Moscow brewing company" is a Russian company engaged in the production and sale of beer, low-alcohol and non-alcoholic beverages. It has entered the Russian market of drinks with products of own and licensed production in September 2008 (Official site of Moscow brewing company). The company includes a brewery, distribution and logistics centers located in Mytishchi, the Moscow Region.

The results of analysis are presented in table 1.

Table 1

Competitiveness model of Ochakovo, Baltika and Moscow brewing company for 2017

Working conditions	Ochakovo	Baltika	Moscow brewing company
Salary rate	3.1	3.3	2.5
Management	2.4	2.1	2.2
State of working place	3	2.9	2.9
Relation in collective	2.8	2.7	2.2
Career opportunities	2.2	2	2.4
Employees' job satisfaction	2.7	2.6	2.4

Source: <http://otrude.net>

As you can see the ratings of Russian beer industry is not great and should be improved to deserve a better recognition by people. In spite this fact, it is obvious that Ochakovo and Baltika got the highest indicators in all indicators that characterizes it as the best beer Companies to work for while Moscow brewing company get the lowest one and fell behind greatly from other two companies. Now we are going to analyze financial results in table 2.

Table 2

Financial indicators of Ochakovo, Baltika and Moscow brewing company for 2017

Indicators	Ochakovo	Baltika	Moscow brewing company
Profit	7 514 083	86 608 441	35 122 648
Net Profit	400 434	12 030 946	-1 366 434
Revenue	692 032	14 256 198	3 472 746

Source: Financial reports taken from the companies' official websites.

Results

After studying the results, we have noticed that the company with the lowest socio-psychological climate, according to assessment of employees, has the poorest numbers of financial indicators. Baltika has got the biggest number that can be explained by the fact that it is the only Russian beer company on the international market. Speaking about Ochakovo, we can notice that it takes rather high position among other domestic beer companies in Russia and provides good working conditions for its employees that may lead to expansion of its share on the Russian beer market as well as its entering to the international arena.

Conclusion

As a conclusion it is important to say that formation of a favorable psychological climate of the work is one of the most important conditions for the growth of productivity and quality of products. However, psychological climate is an indicator of development of team's social climate. This is associated with the prospect of increasing the social factors in the structure of production and improvement of both the organization and working conditions. The general social and ideological atmosphere in the country depends on the level of psychological climate of each individual.

The effectiveness of joint action depends largely on the optimal realization of personal and group capabilities. Favorable atmosphere in a group does not only affect its productive results but also creates a new opportunities and shows people' potential. That's why it is so important to study psychological climate due to the fact that it is a possibility to be reflected in a company's activity.

© Kurus A.A., Bogdashev I.V., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

References

- Chechina O.S. (2009). *Osnovy Upravleniya Personalom: uchebnoe posobie*. Samara. (In Russ.)
- Data for Competitive Model. Available at: <https://otrude.net/employers/41537>; Available at: <https://otrude.net/employers/25943>; Available at: <https://otrude.net/employers/39504> (accessed: 18.04.2017).
- Labor Code of the Russian Federation*. Available at: <http://www.tkodeksrf.ru/ch-3/rzd-6/gl-22/st-163-tk-rf> (accessed: 25.03.2018).
- Makarenko A.S. (2011). *Pedagogicheskaya poema*. Moscow, 311. (In Russ.)
- The official website of Baltika Company. Available at: <http://corporate.baltika.ru> (accessed: 15.04.2017).
- The official website of Moscow Brewing Company (accessed: 14.04.2017).
- The official website of Ochakovo Company. Available at: <http://ochakovo.ru> (accessed: 14.04.2017).
- Vinogradova E., Tutushkin A., Koryukin K. *Cena brenda*. Available at: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2007/04/23/cena-brenda> (accessed: 15.04.2017).
- Zhdanov O.I. (2012). Socio-psychologicheskyy klimat v collective. *Personnel Management*, 512 (In Russ.)

Article history:

Received: 26 March 2018

Revised: 20 June 2018

Accepted: 26 August 2018

For citation:

Kurus A.A., Bogdashev I.V. (2018). Socio-psychological climate as a factor of competitiveness. *RUDN Journal of Economics*, 26(3), 360—365. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-360-365

Bio Note:

Kurus A.A., Master's Student of Economics and Management, Kuban State University. *Contact information*: e-mail: A.A.Kurus@mail.ru

Bogdashev I.V., PhD in Economics, Associate Professor, Theoretical Economics Department, Kuban State University. *Contact information*: e-mail: ilbogdashev@gmail.com

Социально-психологический климат организации как фактор конкурентоспособности

А.А. Курусь, И.В. Богдашев

Кубанский государственный университет
Российская Федерация, 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149

В статье рассматривается влияние социально-психологического климата на конкурентоспособность организаций. Атмосфера в организации представлена как основной фактор, стимулирующий рост продуктивности сотрудников. Целью исследования является анализ конкурентных предприятий пивоваренной индустрии на российском рынке, их финансовой деятельности, а также организационного климата, который царит в организациях, и выявление

взаимозависимостей между упомянутыми показателями. Чтобы проанализировать психологический климат коллектива были использованы такие показатели, как уровень зарплаты, управление организацией, состояние рабочего места, отношения с коллективом, возможности карьерного роста и удовлетворенность работой. Для анализа финансовой активности рассматривались показатели прибыли, чистой прибыли и доходов компаний. В результате анализа была выявлена прямая зависимость между представленными индикаторами, что объясняет наличие взаимосвязи финансовых показателей компаний и организационного климата.

Ключевые слова: социально-психологический климат, человеческие ресурсы, удовлетворенность работой, конкурентоспособность, идентификация сотрудников

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 26 марта 2018

Дата проверки: 20 июня 2018

Дата принятия к печати: 26 августа 2018

Для цитирования:

Курусъ А.А., Богдашев И.В. Социально-психологический климат организации как фактор конкурентоспособности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2018. Т. 26. № 3. С. 360—365. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-360-365

Сведения об авторах:

Курусъ Анастасия Александровна, магистр экономики и менеджмента Кубанского государственного университета. *Контактная информация:* e-mail: A.A.Kurus@mail.ru

Богдашев Илья Владимирович, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры теоретической экономики экономического факультета Кубанского государственного университета. *Контактная информация:* e-mail: ilbogdashev@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-366-378

УДК 364.22:364.027

От социальной помощи к социальной активности: новый взгляд на решение проблем беднейших слоев населения

М.И. Соколова

Московский государственный институт международных отношений (университет)

МИД России

Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Одной из глобальных проблем человечества уже многие годы является проблема бедности. Несмотря на усилия мирового сообщества по борьбе с нищетой и отсталостью на нашей планете, успехи не вызывают особого оптимизма: богатые продолжают богатеть, а бедные становятся еще беднее. Сегментация населения нашей планеты по уровню дохода, проведенная экспертами различных организаций (ООН, МФК, Всемирный банк и др.), позволяет сделать вывод, что беднейшие слои населения («основание экономической пирамиды») формируют более половины потребительского рынка развивающихся стран. С увеличением темпов экономического роста в данных странах, а такая тенденция существует, покупательная способность этих людей также должна возрасти.

Низкая экономическая активность людей с невысокими доходами объясняется разными причинами, однако сам сегмент до конца не изучен ни в отдельно взятой стране, ни в мире в целом. Переориентация деятельности крупных ТНК и коммерческих предприятий на реализацию проектов в сегменте «основание экономической пирамиды» позволит выйти из нищеты миллионам людей по всему миру.

Социально-этический маркетинг и бизнес, учитывающий эту концепцию, позволят существенно сократить число людей с низким уровнем дохода, выводя их на новый уровень потребления.

Ключевые слова: основание экономической пирамиды, бедность, сегментация, паритет покупательной способности, уровень дохода, методы борьбы с бедностью, благотворительность, инновации, социально ответственный бизнес, социальное предпринимательство

Введение

Одной из глобальных проблем человечества уже многие годы является проблема бедности. Несмотря на усилия мирового сообщества по борьбе с нищетой и отсталостью на нашей планете, успехи не вызывают особого оптимизма: богатые продолжают богатеть, а бедные становятся еще беднее. Не случайно глава Минэкономразвития России М. Орешкин считает бедность серьезной угрозой для экономического роста нашей страны¹. Устранение причин, способствующих возникновению и стремительному росту численности беднейших слоев насе-

¹ Интервью газете «Коммерсантъ» от 09.01.2017. URL: <http://www.sobityadnya.ru>

ния, невозможно без детального изучения природы появления и существа понятия «бедность».

Население Земли стремительно растет. Всего 25 лет потребовалось на то, чтобы население планеты увеличилось с 5 млрд в 1986 г. до 7 млрд в 2011 г. Это колоссальный рост, особенно если учесть тот факт, что на достижение численности в 1 млрд человечеству потребовалось 50 тыс. лет. Если такая тенденция роста сохранится, то, по оценкам специалистов, к 2040 г. население Земли может возрасти до 9 млрд чел.¹ Следует учитывать, что указанный рост происходит в основном за счет наиболее бедных стран (около 3 % в год). При этом в экономически развитых странах прирост населения колеблется в пределах 0,3—0,6 %. Все это в результате приводит к усилению социального неравенства. В настоящее время примерно 61 млн чел. в мире имеют такой же суммарный доход, как 3,5 млрд наиболее бедных людей. Таким образом, если все бедные люди имеют работу, то на каждый доллар богатого приходится меньше 2 центов бедного.

Большая часть беднейшего населения нашей планеты находится в странах Африки южнее Сахары, Азии и Южной Америки. Это люди, которые тратят на себя не более 2 долл. США в день, а их численность, по оценке Всемирного банка, составляет более 2,5 млрд чел. Для России проблема бедности не менее актуальна. В нашей стране на начало 2013 г. 11 % населения (15,6 млн чел.) имели доходы, не превышающие величину прожиточного минимума.

По оценкам Счетной палаты, в конце 2017 г. 20,3 млн россиян получали доходы ниже прожиточного минимума, что составляет 13,8 % населения страны². В настоящее время правительство проводит политику, направленную на увеличение минимального размера оплаты труда, с целью приведения его в 2019 г. к уровню прожиточного минимума.

Основная часть

Проблема бедности — это не проблема сегодняшнего дня. Еще в период становления индустриально-рыночных отношений она осознавалась как серьезная социальная проблема. Однако, такая длительная история существования не умаляет ее значимости в настоящее время. Бедность характеризует положение человека или отдельной социальной группы, когда они не в состоянии удовлетворить минимальный набор потребностей для поддержания жизни, продолжения рода, сохранения трудоспособности. В то же время бедность можно рассматривать как относительное понятие, зависящее от общего стандарта уровня жизни конкретного общества. Существует много подходов к определению критерия нищеты. В данной статье будет использован критерий отнесения к беднейшим слоям населения людей с доходом менее 1,9 долл. в день, рекомендованный Всемирным банком в 2015 г.

Изучением причин бедности и определением ее места в обществе занимались такие выдающиеся специалисты, как Ж. Прудон (Прудон, 1908), А. Смит (Смит,

¹ Мир после кризиса. Глобальные тенденции — 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. URL: <http://www/class.ru/library/node/3547>

² Интервью газете «Ведомости» от 22.12.17. URL: <http://www.vedomosti.ru>

2017), Т. Мальтус (Мальтус, 1895), Д. Рикардо (Рикардо, 1929), Г. Спенсер (Спенсер, 2013), Э. Реклю (Реклю, 2011), К. Маркс (Маркс, 2001), С. Раунтри (Rowntree, 1901), П. Таунсенд (Townsend, 1979), Ф. Хайек (Хайек, 1992) и др. В своих работах А. Смит оценил разрыв между социальными стандартами и материальной способностью людей придерживаться этих стандартов, то есть выявил относительную природу бедности через связь бедности и социального стыда. В XIX в. черту бедности начали определять на основе семейных бюджетов и тем самым рассчитали критерий абсолютной бедности, связав критерии определения бедности с уровнем доходов и удовлетворением основных потребностей индивида, которое должно было обеспечить поддержание определенного уровня его работоспособности и здоровья. Исследованием проблем бедности занимались не только экономисты, но и социологи, признающие закономерность существования бедности в обществе. Различие точек зрения состояло, прежде всего, в признании или отрицании необходимости вмешательства государства в решение проблемы бедности и в определении масштабов такого вмешательства.

Причины, следствием которых является бедность, можно объединить в несколько групп (Рыбаков, 2015).

Во-первых, это экономические причины, такие как социальное неравенство, в том числе низкая заработная плата, высокий уровень безработицы, низкая конкурентоспособность отрасли, низкая производительность труда.

Во-вторых, демографические: перенаселение, большое количество иждивенцев в семье, неполные семьи.

В-третьих, социально-медицинские причины. К ним можно отнести высокий уровень заболеваемости, старость, инвалидность.

В-четвертых, образовательно-квалификационные причины. Это недостаточная профессиональная подготовка, низкий уровень образования.

В-пятых, политические причины (вынужденная миграция, военные конфликты).

Также можно говорить о регионально-географических, религиозно-философских и психологических причинах бедности (неравномерное экономическое развитие регионов, аскеза как образ жизни, юродство).

В настоящее время специалисты считают¹, что рост социального неравенства и бедности в наше время происходит за счет того, что:

- сокращаются зарплаты рабочих;
- существенно увеличивается разница между максимальным и минимальным уровнями оплаты труда;
- состоятельные люди стремятся уйти от уплаты налогов.

Наиболее распространенными способами борьбы с бедностью являются непосредственная материальная и финансовая помощь, финансирование медицинских мероприятий, снабжение продовольственными ресурсами и другие действия, такие как, например, благотворительность. Программа ООН «Цели развития тысячелетия» борьбу с бедностью рассматривает в качестве приоритетной задачи. В процессе борьбы с бедностью используются не только экстенсивные методы,

¹ Официальный сайт Оксфам. URL: <http://www.oxfam.org>

предполагающие увеличение количественных показателей по объему охваченного населения, но и интенсивные, базирующиеся на диверсификации подходов к решению проблемы. В рамках борьбы с бедностью используют различные методы¹:

- сбор информации для обеспечения объективных данных по уровню бедности;
- сотрудничество с правительствами развивающихся стран по проблемам разработки бюджетной политики, нацеленной на решение проблем нищеты и предоставление дотаций на государственном уровне на финансирование проектов;
- стимулирование развития финансовых систем беднейших стран;
- помощь развивающимся странам в налаживании двусторонних контактов (выполнение роли посредника);
- работа по увеличению занятости населения и решению проблем безработицы при сотрудничестве с государственными структурами;
- проведение консультаций развивающихся стран при осуществлении внешнеторговых операций;
- развитие внутренних рынков развивающихся стран при сотрудничестве с коммерческими структурами. В данном случае международные организации ставят цель увеличить доходы населения и число рабочих мест в стране. Компании, которые не всегда напрямую заинтересованы в осуществлении благотворительной деятельности, могут получить новых поставщиков сырья, расширить рынки сбыта, поддержать свой имидж и повысить корпоративную социальную ответственность.

Реализуя программу «Цели развития тысячелетия», ООН добилась снижения уровня бедности во многих регионах мира, включая наиболее бедные африканские страны.

Подход, на который ориентируются международные организации, дает ощутимую отдачу в ближайшей перспективе, чего нельзя сказать о перспективе долгосрочной. Данный подход обладает рядом существенных недостатков. В частности, оказывая безвозмездную продовольственную помощь беднейшим странам, донор автоматически снижает спрос на продукцию местных производителей продовольственных товаров, чем наносит значительный ущерб местным производителям, прибыль которых снижается из-за появления бесплатного конкурирующего продукта. При этом населению не предлагают новых источников дохода, и снижение прибыли местных производителей негативно влияет на общую покупательную способность жителей страны. Усиление продовольственной зависимости от развитых стран может привести к тому, что при прекращении такого рода благотворительной помощи в развивающихся странах еще острее встанет проблема голода, а в случае глобального кризиса количество людей, живущих за чертой бедности, существенно возрастет.

В настоящее время нельзя утверждать, что все подходы, нацеленные на борьбу с бедностью, дают возможность эффективно решать существующие проблемы. Существенные риски при реализации программы ООН по борьбе с бедностью

¹ Fast facts: Poverty reduction. United Nations Development Programme. New York, 2013.

отмечал в своих заявлениях бывший генеральный секретарь организации Пан Ги Мун.

В качестве примера уязвимости и нестабильности современной системы можно привести влияние мировых экономических кризисов 2008—2009 гг. и 2014 г. на реализацию проекта «Цели развития тысячелетия» ООН.

Более того, негативное влияние кризисов может оказаться долгосрочным: уровень крайней нищеты к концу 2018 г. и даже к 2020 г. может остаться несколько выше, чем в случае сохранения докризисных темпов роста мировой экономики. Показательной является статистика населения за чертой бедности в африканских странах, где безвозмездная помощь и другие дотационные методы помощи традиционно преобладают над стимулированием экономического развития.

Статистика ООН показывает, что в период с 1998 по 2008 г., произошло снижение количества бедных в так называемой черной Африке, но уже после 2009 г. их количество опять повысилось до уровня 64 %.

Эти цифры убедительно указывают на необходимость резервирования достаточно большого количества свободных денежных средств развитыми странами для поддержания проектов негосударственных организаций, нацеленных на попытку решить дотациями проблемы бедности. Анализ современной ситуации показывает, что существующая система борьбы с бедностью:

- в значительной степени зависит от состояния мировой экономики;
- требует постоянного независимого контроля и внешнего финансирования;
- не предусматривает получения прибыли и фактически является убыточной.

Тем не менее недооценивать то, что делается сегодня различными фондами и организациями, нельзя, так как это, безусловно, приносит свои положительные результаты, существенно облегчая жизнь миллионов людей по всему миру. Безвозмездная помощь, обладая указанными выше недостатками, усложняет существующий подход к решению проблемы и противоречит принципам рыночной экономики, доминирующим в современном миропонимании.

Сам факт оказания безвозмездной помощи противоречит принципам рыночной экономики, главенствующей в современном развитом мире. Денежные средства, направленные на борьбу с эпидемиями, природными катаклизмами и бедностью, приравниваются к средствам, не приносящим прибыль, т.е. являются чистой потерей с экономической точки зрения.

Классики экономической теории утверждают, что важнейшее условие для привлечения инвестиций — перспектива получения доходов. При этом чем выше ожидаемая прибыль, тем больше бизнесменов будет привлечено, обеспечивая значительный приток как денежных средств, так и нематериальных активов, в частности технологий и ноу-хау.

Реализация рыночного подхода в действительности предполагает максимизацию прибыли, а само ожидание максимальной доходности является действенным стимулом для инвестора обеспечить эффективное руководство бизнесом. Вывод очевиден: для того чтобы крупный бизнес активно участвовал в борьбе с бедностью (не только оказывая безвозмездную помощь) надо создать условия, при которых инвесторы, вкладывая средства в «основание экономической пирамиды»,

получали бы прибыль и обеспечивали беднейшие слои населения механизмами самофинансирования.

Одним из методов, позволяющим эффективнее решать проблемы бедных слоев населения, может являться интенсификация усилий государства к привлечению коммерческого капитала путем информационного обеспечения и экономического обоснования перспективности и доходности инвестиций в структуры, работающие в сегменте населения с низким уровнем дохода. Такой подход позволяет включить население с низким уровнем дохода (или вообще без дохода) в экономическую активность, делает их полноценными участниками рынка, создавая условия для экономического роста, и является важным шагом к выходу из бедности. В данном случае речь идет не о меценатстве, благотворительности и спонсорской помощи, а о новых подходах, используемых государством и бизнесом для усиления экономической активности беднейших слоев населения (Дементьева, Соколова, 2006).

Новые подходы могут основываться на концепции ведения бизнеса «у основания экономической пирамиды», предложенной профессорами Мичиганского университета С.К. Прахаладом и Стюартом Л. Хартом (Prahalad, 2002).

При работе в сегменте населения с низким уровнем дохода транснациональные корпорации допускают ошибки, которые, по мнению С.К. Прахалада, базируются на укоренившихся стереотипах маркетологов (Prahalad, 2010). К таким стереотипам можно отнести следующие:

- 1) бедные люди, имея очень низкий доход, не смогут позволить себе купить товары крупной корпорации;
- 2) беднейшие слои населения не могут использовать продукцию корпорации;
- 3) беднейшее население развивающихся стран не нуждается в новых технологиях, потребность в которых существует только в развитых странах;
- 4) в долгосрочной перспективе сегмент беднейших слоев населения непривлекателен с экономической точки зрения.

Если компании ориентируются на приведенные ошибочные тезисы, то тем самым она резко ограничивает возможности покупателей из развивающихся стран, оставляя право на покупку жителям крупных городов, а они составляют не более 25 % от общей численности населения этих стран.

При этом компании ориентируются на приемы и опыт деятельности, накопленные при работе с потребителями, входящими в «середину экономической пирамиды». Отдавая предпочтение изящному дизайну, дорогостоящим методам продвижения продукции вместо совершенствования потребительских свойств товара, компании создают ситуацию, при которой бедные люди не могут приобрести изделия из-за значительно возрастающей за счет затрат на дизайн и продвижение цены. Именно акцент на продвижение продукта и зачастую его привлекательный внешний вид являются одним из действенных инструментов маркетинговой политики компаний в развитых странах. Утверждая, что товары корпораций недоступны населению с низким уровнем дохода, компании демонстрируют неприятие изменения структуры издержек производства. Два этих утверждения указывают крупным компаниям на экономическую нецелесообразность работы с беднейшими слоями населения в долгосрочной перспективе.

В данном случае руководители ТНК забывают, что рынки развитых стран насыщены и затраты на разработку нового дизайна, рекламных кампаний и т.п. значительно увеличивают стоимость изделия, оставляя без внимания потребности миллиардов людей с низким уровнем дохода, что противоречит принципам устойчивого развития и мешает положительной динамике роста рынка развивающихся стран.

Для дальнейшего рассмотрения представляет интерес сегмент беднейших слоев населения, в котором люди трудоспособны, но не могут (или не хотят) обеспечить себе прожиточный минимум. По нашей оценке, менее 10 % беднейших людей в мире нуждаются в прямых дотациях: это инвалиды, малолетние дети, неимущие пожилые люди, которые по состоянию здоровья или в силу возраста не могут работать. Для этой категории людей вполне подходят традиционные формы социальной поддержки, используемые в мире в последние десятилетия (Соколова, 2006).

Компании, принявшие решение работать в сегменте «основание экономической пирамиды» и способствовать его экономическому развитию, адаптируют продукты и маркетинговые стратегии к новым условиям ведения бизнеса, обеспечивая себе тем самым конкурентные преимущества как с точки зрения соблюдения принципов устойчивого развития, так и с коммерческой позиции с учетом численности представителей сегмента.

Grameen Bank (Банк Грэмин) является классическим примером успешного бизнеса в сегменте населения с низким уровнем дохода. В 2006 г. его создателю Мухаммаду Юнусу была вручена Нобелевская премия мира «За усилия по созданию основ для социального и экономического развития». Развитие банка началось в 1976 г. с проекта Мухаммада Юнуса, который на тот момент был профессором экономики в Университете Читтагонга в Бангладеше. Целью проекта было разработать систему кредитования для малообеспеченного населения в сельских районах Бангладеша. Традиционно банковский сектор требует в качестве основного условия выдачи кредита гарантии выплаты в форме залога имущества. Для большинства жителей деревень в Бангладеше это условие совершенно невыполнимо. Кроме того, на операцию по выдаче займа банк тратит фиксированную сумму, которая включается в стоимость кредита. Туда входит оплата времени на работу с клиентом, затраты на проверку его кредитной истории, проверку гарантий и прочее. Относительно большой суммы займа эти расходы невелики, что позволяет окупить их, устанавливая ставку процента на невысоком уровне. При работе с малыми суммами эти же затраты обернутся значительным ростом процентной ставки либо убытками для финансовой организации.

Недоступность банковских услуг для населения приводило к тому, что деревенские предприниматели и торговцы были вынуждены прибегать к займам у местных ростовщиков, где процентная ставка доходила до уровня 20 % в день (российская действительность микрофинансирования).

Концепция Grameen Bank состоит в следующем: решение о выдаче кредита предоставляется, основываясь не на обеспеченности заемщика, но на его потенциале основать и развить прибыльный бизнес, а, по мнению автора проекта, та-

кой потенциал есть у каждого человека. Кредиты выдаются группе людей численностью от пяти человек, лидер которой принимает основные решения, касающиеся инвестирования заемных средств. При этом в данном случае неприменим принцип круговой поруки, то есть за выплату долга несет материальную ответственность только лидер, а стимулом для остальных являются исключительно моральные обязательства. Кредит предоставляется для обеспечения самозанятости, осуществления деятельности, которая приносит доход, и обеспечения бедных жильем в противоположность его использованию на потребление товаров.

Для укрепления рыночных позиций Grameen Bank потребовалось тщательное позиционирование брэнда. Руководству компании удалось разработать имидж ответственного партнера малообеспеченного населения, что было достигнуто в том числе путем внедрения обязательств и правил, которые являются для всех заемщиков едиными. Эти правила объединены в так называемые «шестнадцать принципов», обязательных к исполнению всеми клиентами банка. В числе этих принципов, например, указано, что клиенты обязаны:

- соблюдать установки банка в отношении дисциплины, единства, мужества и трудолюбия во всех сферах жизни;
- принимать активное участие в строительстве новых домов и ремонтировать существующие;
- обеспечить процветание своим семьям;
- круглый год выращивать овощи, а излишки продавать;
- не совершать несправедливость по отношению к кому-либо, не допускать совершение подобных действий со стороны других людей;
- обеспечивать детям возможность получения образования и стремиться к тому, чтобы они могли зарабатывать деньги для оплаты своего образования;
- совместно осуществлять больше инвестиций для получения больших доходов и т.д.

Соблюдение указанных норм позволяло решить две задачи. Во-первых, являясь составной частью социально ответственной концепции банка, введение данных норм позволило банку позиционировать себя не только как кредитора, но и как организацию по борьбе с бедностью. Во-вторых, поддержание дисциплины и повышение уровня жизни клиентов положительно воздействовало на показатели возврата займов.

В 96 % случаев клиентами Grameen являются женщины, поскольку, согласно опыту Grameen, они более ответственны, чем мужчины. По данным исследований Всемирного банка, следствием этого является увеличение роли женщины в семье и обществе, хотя некоторые экономисты подвергают сомнению эту точку зрения.

Используя подход, основанный на выдаче кредитов без материальных гарантий, банку Grameen удается существенно экономить на анализе кредитоспособности и оценке залогового имущества, что позволяет системе работать эффективно. Средний коэффициент выплат займов за период с момента основания составляет 96,67 %, что является очень высоким показателем для банковского сектора. В среднем банк выдает кредитов на сумму около 1500 млн долл. США.

Банк Grameen является основоположником современного института микрофинансирования, получившего широкое распространение во всем мире¹.

В современных условиях в России особое значение приобретает процесс решения проблемы бедности со стороны социально ориентированного государства и бизнеса.

Особо остро проблема бедности, связанная в том числе и с отсутствием рабочих мест, стоит для сельского населения. По этой причине представляет интерес опыт семейного фермерского хозяйства «Рамаевское», которое в полной мере отвечает критериям социально ориентированного предприятия.

Руководитель хозяйства Фарид Хайрутдинов убежден, что в селе должна быть работа. За четыре года он сумел создать хозяйство с оборотом в 300 млн руб., переделывая заброшенные коровники под птичники. Сейчас его «утки в тубейках» стали узнаваемым брендом по всей России.

Предположим, у человека есть 60 тыс. руб. На эти деньги можно купить четыре теленка. Их надо растить как минимум два года. Два года кропотливого труда: кормить, поить, лечить. В итоге хозяин получает 400 кг мяса с каждого, всего — 1,6 т мяса. На эти же 60 тыс. руб. можно купить тысячу уток. 42 дня отработал, получил 2,5 т мяса. Выращивая утку, можно за 2 года 16 раз получить по 2,5 т. Это более выгодно, чем откармливать телят. И несравнимо по трудозатратам. Любая семья легко справится с одной тысячей уток и при этом всегда будет с едой и деньгами. В хозяйстве «Рамаевское» одна птичница обслуживает 40 тыс. уток.

Чтобы содержать тысячу голов, нужно примерно 300 м² — сарай. Труд для сельских жителей привычный, легкий, результат хороший. А вместе с ними будут зарабатывать и те, кто выращивает зерно, и комбикормовые заводы — всей производственной цепочке будет польза. Многие получают работу и гарантированный заработок.

В фермерском хозяйстве Фариды Хайрутдинова 6 тыс. голов родительского стада уток, один из лучших в мире инкубаторов, позволяющий получать каждые 28 дней по 80 тыс. утят. Это своего рода роддом для утят, его покупали именно под уток. Он имеет много особенностей, которые обеспечивают хорошую выживаемость и качество цыплят. Есть также несколько птичников, которые в свое время сделали на базе полуразвалившихся коровников, есть забойный цех².

Если семья берет на выращивание 10 тыс. утят, то она зарабатывает около 500 тыс. руб. в месяц или даже больше. Не требуется дополнительного образования и больших капиталовложений. В сельской местности много старых заброшенных коровников, которые можно переоборудовали в птичник. Любой из них можно получить в аренду достаточно дешево.

Одна из проблем заключается в том, что у многих сельских семей нет денег для приобретения кормов для птицы. В хозяйстве «Рамаевское» провели эксперимент: отдали одному фермеру 10 тыс. утят на откорм. Утенок стоил 70 руб., то есть все стадо, условно говоря, стоило 700 тыс. руб. Но их отдали без оплаты, более того,

¹ Данные с официального сайта компании. URL: http://www.grameeninfo.org/index.php?option=com_content&task=view&id=26&Itemid=175

² Интервью Ф. Хайрутдинова газете «Ведомости» от 22.12.17. URL: <http://www.vedomosti.ru>

дали фермеру комбикорма на 2 млн руб. Через 42 дня он вернул откормленных уток. Когда их забили, получилась 21 т мяса, оптовая цена которого составила 4,2 млн руб. После вычета стоимости комбикормов и услуг по убою птицы доход фермера составил порядка 1,5 млн руб. Даже с учетом его дополнительных накладных расходов неплохой заработок за 42 дня работы.

Эту схему можно было бы применить для всех желающих, но лишь при одном условии — наличии более производительного забойного цеха. И здесь возникает проблема, решить которую могло бы помочь государство, поддерживая семейное фермерское хозяйство, решающее проблему занятости на селе. В настоящее время при существующем порядке получения кредитов «Рамаевское» не в состоянии расширить свой забойных цех, а следовательно, не сможет обеспечить заработок нуждающимся сельским жителям¹.

Два примера — капля в море мирового хозяйства, где все еще основной целью деятельности корпораций остается извлечение максимальной прибыли при минимальной ориентации на социальные нужды населения. Необходимы новые маркетинговые инструменты и алгоритмы, новые схемы статистического учета, которые позволят сделать наш мир в большей степени социально справедливым.

Критерии причисления к группе «бедных», исходя из сущности понятия «бедность» и с точки зрения маркетинга, весьма разнообразны. Уровень бедности, по определению Международной финансовой корпорации (IFC), следует фиксировать, исходя из более высокого дохода, чем 2 долл. США в день. Бедными в данном случае IFC предложила считать людей с доходом 7—8 долл. США в день (3000 долл. США в год) по паритету покупательной способности. По оценке экспертов, это больше половины населения планеты, и численность данной группы может возрастать, так как рождаемость в сегменте «основание экономической пирамиды» имеет более высокие темпы, чем в середине или на вершине экономической пирамиды.

Важно иметь в виду, что за счет статистических погрешностей, несовершенной методологии подсчета численность беднейших слоев населения в разных источниках может иметь различное значение. Для каждой страны понятие «бедный» имеет свое содержание. Русская пословица «У кого суп жидкий, а у кого бисер мелкий» очень хорошо характеризует данную ситуацию. Всемирный банк по методике IFC оценил численность сегмента «основание экономической пирамиды» в 5 млрд чел. и спрогнозировал его рост до 6 млрд к 2040 г.

Доходы в сегменте «основание экономической пирамиды» существенно различаются не только в разных странах, но даже внутри одной страны, например в России. В странах Африки большую часть составляют самые беднейшие подгруппы, проживающие на 1000 и 500 долл. США в год, а в странах Восточной Европы к беднейшим относятся те, чей ежегодный доход составляет 3000 и 2500 долл. США, то есть относительно более богатые. Учитывая неравномерность распределения доходов внутри сегмента «основание экономической пирамиды», общая емкость рынка оценивается IFC примерно в 5 трлн долл. США. Согласно другим источникам, этот показатель находится в диапазоне от 0,3 до 13 трлн долл. (Karnani, 2007).

¹ Интервью «БИЗНЕС Online». URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/134544>

Заключение

Группа людей, составляющая «основание пирамиды», не является однородной, она включает в себя людей с разными предпочтениями и ведущих разный образ жизни. Общим для всех них является ограниченность доступа к финансовым и информационным ресурсам экономической системы, в которой они ведут хозяйственную деятельность.

Даже по наиболее усредненным и объективным оценкам, представители беднейшего населения земли формируют около половины потребительского рынка развивающихся стран.

Но по мере увеличения экономической активности доходы и, как следствие, покупательная способность этих потребителей будет расти.

Экономическая активность сегмента населения с низким уровнем дохода очень низка, а сам сегмент до конца не изучен ни в отдельно взятой стране, ни в мире в целом. Задачей бизнеса, если он социально ответственен, является выведение населения «основания экономической пирамиды» на новый уровень потребления.

© Соколова М.И., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Список литературы

- Дементьева А.Г., Соколова М.И. Управление человеческими ресурсами. М.: Проспект, 2006. 238 с.
- Мальтус Т.Р. Опыт закона о народонаселении. М., 1895. 150 с.
- Маркс К. Капитал. Т. 1. М.: АТС, 2001. 564 с.
- Прудон П.Ж. Бедность как экономический принцип. М.: Посредник, 1908. 29 с.
- Реклю Э. Богатство и нищета. М.: Либроком, 2011. 64 с.
- Рикардо Д. Начала политической экономии и податного обложения. 1929. URL: <https://www.livelib.ru/book/1001070604-nachala-politicheskoy-ekonomii-i-podatnogo-oblozheniya-david-rikardo>
- Рыбаков Р.П., Рыбакова А.И. Бедность как социальный феномен: монография. М.: РУСАЙНС, 2015. 136 с.
- Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2017. 1059 с.
- Соколова М.И. Корпоративная стратегия и корпоративное управление // Управление корпоративными финансами. 2006. № 4. С. 10—15.
- Спенсер Г. Социальная статика. Изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества. К.: Гама-Принт, 2013. 496 с.
- Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность: ошибки социализма. М.: Новости, 1992. 304 с.
- Karnani A. The Mirage of Marketing at the Bottom of the Pyramid // California Management Review. 2007. 30 p.
- Prahalad C.K., Hart S.L. The fortune at the bottom of the economic pyramid // Strategy + business. 2002. No. 26. 14 p.
- Prahalad C.K. The fortune at the bottom of the pyramid. Pearson Education, 2010. 497 p.
- Rowntree B.S. Poverty: a study in town life. Macmillan and Co., 1901. 305 p.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 23 мая 2018

Дата проверки: 25 августа 2018

Дата принятия к печати: 24 сентября 2018

Для цитирования:

Соколова М.И. От социальной помощи к социальной активности: новый взгляд на решение проблем беднейших слоев населения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2018. Т. 26. № 3. С. 366—378. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-366-378

Сведения об авторе:

Соколова Мария Игоревна, кандидат экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента, маркетинга и внешнеэкономической деятельности Московского государственного института международных отношений МИД России. *Контактная информация:* e-mail: mar-sok@mail.ru

From social assistance to social activism: a new look at solving the problems of the poorest segments of the population

M.I. Sokolova

Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of Russia
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract. One of the global problems of mankind for many years is the problem of poverty. Despite the efforts of the world community to combat poverty and underdevelopment on our planet, progress has not been encouraging: the rich continue to become richer and the poor become even poorer. Segmentation of the population of our planet by income drop, conducted by experts from various organizations (UN, IFC, World Bank and others), leads to the conclusion that the poorest segments of the population (“bottom of the economic pyramid”) form more than half of the consumer market in developing countries. With the growth rates in these countries, and this trend exists, the purchasing power of these people should also increase.

The low economic activity of people with low incomes is explained by different reasons, but the segment itself is not fully studied either in a single country or in the world as a whole. The reorientation of the activities of large TNCs and business enterprises on implementation of projects in the segment of “the bottom of the economic pyramid” will allow you to get out of poverty for millions of people around the world.

Social and ethical marketing and business, taking into account this concept, will significantly reduce the number of people with low income, bringing to a new level of consumption.

Keywords: bottom of the economic pyramid, poverty, segmentation, purchasing power parity, income level, methods of combating poverty, charity, innovation, socially responsible business, social entrepreneurship

References

- Dementieva A.G., Sokolov M.I. (2006). *Upravlenie chelovecheskimi resursami*. Moscow: Prospect Publ., 238. (In Russ.)
- Mal'tus T.R. (1895). *Opyt zakona o narodonaselenii*. Moscow, 150. (In Russ.)
- Marks K. (2001). *Kapital*. Vol. 1. Moscow: ATS Publ., 564. (In Russ.)
- Prudon P.Zh. (1908). *Bednost' kak ehkonomicheskij princip*. Moscow: Posrednik Publ., 29. (In Russ.)
- Reklyu E.H. (2011). *Bogatstvo i nishcheta*. Moscow: Librokom Publ., 64. (In Russ.)
- Rikardo D. (1929). *Nachala politicheskoy ehkonomii i podatnogo oblozheniya*. Available at: <https://www.livelib.ru/book/1001070604-nachala-politicheskoy-ekonomii-i-podatnogo-oblozheniya-david-rikardo> (In Russ.)
- Rybakov R.P., Rybakov A.I. (2015). *Bednost kak sotsialnij fenomen: monograph*. Moscow: RUSYNS Publ., 136. (In Russ.)
- Smit A. (2017). *Issledovaniya o prirode i prichinah bogatstva narodov*. Moscow: Eksmo Publ., 1059. (In Russ.)
- Sokolova M.I. (2006). Korporativnaya strategiya i korporativnoe upravlenie. *Upravlenie korporativnimi finansami*, (4), 10—15. (In Russ.)
- Spenser G. (2013). *Social'naya statika. Izlozhenie social'nyh zakonov, obuslavlivayushchih schast'e chelovechestva*. Kiev: Gama-Print Publ., 496. (In Russ.)
- Hajek F.A. (1992). *Pagubnaya samonadeyannost': oshibki socializma*. Moscow: Novosti Publ., 304. (In Russ.)
- Karnani A. (2007). The world of Marketing at the Bottom of the Pyramid California Management Review, 30.
- Prahalad C.K., Stuart L. Hart. (2002). The fortune at the bottom of the economic pyramid. *Strategy + business*, (26), 14.
- Prahalad C.K. (2010). *The fortune at the bottom of the pyramid*. Pearson Education, 497.
- Rowntree B.S. (1901). *Poverty: a study in town life*. Macmillian and Co., 305.

Article history:

Received: 23 May 2018

Revised: 25 August 2018

Accepted: 24 September 2018

For citation:

Sokolova M.I. (2018). From social assistance to social activism: a new look at solving the problems of the poorest segments of the population. *RUDN Journal of Economics*, 26(3), 366—378. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-366-378

Bio note:

Sokolova M.I., Candidate of Economic Sciences, Professor of the Department of Management, Marketing and Foreign Economic Activities of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). *Contact information*: e-mail: mar-sok@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-379-391

УДК 339.9

Национальный отраслевой комплекс: теоретические аспекты развития в среде глобальных цепочек стоимости

Е.Д. Фролова¹, З.А. Абдурахманова², Е.А. Фролова³

¹ Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
Российская Федерация, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19

² Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза
Республика Казахстан, 100009, Караганда, ул. Академическая, 9

³ Компания ReplyConsulting
Италия, 20151, Милан, ул. Кастеланза, 11

Современный мир организован вокруг глобальных цепочек стоимости (ГЦС, GVC). ГЦС-ориентированный подход является важным инструментом для разработки новых эффективных стратегий развития национальной экономики. Он хорошо проработан для странового уровня, но недостаточно для уровня фирм (отрасли). Статья посвящена решению проблемы интеграции национальной экономики в звенья ГЦС в разрезе национального отраслевого комплекса. Цель работы — сформулировать основные концептуальные положения ГЦС-ориентированного подхода как теоретическую основу для разработки стратегии функционирования отраслевого комплекса в среде ГЦС. В статье сняты некоторые противоречия в базовых основах ВС-теории, уточнены основы взаимодействия звеньев ГЦС и локальных хозяйствующих единиц на основе ВС-теории, геоэкономической парадигмы, концепции локализации, раскрыт принцип соразвития ГЦС и территории. Предложены методические положения диагностики отраслевого комплекса в терминах ГЦС. Апробация выполнена на примере национального фармацевтического комплекса Республики Казахстан с учетом особенной ГЦС и текущего положения в ней республики.

Ключевые слова: глобальные цепочки стоимости (ГЦС), ВС-теория, национальный отраслевой комплекс, фармацевтическая индустрия, локализация

Введение

В мировой экономической системе появились новые элементы, которые получили название глобальных цепочек стоимости (ГЦС), или global value chains (GVCs). Именно вокруг них сегодня структурирована глобальная экономика, организована мировая торговля. Это привело к тому, что современная среда мирохозяйственного взаимодействия приобретает новые черты, а именно: мир охватило явление, называемое «фрагментированием», и фокус глобализации сместился из секторов на стадии производства; процесс фрагментации производства захватывает все большее число стран и характеризуется географической разбросанностью; в индустриализации начался новый путь — «присоединение вместо построения» — промышленных цепочек (Gereffi, Fernandez-Stark, 2011; Кондратьев, 2015).

Национальные отраслевые комплексы (НОК) являются важным сегментом экономики страны, изменения в них должны осуществляться на основе *переосмысления* воспроизводственного процесса, организации международного производства в терминах ГЦС (Giuliani, Rabellotti, 2017; Сапир, Карачев, Чжан, 2016). Другими словами, речь идет о разработке концептуальных положений ГЦС-ориентированного подхода к развитию отраслевого комплекса страны, чему и посвящена данная статья.

Основные научные школы ГЦС и их противоречия

Первый блок теоретических основ развития национального отраслевого комплекса в среде функционирования ГЦС представлен теорией глобальных цепочек стоимости (VC-теорией). Несмотря на относительно большой объем публикаций, считать ее достаточно проработанной, особенно в отраслевом разрезе, нельзя из-за наличия в концептуальных и терминологических противоречий. Проясним авторское понимание некоторых базовых положений.

Первое. Сущность ЦС трактуется в основном либо как *процесс производства* товаров (от сырья до конечного продукта), либо как серия связанных *видов деятельности*, которые вносят вклад в производство и доставку специфического продукта или услуги, включая: дизайн, производство, маркетинг, распределение и поддержку (Wadhwa et al., 2008). В этом вопросе среди авторов практически нет противоречий, и каждая последующая авторская точка зрения добавляет новую характеристику ЦС, в том числе простая это цепочка или расширенная, движимая покупателем или производителем, нисходящая или восходящая, находящаяся в составе ТНК или управляемая ими (Gereffi, Fernandez-Stark, 2011; Писарева, Волгина, 2018; Wadhwa et al., 2008). Также можно считать законченным спор по поводу характеристики «глобальная»: выдвинуто предложение все цепочки называть трансграничными, а глобальные или региональные считать их видами (Писарева, Волгина, 2018).

Второе. Универсального подхода к исследованию цепочек нет. Все ГЦС-подходы разделяются на три группы. Первая из них на основе экономических теорий изучает ГЦС с точки зрения странового подхода, а вторая, опираясь на теории международного бизнеса, рассматривает ГЦС с точки зрения деятельности фирмы (World Investment Report, 2013) или отрасли (Андреев, 2017). В более поздних трудах ученых мы встречаем деление на такие основные теоретические школы, как интернационализм (делают ставку на макроуровневые исследования) и индустриализм (сосредоточены на микроуровне) (Мешкова, Моисеичев, 2016). Третья группа исследует отдельные аспекты функционирования ГЦС, в первую очередь управленческие (Писарева, Волгина, 2018).

Третье. Нелинейное развитие ЦС стало началом развития SC-концепции, так называемой экономики «улыбающейся кривой» (*Smiling Curve*). Однако считать выводы Стан Ши (Stan Shi), автора этого подхода, абсолютными, т.е. применимыми ко всем отраслевым цепочкам, нельзя. Во-первых, ряд ученых связывают изменение объемов международной торговли не с ГЦС, а с увеличением объемов работ по охране окружающей среды и другим видами деятельности, которые не

дают большого прироста и включение их в ГЦС скорректирует «улыбающуюся кривую». Во-вторых, авторы новейших исследований вводят понятие «глобальные производственные цепочки *нового поколения*» (Толкачев, Тепляков, 2016) для условий, в которых производство товаров в цифровой экономике осуществляется методом 3D-принтинга (3D-printing). Из этого следует, что в цифровой экономике необходимо пересмотреть роль звена «производство» в SC-кривой. Поэтому мы можем лишь частично согласиться с мнением авторов о полном *переносе* целей развития индустрии с расширения производственных мощностей на движение к звеньям с более высокой добавленной стоимостью (Сапир, 2016).

Согласимся с мнением ученых, что суть цепочки трудно понять без изучения вопросов *международной специализации* (теория абсолютных преимуществ, сравнительных преимуществ). В контексте ГЦС наиболее полезным является развитие теоретических основ *внутриотраслевой торговли* как части теории торговли. В последнее время *вертикальная специализация* (специализации в *различных* стадиях производства *одной и той же отрасли*) в рамках ГЦС стала новым видом внутриотраслевого разделения.

Среди основателей VC-теории (в т.ч. М. Портер, Г. Джереффи) не называют представителей российской школы геоэкономики, которые достаточно подробно рассматривают такие понятия, как интернационализированный воспроизводственный процесс (аналог ГЦС), мировой доход. Геоэкономическую парадигму осознания современного мира развил Э.Г. Кочетов, а в преломлении к проблеме ГЦС он сначала выдвинул, а потом доказал следующую гипотезу. Глобализация мирохозяйственной жизни приводит к сращиванию интернационализированных частей воспроизводственного процесса, относящихся к различным национальным экономическим системам, в единый конвейер, которому дано название «интернационализированные воспроизводственные процессы» (ИВП); ИВП — это вынесенные за национальные рамки процессы расширенного товарного воспроизводства (Кочетов, 2006).

Важным условием успешного развития ГЦС является взаимодействие звеньев отраслевых глобальных ЦС с национальными локальными структурами. Именно в этот аспект российская школа геоэкономики внесла наибольший вклад. Идея теоретической концепции такого взаимодействия, предложенная Е.В. Сапир для интегрированной модели развития конкретного региона страны, заключается в одновременном участии в цепочке производства *традиционных* продуктов региональной специализации и новых *инновационных* товаров и услуг (Сапир, 2016).

Взаимодействие локального и глобального напрямую связано с проблемой *локализации* звеньев цепочки, в т.ч. промышленного производства. Локализация — это двусторонний процесс: с одной стороны, локации захватывают для себя звенья ГЦС, а с другой, цепочка ищет более выгодные условия локализации (размещения) своих звеньев. Чтобы, *с одной стороны*, цепочка разместила свои звенья на определенной территории, надо обеспечить наличие на ней фрагментированной организационной архитектуры, совокупности локальных структур различного типа и организационно-правовых форм, инфраструктуры для эффективной бизнес-коммуникация и логистики (Сапир, 2016), что формирует низкую стоимость транзакций, информационную открытость и прозрачность, а также высо-

коэффициентных традиционных видов деятельности. Что касается локальных национальных структурных единиц, то они должны быть конкурентоспособными на основе соблюдения принципов адекватности, этапности, избирательности, опережения, обратной связи (Frolova, Shishmintsev, 2015).

С другой стороны, чтобы локация «захватила» звенья цепочки, ГЦС должна предложить национальной экономике не только рабочие места и прямые иностранные инвестиции (ПИИ), но и движение к своим более высокотехнологичным звеньям, их совместное освоение, доступ к перераспределению мирового дохода. Перечисленные факторы не являются абсолютными, их набор отличается в зависимости от звена ГЦС. Так, для «знаниевых» звеньев (в т.ч. НИОКР, сложное производство) необходимо наличие эффективной инновационной инфраструктуры, пула высококвалифицированных специалистов, а для начальной стадии интеграционного процесса достаточно благоприятной торговой и инвестиционной среды (Сапир, 2016).

Нестандартный подход к проблеме локализации представили итальянские ученые. Опираясь на концепцию SC-кривой, Е. Джулиани, Р. Рабеллотти (Giuliani, Rabellotti, 2017) сформировали три ГЦС-ориентированные модели индустриального дистрикта на основе локализации в них компаний со следующими концепциями развития:

- 1) «низкоскоростной» (low-road) траекторией развития (ей соответствует специализация в зоне низкой добавленной стоимости в низкоценовом сегменте;
- 2) «внешне-ориентированной» (outward-oriented GVC-led) траекторией (ей соответствует специализация, т.е. локализация, на территории видов деятельности, которые находятся в зоне высокой добавленной стоимости (НИОКР, брендинг и т.д.), а производственные трудозатратные звенья с низкой добавленной стоимостью массово переданы на аутсорсинг на другие территории;
- 3) «локально-рожденной» (locally-rooted) со специализацией в производственном звене, но более высокой степени обработки (сложности) товара.

Российская геоэкономическая школа также считает, что регион должен развиваться как минимум по двум направлениям: двигаться к звеньям с более высоким уровнем добавленной стоимости в рамках традиционных отраслей и параллельно участвовать в новых инновационных цепочках (пусть и в низкодоходных звеньях) (Сапир, 2016).

Важным аспектом локализации ГЦС является обеспечение *соразвития* (коэволюции) (Giuliani, Rabellotti, 2017) его звеньев и НОК. Основное проявление взаимного развития заключается в появлении новых возможностей (Кондратьев, 2016). В нашем случае для НОК это фокусирование деятельности на звеньях с высокой добавленной стоимостью, движение к высокотехнологичным звеньям, превращение национальных компаний в глобальных конкурентов, развитие стратегических секторов национальной экономики, а для ГЦС это сокращение периода развития цепочки, завершение комплектации цепочки (достраивание цепочки), снижение в ней затрат.

Таким образом, теоретическую основу развития современного национального отраслевого комплекса в среде ГЦС составляет следующая совокупность концепций и подходов (рис. 1).

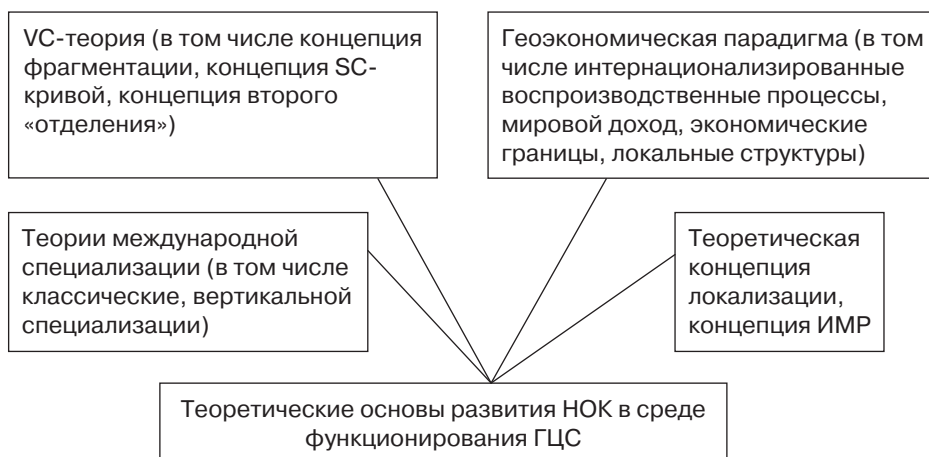

Рис. 1. Теоретические основы отраслевого развития в среде ГЦС
 [Figure 1. Theoretical basis of industry development in the environment of GVCs]

Итак, для успешного развития национальной экономики необходима ГЦС-ориентированная индустриализация. Суть основных ее положений заключается в следующем: *центральной задачей* развития национальной индустрии (ее структурных и организационных элементов) является интеграция в ГЦС; *траекторией развития* является движение вдоль отраслевой цепочки создания стоимости по направлению к звеньям с высокой степенью добавленной стоимости; *направление и скорость движения* зависит от того, является ли отрасль традиционной для национальной экономики или инновационной (в первом случае скорость движения к высокодоходным звеньям ЦС будет выше, а во втором, особенно на начальном этапе, ниже); для успешного продвижения вперед необходима соответствующая *индустриальная политика* со стороны государства, включающая помощь местным национальным компаниям в сертификации, стандартах, поиске новых сегментов, в движении к «голове» ГЦС, т.е. к звеньям с максимальной добавленной стоимостью, ренте, мировому доходу.

Важным структурным элементом национальной экономики является национальный отраслевой комплекс (НОК). Современный НОК — это совокупность локальных производственных, организационных, функциональных, инфраструктурных элементов как являющихся звеньями глобальной отраслевой цепочки стоимости, так и функционирующих самостоятельно.

Однако сколько бы мы не говорили об интернационализации экономической деятельности хозяйствующих субъектов, особенно в форме выноса сегментов за рубеж, но в терминах ГЦС *национальная часть добавленной стоимости* создается на конкретной территории. Поэтому суть развития НОК заключается в *локализации* на конкретной территории тех звеньев отраслевой ГЦС, которые обеспечивают высокий суммарный уровень добавленной стоимости и способствуют реализации национальных интересов, применяя весь комплекс форм вовлечения в цепочку на основе международной специализации страны с учетом принципа *соразвития* НОК и ГЦС. Мы ведем речь о суммарной добавленной стоимости, поскольку, как выяснили ранее, для глобальных цепочек стоимости с традици-

онными отраслями действительно необходима локализация высокодоходных звеньев (проектирование, стандартизация, формирование бренда и т.д.), но для новых цепочек надо начинать с любого звена.

Методы и методические подходы

Если в теоретическом плане хорошо проработаны базовые положения VC-теории, то в методическом плане это можно сказать о VC-анализе. Но методика хорошо проработана для макроуровня, т.е. в страновом разрезе (подход ОЭСР на основе матрицы «затраты — выпуск»): рассчитываются такие показатели, как длина цепочки, участие страны в цепочке, индекс вертикальной интеграции и др. А вот с фирменным (отраслевым) подходом дела обстоят хуже, хотя имеются интересные предложения: региональная и привлеченная добавленная стоимость (Сапир, 2016), прирост добавленной стоимости, показатели эффективности GVC-продукта (Андреев, 2017).

Цель нашего анализа, который предшествует разработке стратегии, мы видим в диагностике текущего состояния и оценке количественных и качественных характеристик участия элементов НОК в ГЦС (на основе сравнения со странами — лидерами мирового отраслевого рынка). В методическом плане важны не только показатели, но и этапы проведения анализа. Реконструкция уже проведенных другими учеными исследований отраслевых ГЦС (Wadhwa et al., 2008; Yansheng Zhang et al.) позволила нам выделить следующие основные этапы анализа (диагностики) функционирования НОК в терминах ГЦС: выявление специфики (нисходящие потоки, движимый производителем или покупателем и т.д.) и количества звеньев расширенной отраслевой цепочки, определение стран-лидеров и анализ их ГЦС с выявлением основных факторов развития для формирования «эталона» сравнения (для последующей оценки анализируемого НОК), составление характеристики НОК по каждому звену цепочки.

В своем исследовании мы применяли следующие методы: интервьюирование, анкетирование, картирование в формате геоэкономического (mapping), кейс-стади. С учетом вышеизложенного апробируем предлагаемый подход на примере фармацевтического комплекса Республики Казахстан.

Рекомендации по развитию национального отраслевого комплекса (на примере фармацевтической индустрии Республики Казахстан)

Экономика Республики Казахстан характеризуется высокими показателями, хотя до сих пор страна относится к группе стран с переходной экономикой. В терминах ГЦС, по расчетам Т. Флегонтовой, национальная экономика демонстрирует достаточно высокую долю добавленной стоимости $VS = 119$ (Флегонтова, 2015), но такая позиция объясняется сырьевой направленностью экономики. Поэтому страна все больше ориентируется на инновационные отрасли, в частности, в Казахстане существует огромный потенциал развития фармацевтической индустрии. Остановимся на основных результатах.

Первый этап. *Выявление особенностей глобальной фарминдустриальной цепочки стоимости (ГФиЦС).* ГЦС в фармацевтической индустрии присущи специфические черты, в том числе: структура цепочки зависит от конечного продукта — фармацевтического препарата (ФП) (концептуально новый препарат или дженерики); центральным сегментом цепочки является НИОКР, клинические испытания (причем трех уровней сложности); кривая добавленной стоимости (SC-кривая) соответствует классическому варианту (наибольшая доля добавленной стоимости в таких звеньях, как НИОКР, клинические испытания 3-го уровня сложности), но имеет две модификации: более вогнута для концептуально новых ФП и менее вогнута для дженериков.

Второй этап. *Выявление ведущих глобальных цепочек стоимости в фармацевтической индустрии и особенностей их развития.* Анализ мирового фармацевтического рынка показал, что темпы роста выше средних демонстрируют такие страны, как Китай, Индия и Россия. Например, Китай, с одной стороны, перемещает звенья с более низкой добавленной стоимостью в локации с достаточным уровнем квалификации местных специалистов и низкими затратами, но, с другой стороны, американские компании перемещают в Китай звено «клинические испытания» из-за дешевизны затрат на трудовые ресурсы. Кроме того, несмотря на достижения ведущих компаний, по совокупности хозяйствующих субъектов фармотрасли Китай сейчас находится в низшей точке «улыбающейся кривой» при производстве патентованных медицинских препаратов, но все уверенней занимает высокодоходные сегменты в фармацевтической цепочке, особенно при производстве непатентованных ФП (дженериков). Что касается звена НИОКР, то Китай участвует в нем активно, но специализируется на сегментах с низкой добавленной стоимостью (доклинические исследования, эксперименты на животных, производство) (Wadhwa et al., 2008; Yansheng Zhang et al.).

Помимо общих характеристик, каждая цепочка имеет свою специфику. Например, основные характеристики ведущей компании Sun Pharmaceutical Industries, выявленные методом *картирования*, представлены в табл. 1.

Таблица 1/Table 1

**Характеристика компании Sun Pharmaceutical Industries (фрагмент)
[Sun Pharmaceutical Industries Company feature (fragment)]**

Подразделение	Расположение	Специализация звена глобальной фарминдустриальной цепочки стоимости (ГФиЦС)
Sun Pharma Advanced Research Centre	Индия, Мумбаи	НИОКР (центр основан для инновационных разработок и продвижения активных проектов в различных областях)
Ranbaxy Nigeria Limited	Нигерия	Производство и торговля (имеет полностью оборудованный мини-завод по производству жидких и сухих ФП; производит, импортирует и продает ФП в Нигерии)
Alkaloida Chemical Company Zrt	Венгрия	Производство и торговля (производство и продажа компонентов и готовой продукции)

Источник: составлено по: Sun Pharmaceutical Industries. Official website. URL: <http://www.sunpharma.com/> (дата обращения: 15.03.2017).

Исследуя *методом кейс-стади* деятельность китайской Qilu pharmaceutical мы также выявили наличие следующих отличительных черт. *Во-первых*, цепочка представлена практически всеми звеньями, в т.ч. НИОКР, производство, обеспечение медицинским оборудованием, маркетинг, дистрибуция, торговля. *Во-вторых*, компания работает одновременно в двух цепочках — ТСМ (традиционной китайской медицине) и биохимической. *В-третьих*, локализация подразделений осуществлена в таких странах, как Германия (маркетинг для ТСМ-цепочки и строительство ТСМ-центров), СНГ (производство) и др. *В-четвертых*, звеном с максимальной добавленной стоимостью является медицинский консалтинг для VIP-персон.

Третий этап. *Оценка текущей позиции НОК Республики Казахстан в глобальных фарминдустриальных цепочках стоимости.* Исходной точкой для определения вектора развития национального фармацевтического комплекса является его позиция в ГЦС. Выполненный на основе интервьюирования и анкетирования фрагмент диагностики представлен в табл. 2.

Таблица 2/Table 2

**Диагностика состояния национального фармацевтического комплекса
Республики Казахстан в среде ГЦС (фрагмент)
[Diagnostics of the national pharmaceutical complex conditions
of the Kazakhstan Republic in the environment of GVCs (fragment)]**

Показатель	Текущее состояние
Участие в международной ФиЦС	Участвуют четыре предприятия: АО «Химфарм», ТОО «СП Глобал Фарма», АО «Нобел Алматинская фармацевтическая фабрика», ТОО «Карагандинский фармацевтический завод»
Характеристика ФиЦС: страна происхождения, длина	Турция (две), Польша, Россия (все цепочки полного цикла, длина зависит от типа фармпрепарата, но в среднем 7 звеньев)
Основные звенья участия	Производственное (из собственного и привозного сырья), фасовочное и упаковочное, торговое
Доминирующие формы участия в ГЦС	Собственное производство, контрактное производство
Возможности для развития	Производство медицинского оборудования для обеспечения роста производственных мощностей внутри ФиЦС; формирование информационной базы результатов клинических испытаний и др.

Источник: выполнено авторами с использованием результатов проведенного анкетирования и ранее опубликованных данных (Frolova, Andreeva, Abdurachmanova, 2017).

Таким образом, Республика Казахстан интегрирована в ГФиЦС, но в основном это звенья с низким уровнем добавленной стоимости. Тем не менее имеются возможности для движения к высокодоходным сегментам.

Четвертый этап. *Разработка направлений развития национального отраслевого комплекса.* Достигнутое текущее состояние НФК Республики Казахстан полностью соответствует «Стратегии-2030» (насыщение рынка отечественными лекарственными средствами, создание рабочих мест в новых отраслях на основе привлечения зарубежных инвестиций для строительства высокотехнологичных производственных мощностей). Однако среда функционирования ГФиЦС требует ее корректировки.

Мы видим дальнейшее развитие национального фармацевтического комплекса Казахстана в среде трех типов ГФиЦС. *Первый тип* — в рамках существующих дженериковых ФиЦС, где суть развития состоит в углублении интеграции. На уровне компаний необходимо дальнейшее развитие производственного звена и переход внутри него к более высокому уровню сложности, а также движение вдоль цепочки в сторону звеньев с высокой добавленной стоимостью (НИОКР, доклинические и клинические испытания). Для *второго типа* (цепочки производства концептуально новых инновационных патентованных фармпрепаратов) цель состоит в участии в звеньях с низкой добавленной стоимостью (начальная стадия интеграции). *Третий тип* представлен собственными национальными ФиЦС, для развития которого мы рекомендуем формирование стратегической национальной фармацевтической компании и расширение звеньев в страны ближнего зарубежья.

Заключение

Отметим, что суть ГЦС-ориентированного подхода отраслевого развития национальной экономики заключается в гармоничном развитии сегментов с разной добавленной стоимостью в зависимости от инновационного характера выпускаемой продукции с учетом особенностей отрасли, национальных традиций и приоритетов. При этом направлением развития является движение вдоль отраслевой цепочки добавленной стоимости в сторону звеньев с максимальной добавленной стоимостью и одновременным расширением производственных мощностей. Отраслевое развитие наиболее целесообразно рассматривать в рамках отраслевого комплекса, т.к. он представляет собой локальные хозяйствующие и организационные структуры со всеми видами деятельности, предусмотренными цепочкой создания стоимости. Важным аспектом его развития является взаимодействие с ГЦС, которое раскрывается через локализацию на конкретной территории звеньев цепочки на основе принципа соразвития.

© Фролова Е.Д., Абдурахманова З.А., Фролова Е.А., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Список литературы

- Андреев П.С.* Методика оценки результативности России в GVC и формирование эффективных цепочек стоимости с участием стран АТР // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2017. Т. 25. № 1. С. 28—40.
- Кондратьев В.Б.* Локализация производства как инструмент модернизации. 2016. URL: http://www.perspektivy.info/history/lokalizacija_proizvodstva_kak_instrument_modernizacii_2016-05-18.htm (дата обращения: 20.02.2018).
- Кондратьев В.Б.* Мировая экономика как система глобальных цепочек стоимости // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 3. С. 5—17.
- Кочетов Э.Г.* Геоэкономический (глобальный) толковый словарь. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2006. 504 с.

- Мешкова Т., Моисеичев Е. Анализ глобальных цепочек создания стоимости: возможности форсайт-исследований // *Форсайт*. 2016. Т. 10. № 1. С. 69—82. URL: <https://foresight-journal.hse.ru/data/2017/06/14/1170591870/6-Мешкова-69-82.pdf> (дата обращения: 31.08.2107).
- Писарева С.С., Волгина Н.А. Цепочки стоимости в автомобилестроении стран Центральной и Восточной Европы: опыт для России. М.: КНОРУС, 2018. 184 с.
- Сапир Е.В. Интеграционная модель российского региона: методологические основы, этапы формирования // *Вестник Удмурдского университета. Серия: Экономика и право*. 2016. Т. 26. № 6. С. 65—74.
- Сапир Е.В., Карачев И.А., Чжан М. Экспортный потенциал российских фармацевтических предприятий в формирующихся региональных кластерах // *Экономика региона*. 2016. Т. 12. № 4. С. 1194—1204. DOI 10.17059/2016-4-20
- Толкачев С.А., Тепляков А.Ю. Методологические основы анализа трансформации глобальных цепочек стоимости в ходе неоиндустриализации // *Новое качество индустриального производства: социально-экономические проблемы: сборник научных трудов международной конференции / под ред. С.Д. Бодрунова*. СПб.: ИНИР, 2016. С. 31—41. URL: <https://inir.ru/wp-content/uploads/2016/11/Новое-качество-индустриального-производства.pdf> (дата обращения: 14.03.2018).
- Флегонтова Т. Развивающиеся экономики в глобальных цепочках добавленной стоимости: уроки для России // *Эволюция международной торговой системы: проблемы и перспективы: презентация международной конференции*. СПб.: АВТ, 2015. URL: https://tradedpol.hse.ru/data/2015/11/24/1081732681/Flegontova_2015-10-29_GVC.pdf (дата обращения: 14.03.2018).
- Frolova E., Shishmintsev M. Development of the new forms of business internationalization in global geoeconomic space // *Proc. of the 8th EuroMed Conference of the EuroMed Academy of Business*. Verona, 2015. Pp. 610—623.
- Frolova E., Andreeva E., Abdurahmanova Z. Assessment of the international development level of Kazakhstan national pharmaceutical complex // *Proc. of the 10th EuroMed Conference of the EuroMed Academy of Business*. Rome, 2017. Pp. 599—613.
- Gereffi G., Fernandez-Stark K. *Global Value Chain Analysis: A Primer*. 2-nd edition. Duke CGGC, Durham (USA). 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/305719326_Global_Value_Chain_Analysis_A_Primer_2nd_Edition (дата обращения: 15.03.2018).
- Giuliani E., Rabellotti R. Italian Industrial Districts Today: Between Decline and Openness to Global Value Chains // *Working Paper New Series*. Bocconi: University of Bocconi, 2017. № 3. 21 p. URL: http://www.certet.unibocconi.it/wps/wcm/connect/44b5e1e1-9ce4-45f8-a381-339332d3f6c0/13-2017+GR_Industria+Districts+Today.pdf?MOD=AJPERES&CVID=1H83YnP&useDefaultText=0&useDefaultDesc=0 (дата обращения: 15.03.2018).
- Qilu Pharmaceutical. Official website. URL: <http://en.qilu-pharma.com/> (дата обращения: 15.03.2018).
- Sun Pharmaceutical Industries. Official website. URL: <http://www.sunpharma.com/> (дата обращения: 15.03.2018).
- Wadhwa V. et al. The globalization and innovation: Pharmaceuticals. Can India and China Cure the Global Pharmaceutical Market. Duke CGGC, 2008. URL: <http://ssrn.com/abstract=1143472> (дата обращения: 15.03.2018).
- World Investment Report. *Global Value Chains: Investment and Trade for Development*, 2013. Geneva; New York: United Nations Publication, 2013.
- Yansheng Zhang et al. On the Value Chain and International Specialization of China's Pharmaceutical Industry // *Journal of International Commerce and Economics*. URL: https://www.usitc.gov/journals/04_ZhangLiYangDu_ValueChainPharma.pdf (дата обращения: 15.03.2018).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 22 марта 2018

Дата проверки: 25 мая 2018

Дата принятия к печати: 20 августа 2018

Для цитирования:

Фролова Е.Д., Абдурахманова З.А., Фролова Е.А. Национальный отраслевой комплекс: теоретические аспекты развития в среде глобальных цепочек стоимости // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2018. Т. 26. № 3. С. 379—391. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-379-391

Сведения об авторах:

Фролова Елена Дмитриевна, доктор экономических наук, профессор кафедры международной экономики и менеджмента Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. *Контактная информация:* e-mail: Frol-ued@yandex.ru

Абдурахманова Зултаруза Амирбековна, магистр экономических наук, старший преподаватель факультета бизнеса и права, Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза. *Контактная информация:* e-mail: bakbergen_2000@mail.ru

Фролова Елена Александровна, магистр инженерии и менеджмента, ведущий ИТ-специалист, ReplyConsulting. *Контактная информация:* e-mail: e.frolova@reply.it

National industry: theoretical aspects of development in global value chains

Ye.D. Frolova¹, Z.A. Abdurahmanova², E.A. Frolova³

¹ Ural Federal University named by the first President of Russia B.N. Yeltsin

19 Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation

² Economic university Kazpotrebsouz in Karaganda

9 Akademichesky St., Karaganda, 100009, Kazakhstan Republic

³ Reply Consulting

11 Castellanza St., Milano, 20151, Italy

Abstract. The modern world is organized around the global value chains (GVC). The GVC-oriented approach is an important tool for the national economy development strategies. It is well studied for the country level but not enough for the firm's level. The article is devoted to the problem of the national economy integration into the GVC in the context of the national industrial complex.

The aim of this paper is to generate the concept of the GVC-oriented approach as a theoretical basis for the successful development of the national industry. In the article some contradictions in the basic principles of the VC-theory were removed, theoretical provisions of the interaction between the GVC links and local national economic units are developed on the basis of the VC-theory, geoeconomic paradigm; the concepts of localization and co-development of the GVC and the localization of its links are complemented. Methodical aspects of the national industry diagnostics in terms of GVC are proposed. Testing was performed on the example of the national pharmaceutical complex of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: global value chains (GVC), VC-theory, national industrial complex, pharmaceutical industry, localization

References

- Andreev P. (2017). Metodika ocenki rezultativnosti Rossii v GVC i formirovanie effektivnih cepochek stoimosti s uchastiem stran ATR. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzbi narodov. Seriya: Ekonomika*, 25(1), 28—40. (In Russ.)
- Kondratev V. (2016). *Lokalizaciya proizvodstva kak instrument modernizacii*. Available at: http://www.perspektivy.info/history/lokalizaciya_proizvodstva_kak_instrument_modernizacii_2016-05-18.htm (accessed: 20.02.2018). (In Russ.)
- Kondratiev V. (2015). Mirovaya ehconomika kak sistema global'nyh cepochek stoimosti. *Mirovaya ehconomika i mezhdunarodnie otnozeniya*, (3), 5—17. (In Russ.)
- Kochetov E. (2006). *Geoekonomicheskii (globalnii) tolkovii slovar*. Ekaterinburg: Uralskii rabochii Publ. (In Russ.)
- Meshkova T., Moiseichev E. (2016). Analis global'nyh cepochek sozdaniya stoimosti: vosmozhnosti forsait-issledovaniy. *Forsait*, 10(1), 69—82. Available at: <https://foresight-journal.hse.ru/data/2017/06/14/1170591870/6-Мешкова-69-82.pdf> (accessed: 31.08.2017). (In Russ.)
- Pisareva S., Volgina N. (2018). *Cepochki stoimosti v avtomobilestroenii stran Centralnoi i Vostochnoi Evropy: opit dlya Rossii*. Moscow: KNORUS Publ. (In Russ.)
- Sapir E. (2016). Integrazionnaya model rossiiskogo regiona: metodologicheskie osnovy, etapy formirovaniya. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 26(6), 65—74. (In Russ.)
- Sapir E., Karachyov I., Zhang M. (2016). Eksportnii potencial rossiiskikh farmacevticheskikh predpriyatii v formiruyuschihsya regionalnykh klasterakh. *Ekonomika regiona*, 12(4), 1194—1204. DOI 10.17059/2016-4-20 (In Russ.)
- Tolkachev S., Teplyakov A. (2016). Metodologicheskie osnovy analiza transformacii globalnykh cepochek stoimosti v hode neoindustrializacii. In: S.D. Bodrunova (ed.) *Novoe kachestvo industrialnogo proizvodstva: socialno-ekonomicheskie problemi: sbornik nauchnykh trudov mezhdunarodnoi konferencii*. Saint-Peterburg: INIR Publ., 31—41. Available at: <https://inir.ru/wp-content/uploads/2016/11/Новое-качество-индустриального-производства.pdf> (accessed: 14.03.2018). (In Russ.)
- Flegontova T. (2015). Razvivayuschihsya ekonomiki v globalnykh cepochkakh dobavlennoi stoimosti: uroki dlya Rossii. *Evoluciya mezhdunarodnoi torgovoi sistemi: problemi i perspektivi: prezentaciya mezhdunarodnoi konferencii*. Saint-Peterburg: AVT Publ. Available at: https://tradepol.hse.ru/data/2015/11/24/1081732681/Flegontova_2015-10-29_GVC.pdf (accessed: 14.03.2018). (In Russ.)
- Frolova E., Shishmintsev M. (2015). Development of the new forms of business internationalization in global geoeconomic space. *Proc. of the 8th EuroMed Conference of the EuroMed Academy of Business (Verona, 13—15 Sept. 2015)*. EuroMed Academy of Business, 610—623.
- Frolova E., Andreeva E., Abdurahmanova Z. (2017). Assessment of the international development level of Kazakhstan national pharmaceutical complex. *Proc. of the 10th EuroMed Conference of the EuroMed Academy of Business (Rome, 13—16 Sept. 2017)*. EuroMed Academy of Business, 599—613.
- Gereffi G., Fernandez-Stark K. (2016). *Global Value Chain Analysis: A Primer (2nd edition)*. Durham (USA), Duke CGGC. Available at: https://www.researchgate.net/publication/305719326_Global_Value_Chain_Analysis_A_Primer_2nd_Edition (accessed: 15.03.2018).
- Giuliani E. & Rabellotti R. (2017). Italian Industrial Districts Today: Between Decline and Openness to Global Value Chains. *WP New Series*, (3). Bocconi: University of Bocconi. Available at: http://www.certet.unibocconi.it/wps/wcm/connect/44b5e1e1-9ce4-45f8-a381-339332d3f6c0/13-2017+GR_Industria+Districts+Today.pdf?MOD=AJPERES&CVID=IH83YnP&useDefaultText=0&useDefaultDesc=0 (accessed: 15.03.2018).
- Qilu Pharmaceutical. Official website. Available at: <http://en.qilu-pharma.com/> (accessed: 15.03.2018).

Sun Pharmaceutical Industries. Official website. Available at: <http://www.sunpharma.com/> (accessed: 15.03.2018).

Wadhwa V. et al. (2008). *The globalization and innovation: Pharmaceuticals. Can India and China Cure the Global Pharmaceutical Market*. Duke CGGC. Available at: <http://ssrn.com/abstract=1143472> (accessed: 15.03.2018).

World Investment Report (2013). *Global Value Chains: Investment and Trade for Development*. Geneva; New York: United Nations Publication.

Yansheng Zhang et al. On the Value Chain and International Specialization of China's Pharmaceutical Industry. *Journal of International Commerce and Economics*. Available at: https://www.usitc.gov/journals/04_ZhangLiYangDu_ValueChainPharma.pdf (accessed: 15.03.2018).

Article history:

Received: 22 March 2018

Revised: 25 May 2018

Accepted: 20 August 2018

For citation:

Frolova Ye.D., Abdurahmanova Z.A., Frolova E.A. (2018). National industry: theoretical aspects of development in global value chains. *RUDN Journal of Economics*, 26(3), 379—391. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-379-391

Bio Note:

Frolova Ye.D., Doctor of Economics, Professor of the Department of International Economics and Management of the Ural Federal University named by the first President of Russia B.N. Yeltsin. *Contact information:* e-mail: Frol-ued@yandex.ru

Abdurahmanova Z.A., Master of Economic Sciences, Senior Lecturer at the Faculty of Business and Law, Karaganda Economic University of Kazpotrebsoyuz. *Contact information:* e-mail: bakbergen_2000@mail.ru

Frolova E.A., Master of Engineering and Management, Leading IT Specialist, Reply Consulting. *Contact information:* e-mail: e.frolova@reply.it

DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-392-401

УДК 304.4

Начальный этап формирования концептуальных основ социальной политики

Э.А. Шаманина

Московский государственный институт международных отношений (университет)

МИД России

Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Эволюция социальной политики и ее концептуальное оформление происходили постепенно. Выстраиваясь как государственная социальная доктрина в модели социального государства, социальная политика приобрела новое значение, трансформируясь в рамках модели государства всеобщего благосостояния, где она представляет собой деятельность государства, направленную на обеспечение социальной стабильности и общественного благосостояния с учетом таких факторов, как индивидуальная и общественная ответственность, социальная и экономическая защищенность. Основные современные направления социальных, экономических и политических воззрений связаны с социальной политикой.

Ключевые слова: социальная политика, модель социальной рыночной экономики, социальное государство, государство всеобщего благосостояния

Введение

Социальные проблемы, преодоление которых может оказать существенное влияние на благополучие населения, возникают на протяжении всего исторического пути общественного развития. Спецификой современного общества является понимание важности преодоления проблем, ведущих к формированию социальных рисков, которые могут послужить в дальнейшем причиной не только социальной, но экономико-политической дестабилизации. Вследствие чего разработка и реализация мер, направленных на предотвращение и решение таких проблем, лежат в основе любой социальной политики.

История социальной политики берет начало со времен социально-философских учений античного периода. Постепенно оформление социальной политики как самостоятельного направления научных исследований, а также ее теоретических основ, стало происходить в XIX—XX вв. во многом в рамках развития экономической и социологической мысли, в том числе и немецких экономико-философских концепций. Экономические учения и идеи известных экономистов и социологов, таких как А. Смит (Смит, 2009), Д. Рикардо (Рикардо, 1955), Дж. Ст. Милль (Милль, 1981), К. Маркс (Маркс, 2001), Ф. Лист (Лист, 2005), Л. фон Мизес (Мизес, 1993), Ф.А. фон Хайек (Хайек, 2001), Дж.М. Кейнс (Кейнс, 2002), В. Ойкен (Ойкен, 1995), В. Зомбарт (Зомбарт, 1906), М. Вебер (Вебер, 1990),

А. Сен (Сен, 1996), К. Поланьи (Поланьи, 2002), Т.Х. Маршалл (Marshall, 1963) и др. отражали изменения в социальных и экономических отношениях, что в значительной степени определило направление развития социальной политики, продемонстрировав ее взаимосвязь с экономической политикой и экономическим развитием государства (Канаева, 2016).

Эволюция социальной мысли в XIX—XX вв.

Опираясь на работы западных исследователей XIX—XX вв., можно заключить, что вопросы социальной политики рассматривались в тот период в контексте экономической политики государства, а также становления и развития принципов классического либерализма при формировании капиталистического уклада жизни со свойственными ему трудовыми и социально-классовыми отношениями.

Развитие социальной политики в странах Европы происходило неравномерно. Так, Правительство Германии, первым из числа европейских стран, обратив внимание на социальное положение рабочих и их семей, стало реализовывать политику социального обеспечения. Появление социальной системы защиты работников, сформировавшейся в 1883 г. в результате декретов немецкого канцлера Отто фон Бисмарка и направленной на помощь семьям рабочих, послужило практической основой для становления социальной политики государства. В этой связи вполне закономерно, что именно в Германии начинает происходить теоретическое осмысление подходов к вопросам социальной политики (Канаева, 2016).

В частности, немецкая политическая элита и ученые пытались найти оптимальное социальное решение, которое бы, с одной стороны, способствовало решению проблемы с асимметричным развитием общества, а с другой, стимулировало развитие новой капиталистической системы, в рамках которой обеспечивался рост общественного благосостояния.

Рассматривая важность социальной политики в стимулировании роста экономики, ученые-экономисты подчеркивали и необходимость в значительных объемах денежных средств, требуемых для обеспечения граждан социальными услугами по мере роста экономического потенциала страны. Конечно, качество жизни можно улучшить и несмотря на низкие доходы, однако для построения адекватной программы социального обеспечения требуются дополнительные источники финансирования. Так, немецкий экономист Адольф Вагнер отстаивал позицию централизации власти в отношении финансовой сферы, а именно высказывал мнение о том, что средства государственного бюджета могут стать неотъемлемым элементом социального реформирования и благосостояния общества (Канаева, 2016).

Другой немецкий экономист Людвиг Иосиф Brentано усматривал достижение устойчивости и общественной справедливости не вследствие государственного патернализма малообеспеченных социальных групп, а в результате развития трудового законодательства и профсоюзов. Данные институты являются необходимыми составными элементами функционирования социального государства, теоретические основы которого были сформулированы немецким философом, экономистом Лоренцом фон Штейном.

По мнению Лоренца фон Штейна, применившего в 1850 г. понятие «социальное государство», такое государство способно обеспечить экономический и общественный прогресс населения. В процессе развития данной концепции складывались различные подходы к пониманию основных функций, задач и отличительных характеристик социального государства (Социальное государство: концепция и сущность, 2004).

Несмотря на множество имеющихся теорий, социальное государство можно охарактеризовать как исторически сложившийся особый тип государства, целью которого является поддержание классового мира, социальной солидарности и справедливости. Государство такого типа предполагает совместную ответственность государственного и частного секторов и гражданского общества за благополучие, развитие и процветание социальной сферы, что подтверждается мнением российского социолога П.К. Гончарова о том, что в социальном государстве происходит сближение и гармонизация государственных, частных и общественных целей (Люблинский, 2004).

Особенность социального государства заключается в том, что, проводя социальную политику, государство не является ее единоличным актором, потому как субъектами социальной политики могут выступать и некоммерческие организации, органы местного самоуправления, бизнес-сообщество, различного рода общественные объединения и др. Такое государство призвано служить в качестве социального ориентира для рыночной экономики, направлять ее на достижение социальных задач, стоящих перед государством, регулируя все социальные процессы в обществе (Аверин, 2010).

Идеи Штейна снискали поддержку в рядах экономистов и социологов конца XIX в. Взгляды ученых были сфокусированы на стремлении расширить сферу государственной ответственности, вследствие чего государство смогло осуществлять не только приписанные ему патерналистские функции в отношении частной собственности и поддержании социальной стабильности, но также и обеспечивать поддержку, как материальную, так и моральную, в отношении малоимущих слоев общества.

Такой подход требовал от общественности того времени полного переосмысления системы отношений между государством, рынком, его субъектами и обществом, сформировавшейся в рамках теорий классической школы политэкономии. Характерной особенностью социального государства является признание активной роли власти в регулировании системы хозяйственных отношений, а также и социальных, в процессе проведения социальной политики с целью решения социальных проблем и повышения всеобщего уровня благосостояния граждан (Основы экономической политологии, 2015; Завьялова, 2017).

В процессе своего становления концепция социального государства во многом исходила из идей экономиста, основоположника институционального направления в политической экономии, Торстейна Веблена. По его мнению, основная проблема социального развития заключалась в несогласованности целей производственного и так называемого праздного классов. Такое противоречие приводит к столкновению интересов граждан, занятых, с одной стороны, в промышленной сфере, а с другой, в сфере финансового капитала. Выход из сложившей-

ся ситуации Веблен видел в формировании такого социального класса, как «технократы», призванного установить качественно новые ориентиры для развития основных сфер общества, в частности экономической и социальной (Люблинский, 2004).

Следует отметить, что в концепции социального государства большое внимание уделяется проблеме благосостояния, которая не получила столь широкого рассмотрения в рамках развития классической школы либерализма. Возвращаясь к ее постулатам, общественное благосостояние целиком определяется степенью развитости и свободы рыночных механизмов.

Основным объектом рассмотрения исследований английского экономиста Артура Пигу стала проблема распределения доходов в целях достижения благосостояния. Выдвигая на первый план идею о несовершенстве механизма рыночной экономики, А. Пигу приходит к выводу, что более равномерное распределение доходов приведет к большему приросту благосостояния. Экономист отмечает, что рынок не всегда способен отразить все возможные выгоды и издержки от производства некоторых товаров, например такого вида, как общественные блага, в частности безопасность, услуги ЖКХ, социальные услуги, обладающие свойствами неделимости, неисключаемости и неисчерпаемости в своем потреблении. Скрывая свою заинтересованность в товарах такого рода, потребитель не желает платить за их производство, что в свою очередь не дает возможности рынку аккумулировать достаточно средств на их производство. Такая ситуация препятствует росту общественного благосостояния, приводя к снижению уровня социально-экономического развития (Сафрончук, 2015).

Вследствие этого экономист приходит к выводу о том, что государство должно поддерживать благосостояние путем системы перераспределения доходов, а также обеспечивать развитие социальной сферы и ее составляющих, в частности образования и здравоохранения, в целях защиты интересов будущих поколений.

Следует упомянуть, что, рассматривая процесс формирования взаимодействия в трудовом коллективе между рабочими и управляющими, А. Пигу поднимает вопрос и об условиях труда работающих на предприятиях. Именно он предлагает заключение своего рода «трудового партнерства» между рабочими и предпринимателями в целях убеждения работников в том, что потребности предприятия и в целом частного сектора могут быть обусловлены интересами всего общества.

Британский экономист Джон Гобсон в продолжение рассмотрения концепции благосостояния утверждал, что социальное развитие способно обеспечить обществу высокие стандарты уровня жизни и «человеческое благосостояние». Однако указанной цели можно достичь посредством проведения государством соответствующей политики, в то время как бизнесу, по его мнению, необходим общественный контроль, осуществляемый в процессе обобществления крупных корпораций.

К XX в. модели развития общества в рамках подходов классического либерализма и кейнсианства постепенно изживали себя, приводя к необходимости развития нового подхода к вопросам социально-экономической и политической эффективности. Выход был найден учеными-неолибералами, предложившими альтернативную концепцию развития, вобравшую в себя все лучшее, что пред-

лагали доктрины прошлого века. Данная модель назвалась моделью социальной рыночной экономики, основными принципами которой согласно одному из ее авторов, немецкому экономисту Людвигу Эрхарду, являются «свобода, справедливость, благосостояние для всех» (Люблинский, 2004).

Авторами данной концепции отрицалась главенствующая роль государства в качестве единственного инструмента управления рыночным хозяйством. Ученые пытались оптимизировать государственную политику, которую следовало направить на стимулирующее воздействие на рыночную экономику и развитие частного сектора, эффективное функционирование которых обеспечивало бы рост общественного благосостояния.

Фактором эффективного развития модели социальной рыночной экономики является развитие условий, при которых государственная активность в области социального обеспечения будет сокращаться. В целях обеспечения населения пособиями, дотациями, пенсиями и другими видами социальных услуг государству необходимы дополнительные свободные денежные средства, которыми оно не обладает. Вследствие отсутствия у государства собственных средств оно вынуждено проводить политику перераспределения доходов, поступающих в виде налоговых сборов от производящих слоев общества (Сидорина, 2005).

Таким образом, увеличение числа социальных мероприятий ложится налоговым бременем на предпринимательский сектор, лишая предпринимателей стимулов для инвестиций и активной части населения для дальнейшей трудовой деятельности, тем самым приводя к нарушениям в функционировании механизмов рыночной системы.

Л. Эрхард полагает, что проблемы социального характера и общественного благосостояния должны решаться за счет эффективного функционирования хозяйственной системы, основанной на механизме свободной рыночной конкуренции, а не посредством лишь единственной политики перераспределения. В этой связи социальная составляющая экономической политики должна способствовать выстраиванию системы, которая стимулировала бы индивидов к самостоятельной деятельности, благодаря которой они смогли сами заботиться о благополучии собственном и своих близких. Социальная политика в такой модели становится драйвером по созданию условий развития социальной сферы, в частности систем образования и здравоохранения, направленной на возможность получения индивидами жизненной стабильности (Сидорина, 2012).

Социальный патернализм государства, выражающийся в распределении пособий, льгот, дотаций и других видов поддержки, должен осуществляться в отношении тех социальных групп, которые не в состоянии по тем или иным не зависящим от них причинам обеспечить себе прожиточный минимум. По мнению Л. Эрхарда, социальная политика не должна служить препятствием гражданам для получения финансовой независимости и для заинтересованности частного сектора в привлечении инвестиций, стимулирующих рост производительности и создание рабочих мест, обеспечивая занятость и эффективность социально-экономического развития (Сидорина, 2005).

Вследствие становления социального государства и модели социального рыночного хозяйства исследования в отношении поиска взаимосвязи между дости-

жением социальной справедливости и экономической эффективностью, наряду со степенью социальной ответственности государства и частного сектора, остаются главной темой для обсуждения среди многих ученых.

Например, рассуждая о сфере социальной ответственности субъектов социальной политики, О.А. Канаева указывает, что в перечень главных функций социального государства включают деятельность государства, связанную с компенсацией доходов населению, утраченных по причине безработицы или временной нетрудоспособности. С другой стороны, она также отмечает, что в качестве основных функций социального государства можно рассматривать его действия, направленные на поддержку образования, в то время как функции по созданию благоприятных и безопасных условий труда становятся приоритетом для частных компаний, а не самого государства. Социальная ответственность государства, степень его вмешательства в социальную сферу и влияние частного сектора на развитие социальной сферы рассматриваются в качестве одной из характерных черт современных моделей рыночной экономики (Канаева, 2016).

Современные взгляды на трактовку социальной политики, социальных функций государства и частного сектора, а также их совместной роли в процессе ее формирования в значительной степени сложились не только под влиянием учений и практики социального государства и социального рыночного хозяйства, но также и в результате становления теории государства всеобщего благосостояния.

Золотым веком данной концепции является середина прошлого столетия. Начиная с XX в. к феномену государства благосостояния обращались многие ученые, отмечая, что это явление характерно непосредственно для эпохи индустриализма. К началу XXI в. сформировалось множество подходов к определению концепции государства всеобщего благосостояния, трактуемых различными экономическими, политологическими и социологическими словарями. Однако для ученых и политиков современности государство всеобщего благосостояния — это, прежде всего, создание системы по обеспечению общества необходимыми социальными потребностями, а также гармоничное взаимодействие государственных институтов с элементами свободной рыночной экономики в целях решения вопросов социальной проблематики (Сидорина, 2012).

В большей степени фундаментальным и многогранным исследованием концепции государства всеобщего благосостояния является труд датского социолога Г. Эспинга-Андерсена. В своей работе, проанализировав и обобщив накопленный материал, он выделяет три типа государства благосостояния, построение которого опирается на конкретные взаимосвязанные принципы внутри страны, и условия развития в его рамках социальной политики. Такими принципами служат характер государственного участия в хозяйственной жизни, степень зависимости общественного благосостояния от влияния рыночных сил, а также стратификация общества. На основе выделенных им параметров Эспинг-Андерсен выводит следующие типы государства благосостояния: нелиберальный, или американский; социально-демократический, присущий странам северного региона Европы; консервативно-корпоративистский, или франко-германский (Сидорина, 2005).

Для первого типа характерна высокая степень дифференциации населения по доходам, а также низкая доля государственного вмешательства в хозяйственные процессы. Социальная политика, проводимая в рамках государства такого типа, характеризуется принципом «остаточного распределения», что подразумевает оказание поддержки малоимущим слоям населения только после перераспределения основной части расходов. Таким образом, государство предоставляет только минимальный гарантированный объем социального обеспечения.

Социально-демократическому типу присуще прямое государственное обеспечение малоимущих членов общества, основанное на финансировании различного рода программ помощи.

Последний тип, консервативно-корпоративистский, сочетает в себе черты двух других видов. Например, в нем можно обнаружить довольно значительный уровень расслоения населения по доходам и своему социальному положению в сочетании с высокой степенью государственного регулирования рынка.

Благодаря трактовке Г. Эспинга-Андересена можно заключить, что в целом структурирование социальной политики, а также обеспечение социально-экономического благополучия происходит в зависимости от установления того или иного режима в стране.

Однако уже ко второй половине XX в., несмотря на то, что многим западно-европейским странам удалось претворить в жизнь различные типы социальной политики, кризисные явления, сопровождаемые финансовой нестабильностью в 1990-е гг., привели к трансформации функционального аппарата сложившихся социальных институтов. В частности, постепенно стали стираться параметры различий основных моделей социальной политики. Прежде всего, такая тенденция выражалась в действиях государств, традиционно отличавшихся развитой системой социального обеспечения и большой долей бюджетного финансирования социальной сферы, направленных на введение системы платности в отношении некоторых социальных услуг (непосредственно в сфере здравоохранения — оформление частного медицинского страхования). С другой стороны, те государства с либеральной хозяйственной моделью, где задачи социальной сферы в большей степени возлагались на плечи частного сектора, принимают решение о расширении своего участия и бюджетного финансирования социальной сферы (Сидорина, 2012).

Заключение

Независимо от того, какую модель либеральной рыночной экономики, социального государства или государства всеобщего благосостояния, выберет государство в целях обеспечения социально-экономического развития, формирование и реализация социальной политики должны согласовываться с поставленными целями.

Несомненно, формирование концептуальных основ социальной политики в XIX—XX вв. было связано со становлением экономических теорий, основой для дальнейшего развития которых служили идеи прошлого столетия. Появление инновационных экономических учений сопровождалось реформированием хо-

зайственных и общественных отношений, требующим разработки новой социально-экономической политики, учитывающей социальные явления, появление которых всегда обусловлено сменой курса экономико-политического развития. Опираясь на возникающие представления экономической мысли, социальная политика осуществляет их преобразование, структурируя и оформляя их в социальном концептуальном ключе.

© Шаманина Э.А., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Список литературы

- Аверин А.Н.* Социальная политика. Теория и методология: учебное пособие. М.: РАГС, 2010. 176 с.
- Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
- Завьялова Е.Б.* Теоретические основы социальной ответственности бизнеса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2017. Т. 25. № 2. С. 209—218.
- Зомбарт В.* Идеалы социальной политики. СПб.: Знание, 1906. 64 с.
- Канаева О.А.* Социальная политика государства и бизнеса: учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2016. 343 с.
- Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос АРВ, 2002. 352 с.
- Лист Ф.* Национальная система политической экономии. М.: Европа, 2005. 382 с.
- Люблинский В.В.* Трансформация общества и социальная политика в странах Запада: вторая половина XX — начало XXI в.: монография. М.: РУДН, 2004. 262 с.
- Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. М.: АСТ, 2001. Т. 1. 565 с.
- Мизес Л. фон.* Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М.: Catallaxy, 1993. 240 с.
- Милль Дж.Ст.* Основы политической экономии. М.: Прогресс, 1981. Т. 3. 448 с.
- Основы экономической политологии: учебник / под. ред. Е.Б. Завьяловой. М.: МГИМО-Университет, 2015. 414 с.
- Ойкен В.* Основные принципы экономической политики / под общ. ред. В.С. Автономова, В.П. Гутника, К. Херрман-Пиллата. М.: Экономика, 1996. 496 с.
- Полань К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. 320 с.
- Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 1. 360 с.
- Сафрончук М.В.* Человеческое поведение, экономические школы и экономическая политика // Вестник Академии. 2015. № 4. С. 221—232.
- Сен А.* Об этике и экономике. М.: Наука, 1996. 162 с.
- Сидорина Т.Ю.* Два века социальной политики. М.: РГГУ, 2005. 442 с.
- Сидорина Т.Ю.* История и теория социальной политики: учебное пособие. М.: РГГУ, 2012. 555 с.
- Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2009. 960 с. (Серия «Антология экономической мысли»).

Социальное государство: концепция и сущность // ДИЕ РАН № 138. М.: ИЕ РАН; Огни, 2004. 128 с.

Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф, 2001. 256 с.

Marshall T.H. *Sociology at the Crossroads and Other Essays*. L.: Heinemann, 1963. 348 p.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 23 марта 2018

Дата проверки: 01 августа 2018

Дата принятия к печати: 26 сентября 2018

Для цитирования:

Шаманина Э.А. Начальный этап формирования концептуальных основ социальной политики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2018. Т. 26. № 3. С. 392—401. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-392-401

Сведения об авторе:

Шаманина Элина Алексеевна, аспирант, преподаватель кафедры экономической политики и государственно-частного партнерства МГИМО МИД России. Контактная информация: e-mail: shamanelly55@gmail.com

Conceptual framework of social policy development: initial period

E.A. Shamanina

Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of Russia
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract. This article examines conceptual fundamentals of social policy, which have evolved as an independent field of research in a framework of economic, sociological thought and philosophical concepts development since nineteenth and early twentieth centuries. Highlighting the importance of social policy economists of nineteenth and twentieth centuries developed the model of social market economy and welfare state. Within these models, social policy is considered to be one of the important part of government policy aimed at national development and providing social welfare.

Keywords: social policy, social and welfare state, government, business, theory of social policy, social market economy, Lorenz von Stein, Ludwig Wilhelm Erhard, Gosta Esping-Andersen

References

- Averin A.N. (2010). *Social'naya politika. Teoriya i metodologiya*. Moscow: RAGS Publ., 176. (In Russ.)
- Veber M. (1990). *Protestantskaya ehtika i duh kapitalizma*. Moscow: Progress Publ., 808. (In Russ.)
- Zav'yalova E.B. (2017). Teoreticheskie osnovy social'noj otvetstvennosti biznesa. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika*, 25(2), 209—218. (In Russ.)
- Zombart V. (1906). *Idealy social'noj politiki*. Saint Peterburg: Znanie Publ., 64. (In Russ.)

- Kanaeva O.A. (2016). *Social'naya politika gosudarstva i biznesa: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury*. Moscow: Yurajt Publ., 343. (In Russ.)
- Kejns Dzh.M. (2002). *Obshchaya teoriya zanyatosti, procenta i deneg*. Moscow: Gelios ARV Publ., 352. (In Russ.)
- List F. (2005). *Nacional'naya sistema politicheskoy ehkonomii*. Moscow: Evropa Publ., 382. (In Russ.)
- Lyublinskij V.V. (2004). *Transformaciya obshchestva i social'naya politika v stranah Zapada: vtoraya polovina XX — nachalo XXI v.* Moscow: RUDN Publ., 262. (In Russ.)
- Marks K. (2001). *Kapital. Kritika politicheskoy ehkonomii*. Vol. 1. Moscow: AST Publ., 565. (In Russ.)
- Mizes L. fon. (1993). *Byurokратиya. Zaplanirovannyj haos. Antikapitalisticheskaya mental'nost'*. Moscow: Catallaxy Publ., 240. (In Russ.)
- Mill' Dzh.St. (1981). *Osnovy politicheskoy ehkonomii*. Vol. 3. Moscow: Progress Publ., 448. (In Russ.)
- Zav'yalova E.B. (ed.) (2015). *Osnovy ehkonomicheskoy politologii*. Moscow: MGIMO-Universitet Publ., 414. (In Russ.)
- Ojken V. (1996). *Osnovnye principy ehkonomicheskoy politiki*. V.S. Avtonomova, V.P. Gutnika, K. Herrman-Pillata (eds.). Moscow: Ekonomika Publ., 496. (In Russ.)
- Polan'i K. (2002). *Velikaya transformaciya: politicheskie i ehkonomicheskie istoki nashogo vremeni*. Saint Peterburg: Aletejya Publ., 320. (In Russ.)
- Rikardo D. (1955). *Nachala politicheskoy ehkonomii i nalogovogo oblozheniya*. Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat Publ., 360. (In Russ.)
- Safronchuk M.V. (2015). Chelovecheskoe povedenie, ehkonomicheskie shkoly i ehkonomicheskaya politika. *Vestnik Akademii*, (4), 221—232. (In Russ.)
- Sen A. (1996). *Ob ehtike i ehkonomike*. Moscow: Nauka Publ., 162. (In Russ.)
- Sidorina T.Yu. (2005). *Dva veka social'noj politiki*. Moscow: RGGU Publ., 442. (In Russ.)
- Sidorina T.Yu. (2012). *Istoriya i teoriya social'noj politiki*. Moscow: RGGU Publ., 555. (In Russ.)
- Smit A. (2009). Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov. *Seriya: Antologiya ehkonomicheskoy mysli*. Moscow: Eksmo Publ., 960. (In Russ.)
- IE RAN (2004). *Social'noe gosudarstvo: koncepciya i sushchnost'*. DIE RAN № 138. Moscow: Ogni Publ., 128. (In Russ.)
- Hajek F.A. (2001). *Individualizm i ekonomicheskij poryadok*. Moscow: Izograf Publ., 256. (In Russ.)
- Marshall T.H. (1963). *Sociology at the Crossroads and Other Essays*. London: Heinemann Publ., 348.

Article history:

Received: 23 March 2018

Revised: 01 August 2018

Accepted: 16 September 2018

For citation:

Shamanina E.A. (2018). Conceptual framework of social policy development: initial period. *RUDN Journal of Economics*, 26(3), 392—401. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-392-401

Bio Note:

Shamanina E.A., PhD Student, Lecturer of the Economic Policy and Private-Public Partnership Department, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). *Contact information:* e-mail: shamanelly55@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-402-415

УДК 330.322.011.2

Роль прямых инвестиций в развитии инновационной экономики России (1991–2017 гг.)

Н.А. Диесперова

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

В статье рассматривается влияние прямых инвестиций, в том числе иностранных (ПИИ), на развитие инновационной экономики России. Дана характеристика негативной ситуации, сложившейся в российской национальной инновационной системе: основные индикаторы инновационности в 2017 г. остаются на уровне 2000 г. Выявлено отрицательное влияние ПИИ на промышленность России. Показано, что негативная роль ПИИ обусловлена пассивной позицией государства в управлении потоком инвестиций. Предложен подход построения системы управления институтами НИС, основанной на принципе обеспечения взаимовыгодных условий всем участникам инновационного процесса. На примере венчурных фондов и технопарков обоснована необходимость государственного контроля результативности инновационных институтов по их вкладу в рост количества инновационно-активных предприятий в реальных секторах российской экономики, как основного критерия управления инвестициями.

Ключевые слова: инновации, прямые иностранные инвестиции, венчурные фонды, технопарки, инновационно-активные предприятия

Введение

Кардинальное повышение производительности труда за счет реализации инновационного сценария развития России — «единственная реальная альтернатива» для преодоления «крайней неэффективности российской экономики», а фрагментарная модернизация экономики «неизбежно ведет к росту зависимости России от импорта товаров и технологий и подвергает угрозе само существование страны» — таков «диагноз» положения в российской экономике озвученный В. Путиным при обсуждении стратегии развития России до 2020 г. (Выступление В. Путина..., 2008).

Задачи, поставленные Президентом как условие для преодоления «крайней неэффективности...», по существу, составляют основное содержание долгосрочной программы социально-экономического развития России. Это:

1. Формирование национальной инновационной системы (НИС) как всей совокупности государственных и частных институтов, поддерживающих инновации.
2. Закрепление и усиление естественных преимуществ государства.
3. Масштабная модернизация существующих производств, включая изменение практически всех используемых в России технологий, почти всего парка машин и оборудования.

4. Переход к принципиально иному качеству управления предприятиями — «принятие “Концепции социально-экономического развития страны до 2020 года” и конкретного плана действия по всем обозначенным... направлениям» — вплоть до «пошагового плана».

Оценка выполнения поставленных Президентом задач содержится в преамбуле Проекта концепции «Инновационная Россия 2020», где зафиксированы неэффективность всех принимаемых с 2000 г. государственных программ инновационного развития страны и «абсолютное доминирование наименее передовых типов инновационного поведения — заимствование готовых технологий, что характеризует НИС РФ как ориентированную на имитационный характер, а не на создание радикальных нововведений и новых технологий» (Стратегия инновационного развития..., 2011). В результате — отсутствие прогресса в инновационной экономике России: основные индикаторы инновационности экономики по итогам 2016 г. практически на том же уровне, что и в 2000 г. (Статистические сборники ВШЭ..., 2007—2018), а показатель производительности труда в России в последнее время демонстрирует падение, сравнявшись с уровнем 2007 г. и значительно отставая от аналогичных показателей США и стран ЕС (рассчитанная как ВВП на одного занятого, производительность труда в России составляет 44 936 долл., аналогичный показатель в США выше в 2,5 раза, во Франции и Германии — в 2 раза) (Статистические данные ОЭСР..., 2017).

И это все несмотря на более чем 10-кратное увеличение затрат государства на технологические инновации (49,4 млрд руб. в 2000 г. и 778 млрд руб. в 2016 г.), рост внутренних затрат на НИОКР (76,7 млрд руб. в 2000 г. и 943 млрд руб. в 2016 г.), а также создание по аналогу западной инновационной инфраструктуры (НИС) и системы мотивации участников производства инноваций (Статистические сборники ВШЭ..., 2007—2018). Почему столь устойчива неэффективность принимаемых государством мер по строительству инновационной экономики? Почему ректор НИУ ВШЭ Я. Кузьминов иронизирует: «Наверное мы все устали от стратегий, где мы просто пишем, как сделать лучше, а потом расстраиваемся, что это не реализовано»? (Выступление ректора ВШЭ..., 2016).

Наше исследование представляет попытку найти ответ на эти вопросы на основании анализа российской практики 1990—2017 гг. по изменению негативной ситуации в инновационной сфере страны преимущественно за счет увеличения инвестиций в модернизацию российской экономики и, в частности, в НИС. Цель исследования — предложить и обосновать подход к решению комплекса поставленных Президентом задач как единого объекта управления.

Обзор литературы

Предложения по кардинальному изменению негативной ситуации в НИС России, сформулированные в Проекте, легли в основу концепции «Стратегия 2020» (Стратегия инновационного развития..., 2011). В «Стратегии» поставлена задача создания базы для полноправного участия России в мировом рынке инновационных товаров и технологий: к 2020 г. довести с 10 до 40—50 % долю инновационно активных предприятий и, как следствие, увеличить в 3—5 раз долю инно-

вационной продукции в промышленности, в 8 раз долю в мировом экспорте высокотехнологичных товаров и услуг.

Три сценария развития экономики страны развернуты в «Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 года» (Прогноз долгосрочного социально-экономического развития..., 2013) как программы достижения соответствующих темпов роста экономики в 2013—2030 гг.

1. Темпы 3,0—3,2 % ВВП соответствуют возможностям «консервативного сценария», основанного на активной модернизации ТЭК и сырьевых комплексов с ориентировкой в большой степени на импортные технологии и знания.

2. Темпы 4,0—4,2 % ВВП — цель «инновационного сценария», опирающегося на создание конкурентоспособного сектора высокотехнологичных производств и экономики знаний наряду с модернизацией энергосырьевого сектора при превращении инновационного фактора в ведущий источник экономического роста.

3. Темпы 5,0—5,4 % ВВП — результат «форсированного сценария» при интенсивном росте экономики на базе «инвестиционного сценария» и масштабном несырьевом экспорте на основе привлечения иностранного капитала, передовых технологий и предпринимательской инициативы.

Таким образом, все три сценария предполагают реализацию модели «догоняющего» развития, успех которого ставится в зависимость от прямых иностранных инвестиций (ПИИ).

Как известно, ПИИ включают создание предприятия или его филиала как собственности инвестора на территории реципиента, поглощение или покупку существующих на территории реципиента предприятий или филиалов, приобретение более 10 % акций уставного капитала предприятий реципиента, предоставляющее право участия в управлении и право на нематериальные активы. Цель ПИИ — максимизация прибыли на вложенный капитал путем всесторонней помощи реципиенту в организации высокотехнологического производства и эффективного сбыта его продукции на мировом рынке (положительный эффект ПИИ) или за счет завоевания местного рынка без существенного влияния на конкурентоспособность его продукции (отрицательный эффект ПИИ).

Привлечение ПИИ как необходимое условие социально-экономического развития России поддерживает практически вся научно-производственная элита страны: академик РАН Н. Иванова: желательна «активизация присутствия иностранных инвесторов» как носителей передовых технологий (Иванова, 2016); профессор Н. Моисеева: предпочтительна концепция «открытых» инноваций «...неважно — своих или чужих» (Моисеева, 2015); профессор О. Голиченко: нужна «политика внешнего толчка, в частности внешними силами» (Голиченко, 2015); доктор экономических наук А. Фототов: необходимо достигнуть уровня технологического развития развитых стран за счет концентрации усилий «...на основе массового заимствования и адаптации западных технологий» (Фототов, 2013); Столыпинский клуб: «импорт, адаптация, масштабирование передовых технологий» (Доклад Столыпинского клуба..., 2015). Диссонансом столь единой позиции звучит предостережение Е. Гайдара: «...наша задача на ближайшие перспективы — не искать лучший мировой опыт для развития России. Задача — четко знать наши реалии, понимать, что у нас будет и что не будет работать» (Гайдар, 2003).

В каком объеме, в какие отрасли придут и какие технологии принесут ПИИ, их влияние на развитие инновационной экономики обсуждается значительно

меньше. Считается, что все импортируемые технологии — передовые по определению. В действительности темпы развития техники и технологий настолько ускорились, что значительная часть технологий в развитых странах находится на ниспадающей части жизненного цикла. Учитывая временной лаг после получения ПИИ для освоения таких технологий, российская промышленность, по существу, обречена на постоянное отставание от мирового уровня.

Меры по изменению пока негативной ситуации изложены в «Стратегии научно-технологического развития России до 2035 года», нацеленной не только «... на получение технологий, способных ответить на основные вызовы», но и на то, чтобы «вывести на новые рынки наукоемкие отечественные технологии, повысить результативность проводимых российскими учеными исследований» (Стратегия научно-технологического развития..., 2016).

Принцип «получения технологий» с ПИИ Президент сформулировал 16 июня 2016 г. на встрече с иностранными инвесторами в рамках ПМЭФ-2016: для «повышения эффективности» действующих предприятий и «проведения серьезного технологического обновления промышленности мы ... заинтересованы в том, чтобы вместе с капиталами к нам приходили и современные технологии на *взаимовыгодных условиях*» (Встреча В. Путин с иностранными инвесторами..., 2016).

С нашей точки зрения, обеспечение взаимовыгодной деятельности (мотивация) всех участников инновационного процесса (ИП) — от инвесторов, включая государство, до предприятий, внедряющих инновации, — является главным из необходимых условий инновационного развития России, особенно сегодня, когда нарастает тенденция достижения выгоды одних участников ИП за счет других. Нарушение принципа взаимовыгодности усиливает позиции модели имитационного развития российской экономики из-за нарушения баланса интересов в цепочке «государство (основной инвестор инновационного процесса в стране) — генераторы инноваций — предприятия, их реализующие». Например, (п. 11 Стратегии 2035) «...слабое взаимодействие сектора исследований и разработок с реальным сектором экономики, разорванность инновационного цикла приводят к тому, что государственные инвестиции в человеческий капитал фактически обеспечивают рост конкурентоспособности других экономик». Замкнуть инновационный цикл предполагается, сформировав эффективную «...современную систему управления» инновационным процессом (п. 29 (г) Стратегии 2035) и задействовав инструменты, обеспечивающие «...быстрый переход результатов исследований в стадию практического применения» (п. 33 (б) Стратегии 2035).

По существу, в «Стратегии 2035» фиксируется «несовременность» действовавших в течение 1990—2017 гг. системы и инструментов управления инновационным процессом, прежде всего, в основных институтах российской НИС. В результате — отсутствие заметного прогресса в развитии инновационной экономики России, за исключением оборонного сектора, в течение последних ~25 лет.

Роль государства в инновационном процессе в 1990—2017 гг.

В инновационном цикле «государство — технологии — выход» только государство имеет необходимые инструменты в системе управления для создания и поддержания взаимовыгодных условий для деятельности каждого из участников

инновационного процесса, что является важнейшим необходимым условием реализации всех сценариев Прогноза в рамках «Стратегии 2035».

Однако и в «Стратегии 2020», и в Прогнозе, и в «Стратегии роста» (программа Столыпинского клуба) взаимовыгодные условия в значительной мере игнорируются. А именно: в части «*что сделать*» подробно расписаны обязанности государства — реорганизовать такие-то ведомства, создать новые, в т.ч. современную НИС, скорректировать почти все существующие законы, ликвидировав некоторые, и пр. Другими словами, кардинально перестроить существующие отношения общества и бизнеса именно в пользу последнего, реализовав тем самым одно из ключевых положений программы Президента (Выступление В. Путин..., 2008): «...переход к принципиально иному качеству управления предприятиями». Конкретные же предложения — «*как сделать*» — в явном или завуалированном виде основаны на знаменитых десяти принципах «Вашингтонского консенсуса», отражающих политику МВФ и МБРР по глобализации экономик развивающихся стран под эгидой западных элит. Это принципы «...в значительной мере реализованные в 1990-х гг. в России с непосредственной помощью МВФ и МБРР и приведшие к катастрофическим последствиям для российской экономики» (Стиглиц, 2003).

Нобелевский лауреат по экономике Дж. Стиглиц считает «последствия» результатом несовершенства российских институтов, особенно инновационных, и эти «последствия» все еще остаются в нашей экономике, хотя *формально* все основные положения «программы Президента» (Выступление В. Путин..., 2008), которые находятся в компетенции государства, почти выполнены или выполняются: НИС страны в части количества и структуры инновационных институтов не уступает ведущим развитым странам — продолжается «закрепление и усиление наших естественных преимуществ»; увеличивается масштаб модернизации и объем финансирования экономики в целом и инновационной сферы в частности с привлечением зарубежного капитала; постоянно совершенствуется механизм взаимодействия государства и бизнеса практически во всех сферах народного хозяйства. Однако основные индикаторы инновационности экономики пока остались на уровне 2000 г.

По нашему мнению, дело в том самом «почти», когда эффективность использования инвестиций определяется самими получателями, исходя из собственных критериев «выгодности», не обязательно совпадающими с интересами государства и общества. Государство, ограничив свою роль в инновационном цикле функциями финансирования и создания благоприятных условий для инвесторов, фактически упустило контроль за эффективностью инфраструктуры НИС в использовании ПИИ/внутренних прямых инвестиций с позиций «выгодности» для развития инновационной экономики. Как следствие, «размытость» ответственности за использованием инвестиций в конкретных институтах инновационной сферы.

Очевидно, что для управления инновационным процессом необходимы критерии результативности соответствующих инновационных институтов. Сегодня таковыми являются оценки их деятельности как традиционных бизнес-единиц: на «входе» инвестиции, на «выходе» прибыль. В результате НИС как единая система институтов производства и реализации инноваций трансформировалась в сотни достаточно самостоятельных организаций (только технопарков в России

в 2017 г. 255!), управление которыми без единой оценки их соответствия цели создания вряд ли может быть эффективным.

Такой оценкой является количество созданных инновационно-активных предприятий (ИАП) конкретным инновационным институтом в наукоемких высокотехнологичных отраслях реальной экономики по своим или заимствованным, но адаптированным к российским условиям, технологиям. Для реализации функции «ответственность» в системе управления НИС орган (лицо), отвечающий (ее) за исполнение инновационным институтом его предназначения, должен иметь в своем распоряжении так называемые «управляющие воздействия» для: 1) мотивации институтов, создающих ИАП; 2) принуждения к изменению деятельности институтов, не создающих ИАП.

В развиваемом нами подходе «благоприятные условия» и «принуждение к изменению» — это, с одной стороны, преференции (налоговые, тарифные, арендные и др. льготы) разработчикам инноваций и предприятиям, их реализующим, с другой — качество инвестиций, а именно: «точка приложения» и соответствие передовым технологиям.

Это два взаимодополняющих фактора: привлечение ПИИ может отрицательно сказаться на росте числа ИАП, если «точка приложения» самых «передовых» технологий — морально устаревшие или экологически вредные российские предприятия. Также негативный эффект имеет место, когда совсем не «передовые» технологии внедряются на предприятиях современного уровня.

Последствия недостаточного внимания государства к управлению НИС и качеству инвестиций, в том числе ПИИ, особенно явно проявились в деятельности двух важнейших инновационных институтов — венчурных фондов и технопарков — в ходе их эволюции с 1991 по 2017 г.

ПИИ в российской экономике в 1991—2017 гг.

Очевидно, что выбор «точки приложения», критериев результативности ПИИ и затрат государства для строительства инновационной экономики фактически определяет направление деятельности акторов инновационного цикла «государство — технологии — выход» и, в конечном итоге, результат функционирования НИС как основного инструмента инновационного развития страны, уровня и темпов модернизации.

Венчурное предпринимательство — как промежуточное звено между НИОКР и реальным сектором — один из важнейших элементов инновационной экономики, «когда к изобретению подключается бизнес, и новая идея становится инновацией» (Шумпетер, 1982), созданный в России зарубежным капиталом в переходные 1990-е гг., включает всю российскую систему венчурных ПИИ и венчурных фондов (ВФ). Первые \$500 млн ПИИ были разделены между подконтрольными МБРР одиннадцатью ВФ в 1994 г. Их отраслевые предпочтения — «сельское хозяйство и пищевая промышленность, потребительские товары и услуги, финансовые услуги, фармацевтика, телекоммуникации. И отдельно — фонд оборонных предприятий (Defense Enterprise Fund) — для «оказания помощи в проведении приватизации оборонных предприятий, конверсии техно-

логий и производственных мощностей с обязательным участием зарубежных партнеров соответствующего профиля» (Обзор рынка..., 2005).

В 1994—1998 гг. на территории России действует уже 37 ВФ со 100 % иностранным капиталом и капитализацией 2,6 млрд долл. ПИИ в 1994—1998 гг. составили 1,162 млрд долл., «точкой приложения» стали «лучшие на то время» российские предприятия среднего бизнеса «с положительной динамикой роста», которые переходили под иностранное управление с перестройкой производства преимущественно под сырье и комплектующие страны-инвестора через фонды прямых инвестиций (ФПН, РЕ-фонды). Собственно ВФ фонды (VC-фонды) составляли менее 8 % капитализации всех фондов (Обзор рынка..., 2005). К 2004 г. число действующих ВФ в России выросло до 50, общая капитализация достигла 3,1 млрд долл., до 80 % средств фондов имели зарубежный источник. За 1999—2004 гг. в российские компании было вложено порядка 1,304 млрд долл., предпочтения остались неизменными (Обзор рынка..., 1999—2004).

Однако миллиарды РЕ- и VC-фондов практически не оказали сколько-либо значимого влияния на показатели инновационности экономики. В действительности на территории России ВФ в зарубежном исполнении в своем большинстве не являлись таковыми по выполняемым функциям — инвестиционной поддержки инновационных проектов от идеи (start-up) до ее коммерциализации (exit), а также финансирования существующих и особенно вновь создаваемых наукоемких и высокотехнологичных предприятий. В результате выбранной таким образом «точки приложения» действующие на территории России ВФ из сильного инструмента инновационного развития экономики в значительной степени трансформировались в своеобразные барьеры, препятствующие модернизации промышленности путем выключения немалого количества лучших в начале 1990-х гг. отечественных предприятий из инновационного процесса.

Последствия этого «эффекта» трудно оценить: «единственный правильный критерий ВФ — возвратность инвестиций (ROI), но этот показатель фонды, конечно, *сохраняют в секрете*» (Обзор рынка..., 2005). Открыты данные по числу ВФ, количеству сделок, объему инвестиций, количеству выходов (реализованные проекты). Но их реализация в течение 1994—2004 гг., по существу, не имеет отношения к экономике России: все 98 выходов материализованы продажей стратегическому инвестору (~55 %) и выкупом менеджерами (~45 %), и те и другие преимущественно иностранцы, параметры выходов, как правило, не раскрываются. Таким образом, бесконтрольная деятельность иностранных ВФ в части «точки приложения» ПИИ и критериев их эффективности привела к тому, что 99 % инновационных усилий российских компаний — резидентов ВФ стали достоянием зарубежных ТНК, не оказав заметного влияния на показатели инновационности российской экономики (Обзор рынка..., 2005).

К сожалению, такая практика во многом продолжает сохраняться до настоящего времени. Эффективность «массовых» венчурных инвестиций в 2006—2016 гг. через созданную государством при поддержке Минэкономразвития Российскую венчурную компанию (РВК) проявилась в координатах тех же показателей (табл. 1), несмотря на то, что доля российских источников ВФ уже достигает 46 % (параметры выходов также не раскрываются).

Таблица 1/ Table 1

Ключевые показатели российского венчурного рынка в 2011—2016 гг.
[Key indicators of the Russian venture market in 2011—2016]

Показатель	Годы					
	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Совокупный объем сделок в венчурной экосистеме России, млн долл.	1071	1980	2890	1690	2190	410
Совокупный капитал венчурных фондов, работающих на рынке России, млн долл.	3449	4537	4968	4682	4125	3795
Число действующих на российском рынке фондов венчурных инвестиций	97	160	201	216	226	178
Объем венчурных сделок на рынке России за год, млн долл.	746	912	653	481	233	165
Число венчурных сделок на рынке России за год	137	188	222	149	180	184
Число выходов с участием PE- и VC-фондов	22	20	41	50	50	22
Известный объем выходов с участием PE- и VC-фондов, млн долл.	289	4800	3763	1927	601	52
Средний объем инвестиционной сделки на российском венчурном рынке, млн долл.	5,4	5,6	3,1	3,3	1,5	1,1

Источник: составлено автором по данным отчетов РВК «Обзор рынков прямых и венчурных инвестиций» 2011—2017 гг. URL: <http://www.allventure.ru>

Так, до 80 % инвестиций сконцентрированы в одном секторе — это сектор ИТ, тогда как объем инвестиций (венчурных сделок) в секторах промышленных и биотехнологических составил менее 8 и 10 % соответственно (по данным за 2016 г.), так как это «тяжелые» инновации — требуется значительное время для создания приемлемого для рынка продукта и его коммерциализации, а интеллектуальная собственность не всегда может быть защищена. При этом, как и 10 лет назад, 80 % прямых и венчурных инвестиций приходится на стадию расширения компаний-реципиентов, тогда как на посевную и начальную стадию — около 2 %, на раннюю — до 6 % (Обзор рынка..., 2007—2017).

Успешные ИТ-проекты материализуются прежде всего за рубежом. То есть в конце 1990-х гг. у инвесторов ПИИ заканчиваются возможности высокодоходного инвестирования в уже работающие компании, и ТНК подключаются к освоению разработок российских ИТ-компаний. Также большинство управляющих компаний ВФ предпочитают не распространять какую-либо информацию о результативности своих действий, а наиболее успешные фонды, например Runa Capital, выносят свои штаб-квартиры на Запад, поближе к основным потребителям.

Таким образом, переход от чисто иностранных к почти российским ВФ (почти — потому что не всегда можно распознать, какова доля ПИИ в частных венчурных фондах и сколько проектов «ушло» за рубеж без материализации в России) не изменил ситуацию: в настоящее время важнейший сектор производства инноваций фактически не влияет на развитие инновационной экономики, сосредоточившись на коротких ИТ-проектах, хотя именно в ВФ и финансируемых ими компаниях сосредоточена весьма значительная часть человеческого капитала страны. К тому же заимствование продолжается — многие частные ВФ процветают, зарабатывая на копиях западных ИТ-продуктов (Обзор рынка..., 2016).

Тот же эффект (точнее — его отсутствие) и те же проблемы проявляются в деятельности отечественных технопарков (ТП). По данным Ассоциации кластеров и технопарков, результаты деятельности за год 125 ТП, в составе которых 4317 компаний-резидентов, характеризуются следующими показателями: выручка 203,5 млрд руб.; количество рабочих мест, созданных резидентами, 73 546 чел.; налоговые отчисления 56,4 млрд (Третий ежегодный обзор..., 2017).

В свете этих показателей высокая эффективность технопарков как бизнес-единиц несомненна, однако она в основном достигается за счет трансформации института, назначение которого — разработка инноваций от идеи до ее реализации в промышленности, в коммерческую организацию, предоставляющую статус резидента и соответствующие льготы традиционным, совсем не инновационным предприятиям. Однако детальный анализ по ЕГРЮЛ (Единый государственный реестр юридических лиц) видов деятельности лучших ТП показал, что инновациями как основной деятельностью заняты от 16 до 21 % резидентов, остальные резиденты «обеспечивают совокупный устойчивый рост выручки и новых рабочих мест» так называемыми дополнительными видами деятельности по ЕГРЮЛ, пользуясь всеми преференциями, установленными для резидентов технопарков (табл. 2).

Таблица 2/Table 2

**Основные направления деятельности резидентов технопарков
«Слава», «Мордовия», «Академпарк» (%)**
[Types of activity of residents of the technoparks “Slava”, “Mordovia”, “Academpark” (%)]

Вид деятельности	Технопарки		
	Слава (Москва)	Мордовия (Саранск)	Академпарк (Новосибирск)
Научные исследования и разработки в области естественных и технических наук	11,2	18,1	21,9
Производство: от машин, оборудования, лекарств до бетонных и деревянных строительных изделий	39,6	34,3	38,1
Оптовая и розничная торговля: от машин, фармацевтики до журналов, продуктов и напитков	38,6	17,1	32,0
Услуги: от техобслуживания оборудования и автомобилей до деятельности агентов по продажам и рекламе	10,6	30,5	8,0

Источник: составлено автором по данным официальных сайтов. URL: <http://www.technopark-slava.ru> (2017); <http://www.technopark-mordovia.ru> (2017); <https://academpark.com> (2017).

Таким образом, сегодня сотни технопарков и большинство других инновационных институтов страны рапортуют о выручке своих резидентов, об окупаемости вложенных в создание инфраструктуры средств, о выплачиваемых предприятиями-резидентами налогах — обо всем, кроме достижений в своей инновационной деятельности — количестве конкурентоспособных технологий, пригодных для внедрения в средне- и высокотехнологичных отечественных компаниях.

Очевидно, что затраты государства на создание инфраструктуры технопарков с целью построения инновационной экономики в определенной мере ушли не по назначению — в технопарках, по образному выражению ректора ВШЭ Я. Кузьмина, «не расчищается рынок от “непохороненных” мертвых технологий» (Выступление ректора ВШЭ..., 2016).

Выводы и предложения

Отсутствие заметного роста доли инновационно активных предприятий в экономике с 2000 г. по настоящее время (с 2000 г. по 2017 г. показатель оставался на уровне до 10 %) является неоспоримым доказательством неэффективности использования инвестиций, особенно ПИИ, в инновационные институты России. Более того, при бесконтрольном внедрении ПИИ оказали негативное влияние на формирование инновационной экономики, выключив из инновационного процесса наиболее активные в 1990-е гг. российские предприятия и значительную часть человеческого капитала страны.

Очевидно, что без системы объективных оценок результативности основных институтов НИС навести порядок в экономике (по Стиглицу) чрезвычайно сложно. Без таких критериев трудно оценить ход реализации «Стратегии 2020» и возможность реализации инновационного сценария в «Прогнозе инновационного развития российской экономики до 2025—2030 гг.». Сложно и собрать НИС в целостную систему из отдельных, по выражению Д. Медведева, «блоков». Темпы подготовки системы критериев выполнения задач, поставленных Президентом в 2008 г. и во многом озвученных в Послании к Совету Федерации 01.03.2018 г. (Послание Президента..., 2018), явно недостаточны. Так, согласно «Плану реализации стратегии научно-технического развития России на 2017—2019 гг.» только к 31.12.2019 г. «...будут внесены изменения» в документы стратегического планирования, в т.ч. «касающиеся показателей эффективности, отражающих результативность исследований и разработок» (План реализации Стратегии..., 2017).

Наши предложения по формированию системы критериев результативности деятельности российских инновационных институтов с точки зрения их влияния на экономику страны и эффективности использования прямых инвестиций, в том числе иностранных, для перехода к инновационной экономике основаны на внедрении критериев качества инвестиций — куда («точка приложения») и что (уровень технологии, оборудования и пр.) предлагают инвесторы. Возможным эффективным инструментом управления являются преференции, предоставляемые государством инновационным институтам всех видов. Основанием для поощрения институтов, успешно выполняющих свое предназначение, и принуждения невыполняющих сегодня являются экономические показатели (выручка, прибыль, налоги), которые, конечно, важны, но их уровень несоизмерим с результатами внедрения инноваций в предприятия реальной экономики.

На наш взгляд, это единственное управляющее воздействие, которое может изменить негативную ситуацию, сложившуюся в НИС России. Прежде всего, потому, что все участники инновационного цикла разработки инновационной технологии будут вынуждены объединяться в «творческую команду», мотивированную на внедрение своих разработок. По существу, это в определенной степени практика экономики СССР, когда все без исключения средние и крупные предприятия имели план новой техники (как обязательный раздел техпромфинплана) и персонально ответственных за его выполнение, карьера и наличие материальных благ которых зависели от конечного результата — внедрения инно-

вазии. Возможно, поэтому тогда значительно большая доля предприятий были инновационно активными.

Представляется, что предлагаемый нами подход позволит повысить эффективность использования прямых инвестиций (как ПИИ, так и внутренних) при управлении инновационными институтами путем дифференциации предоставляемых инвесторам льгот по «точке приложения» и степени соответствия мировому уровню заимствованных за рубежом технологий.

Для реализации нашего подхода не требуются годы, если государство сможет осуществить действенный контроль и управление результативностью своих инновационных институтов. Пока же принятые сегодня критерии оценки результативности НИС способствуют дрейфу российской модели догоняющего развития к тупиковой модели имитационного развития.

© Диесперова Н.А., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Список литературы

- Обзор рынка прямых и венчурных инвестиций в России: аналитические сборники РАВИ, 1994—2017. URL: www.allventure.ru (дата обращения: 15.03.2018).
- Встреча В. Путина с иностранными инвесторами в рамках ПМЭФ-2016. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/06/2016/5762e8f39a794799eee27df4> (дата обращения: 18.03.2018).
- Выступление В. Путина на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года». 08.02.2008 г. URL: <https://regnum.ru/news/954426.html> (дата обращения: 20 апреля 2018).
- Выступление ректора ВШЭ Я. Кузьминова на Красноярском экономическом форуме. 09.03.2016. URL: <https://www.hse.ru/expertise/news/177443825.html> (дата обращения: 10 апреля 2018).
- Гайдар Е. Т.* Экономический рост и человеческий фактор // Вестник Европы. 2003. № 9. С. 69—89.
- Голиченко О. Г.* Национальная инновационная система: от концепции к методологии // Вопросы экономики. 2014. № 7. С. 144—160.
- Доклад Столыпинского клуба «Экономика роста», 2015. URL: http://expert.ru/data/public/499741/499785/dir-polnaya-versiya-19_10_15.pdf (дата обращения: 12.04.2018).
- Иванова Н.* Инновационная политика: теория и практика // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 1. С. 5—16.
- Моисеева Н. К., Гончарова Т. Н.* Изменение моделей инновационного развития компаний // Маркетинг. 2015. № 4 (143). С. 91—98.
- Индикаторы инновационной деятельности: 2007—2018: статистические сборники ВШЭ / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://www.hse.ru/primarydata/ii> (дата обращения: 20 апреля 2018).
- План реализации Стратегии научно-технологического развития России на 2017—2019 годы. URL: <http://bda-expert.com/2017/07/plan-realizacii-strategii-nauchno-tehnologicheskogo-razvitiya-rossii/> (дата обращения: 18.04.2018).
- Послание Президента В. Путина Федеральному Собранию. 1 марта 2018 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 15.04.2018).

- Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года / Минэкономразвития РФ. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06 (дата обращения: 01.04.2018).
- Проект «Инновационная Россия 2020». URL: [https://www.hse.ru/data/2011/10/13/1269204180/Инновационная Россия 2020.pdf](https://www.hse.ru/data/2011/10/13/1269204180/Инновационная_Россия_2020.pdf) (дата обращения: 25.03.2018).
- Распоряжение Правительства от 24.06.2017 № 1325-р. по выполнению плана реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации на 2017—2019 гг. URL: <https://government.consultant.ru/documents/3718641> (дата обращения: 10.04.2018).
- Статистические данные ОЭСР по величине производительности труда в динамике по странам за 2007—2017 гг. URL: <http://stats.oecd.org/index.aspx> (дата обращения: 12.04.2018).
- Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года «Инновационная Россия-2020» / Минэкономразвития России; утверждена распоряжением Правительства РФ 8 декабря 2011 г. № 2227-р. URL: <http://www.innovus.biz/media/uploads/resources/Innovative-Russia-2020.pdf> (дата обращения: 05.03.2018).
- Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 года / утверждена Указом Президента от 1 декабря 2016 г. № 642. URL: <http://biotech2030.ru/wp-content/uploads/2016/06/prezentatsiya-proekta-SNTR-12.05.2016.pdf> (дата обращения: 10.04.2018).
- Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции / Национальный общественно-научный фонд. 2003. URL: https://royallib.com/book/stiglits_dgozef/globalizatsiya_trevognie_tendentsii.html (дата обращения: 08.03.2018).
- Третий ежегодный обзор «Технопарки России». 2017 / Ассоциация кластеров и технопарков. URL: <http://akitrf.ru/upload/ot211217.pdf> (дата обращения: 12.04.2018).
- Фонотов А.Г. Россия: инновации и развитие. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010.
- Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 05 мая 2018

Дата проверки: 02 августа 2018

Дата принятия к печати: 06 сентября 2018

Для цитирования:

Диесперова Н.А. Роль прямых инвестиций в развитии инновационной экономики России (1991—2017 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2018. Т. 26. № 3. С. 402—415. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-402-415

Сведения об авторах:

Диесперова Наталья Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры прикладной экономики Института космических технологий (ИКТ) РУДН. Контактная информация: e-mail: diesperova_natal@mail.ru

The role of direct investment in the development of Russia's innovative economy (1991—2017)

N.A. Diesperova

Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Abstract. The article examines the impact of direct investments, including FDI, on the development of Russia's innovative economy. The unfavorable situation in the Russian national innovation system is shown: the basic indicators of innovation in 2017 remain at the level of 2000. The negative influence of FDI on the Russian industry, which is due to the passive position of the state in managing the investment flow, has been revealed. The article proposes an approach to the building of a management system of the institutes of the national innovation systems (NIS) based on the principle of ensuring mutually beneficial conditions for all participants of the innovation process. On the example of experience of activity of venture funds and technoparks, the need for state control of the effectiveness of innovative institutions, based on their contribution to the growth of the number of innovative active enterprises in the real sectors of the Russian economy as the main criterion for investment management is justified.

Keywords: innovations, foreign direct investments, venture funds, technoparks, innovative active enterprises

References

- Obzor rynka pryamykh i venchurnykh investitsij v Rossii: analiticheskie sborniki RAVI. 1994—2017. Retrieved from: <https://www.allventure.ru> (accessed: 15.03.2018). (In Russ.)
- Doklad Stoly'pinskogo kluba «Ekonomika rosta» (2015). Retrieved from: http://expert.ru/data/public/499741/499785/dir-polnaya-versiya-19_10_15.pdf (accessed: 18.03.2018). (In Russ.)
- Fonotof A.G. (2010). *Rossiya: innovatsii i razvitie*. Moscow: Binom. Laboratoriya znaniy Publ. (In Russ.)
- Gajdar E.T. (2003). Ekonomicheskij rost i chelovecheskij factor. *Vestnik Evropy*, (9), 69—89. (In Russ.)
- Golichenko O.G. (2014). Nacionalnaya innovacionnaya sistema: ot koncepcii k metodologii. *Voprosy ekonomiki*, (7), 144—160. (In Russ.)
- Natsionalny issledovatel'skiy universitet «Vysshaya schkola ekonomiki». (2016). *Indikatory innovatsionnoy deyatel'nosti. Statistical Reference Book*. Moscow. 472 p. Retrieved from: <http://www.hse.ru/primarydata/ii2016> (accessed: 20.04.2018). (In Russ.)
- Ivanova N. (2016). Innovatsionnaya politika: teoriya i praktika. *World Economy and International Relations*, 60(1), 5—16. (In Russ.)
- Moiseeva N.K., Goncharova T.N. (2015). Izmenenie modelej innovacionnogo razvitiya kompanij. *Marketing*, (4), 91—98. (In Russ.)
- Plan realizacii Strategii nauchno-texnologicheskogo razvitiya Rossii na 2017—2019 gody (2018). Retrieved from: <http://bda-expert.com/2017/07/plan-realizacii-strategii-nauchno-texnologicheskogo-razvitiya-rossii/> (accessed: 18.04.2018). (In Russ.)
- Poslanie Prezidenta V. Putina Federalnomu Sobraniyu. (1 marta 2018). Retrieved from: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (accessed: 15.03.2018). (In Russ.)
- Proekt «Innovacionnaya Rossiya 2020». Retrieved from: https://www.hse.ru/data/2011/10/13/1269204180/Innovacionnaya_Rossiya_2020.pdf (accessed: 25.03.2018). (In Russ.)

- Mine'konomrazvitiya RF. (2018). *Prognoz dolgosrochnogo socialno-ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda*. Retrieved from: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06 (accessed: 01.04.2018). (In Russ.)
- Rasporyazhenie Pravitelstva ot 24.06.2017 № 1325-r po vypolneniyu plana realizacii Strategii nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na 2017—2019 gg. Retrieved from: <https://government.consultant.ru/documents/3718641> (accessed: 10.04.2018). (In Russ.)
- Shumpeter J.A. (1982). *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya*. Moscow: Progress Publ. (In Russ.)
- Strategiya nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii do 2035 goda. (2016). Retrieved from: <http://biotech2030.ru/wp-content/uploads/2016/06/prezentatsiya-proekta-SNTR-12.05.2016.pdf> (accessed: 10.04.2018). (In Russ.)
- Statistical data of OESR on labor productivity by countries in dynamics. (2007—2017). Retrieved from: <http://stats.oecd.org/index.aspx> (accessed: 12.04.2018). (In Russ.)
- Stiglicz Dzh. (2003). *Globalizaciya: trevozhnye tendencii*. Nacionalnyj obshhestvenno-nauchnyj fond. Retrieved from: https://royallib.com/book/stiglits_dgozef/globalizatsiya_trevognie_tendentsii.html (accessed: 08.03.2018). (In Russ.)
- Ministry of Economic Development of Russia Federation. (2010). The Strategy of Innovative Development of the Russian Federation until 2020 “Innovative Russia 2020”. Retrieved from: <http://www.innovus.biz/media/uploads/resources/Innovative-Russia-2020.pdf> (accessed: 05.03.2018). (In Russ.)
- Associaciya klasterov i texnoparkov. (2017). Tretij ezhegodnyj obzor “Texnoparki Rossii”. Retrieved from: <http://akitrf.ru/upload/ot211217.pdf> (accessed: 12.04.2018). (In Russ.)
- Vstrecha V. Putina s inostrannymi investorami v ramkax PMEF-2016. Retrieved from: <https://www.rbc.ru/economics/16/06/2016/5762e8f39a794799eee27df4> (accessed: 18.03.2018). (In Russ.)
- Vystuplenie V. Putina na rasshirennom zasedanii Gosudarstvennogo soveta “O strategii razvitiya Rossii do 2020 goda”. (2008). Retrieved from: <https://regnum.ru/news/954426.html> (accessed: 20.04.2018). (In Russ.)
- Vystuplenie rektora VShE Ya. Kuzminova na Krasnoyarskom ekonomicheskom forume. (2016). Retrieved from: <https://www.hse.ru/expertise/news/177443825.html> (accessed: 10.04.2018). (In Russ.)

Article history:

Received: 05 May 2018

Revised: 02 August 2018

Accepted: 06 September 2018

For citation:

Diesperova N.A. (2018). The role of direct investment in the development of Russia's innovative economy (1991—2017). *RUDN Journal of Economics*, 26(3), 402—415. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-402-415

Bio Note:

Diesperova N.A., Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor of the Department of Applied Economics of the Institute of Space Technologies at Peoples' Friendship University of Russia. *Contact information:* e-mail: diesperova_natal@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-416-428

УДК 338.012

Россия в мировой углеводородной экономике

С.Н. Лавров¹, Б.Г. Дякин²¹ НИУ «Высшая школа экономики»*Российская Федерация, 119017, Москва, Малая Ордынка, 17*² Институт макроэкономических исследований Минэкономразвития России*Российская Федерация, 123007, Москва, 1-й Хорошевский пр., За*

«Россия — мировая газовая колонка или мировая керосинка». Эти слоганы широко используется в антироссийской риторике, особенно теми оппонентами, которые, придавая им уничижительный характер, пытаются показать инновационную отсталость нашей «ресурсной» экономики по сравнению с технологически продвинутыми экономиками развитых стран Запада. Использование мощной российской сырьевой базы в развитии экспортного потенциала страны, по мнению этой группы экспертов, ставит Россию чуть ли не в один ряд с отсталыми развивающимися странами Африки. Так ли это на самом деле и стоит ли нам «посыпать голову пеплом», находясь в тройке мировых лидеров по освоению, добыче и экспорту углеводородных ресурсов? Детальному рассмотрению данных вопросов и посвящена предлагаемая вниманию читателей статья.

Ключевые слова: мировая углеводородная экономика, ТЭК России, российские компании нефтегазового сектора, соглашение ОПЕК+, конкурентные преимущества

Введение

В современной мировой экономике роль основных энергоносителей — нефти и газа — огромна и она повышается по мере выхода стран из кризиса и рецессии. Так, в 2016 г. мировой объем произведенных нефти, газа, нефтепродуктов и сжиженного природного газа (СПГ)¹ составил 11 947,6 млн т в нефтяном эквиваленте, в том числе нефти — 4 418,2 млн т и газа — 3 442,9 млн т в н. э., т.е. суммарно 65,8 % от общего количества углеводородов². Около 37 % этих энергетических ресурсов было потреблено в странах, которые, не обладая собственными природными ресурсами, получили их по импорту. Главным фактором роста добычи и переработки энергоносителей и основным условием их перемещения между производящими и потребляющими странами является международный нефтегазовый бизнес.

¹ Мировое производство СПГ в 2016 г. составило 346,6 млрд м³.

² BP. Statistical Review of World Energy. 2017. URL: https://www.bp.com/content/dam/bp-country/de_ch/PDF/bp-statistical-review-of-world-energy-2017-full-report.pdf

Методы

В процессе написания статьи авторами использовались методы систематизации, статистической и логической аналогии, анализа, сравнения, синтеза и экспертных оценок.

Обзор литературы

Проблемы развития российского нефтегазового бизнеса, а также мировой углеводородной экономики представлены в исследованиях отечественных экономистов И.В. Андроновой (Андропова, 2016, 2017), А.А. Конопляник (Конопляник, 2013, 2012), Е.С. Колбиковой (Колбикова 2016, 2017), Н.С. Карповой (Карпова, 2014), А.Г. Симонова (Симонов, 2014), В.В. Перской (Перская, 2015), М.А. Эскиндарова (Эскиндаров, 2015) и др.

Место и роль России в мировой углеводородной экономике. Отечественные компании — активные участники соглашения ОПЕК+

Рассмотрим ключевые аспекты позиции России в мировой углеводородной экономике и определим ее положение в клубе великих энергетических держав современного мира. Этот подход важен, поскольку реализация геоэкономических интересов страны обуславливает особенности позиционирования отечественных компаний в международном нефтегазовом бизнесе (Перская, Эскиндаров, 2015; Лукьянец, Нгуен Кань Тоан, 2016).

Профилирование российских участников в нефтегазовом бизнесе зависит от наличия месторождений, их размещения, количества и качества энергетического сырья и топлива в стране, а также транспортного обеспечения доставки углеводородов с действующих месторождений. Россия обладает огромными запасами углеводородов, а нефтегазовые месторождения размещены по территории страны достаточно равномерно. На шельфах южных морей, Балтийского моря, северных и восточных морей, в Северных районах, в Волжско-Уральском регионе, в Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке и на о. Сахалине¹ разрабатываются действующие и готовятся к освоению перспективные месторождения.

Западные и восточные газопроводы страны в перспективе будут соединены, а нефтепроводы уже объединены в 2016 г., и такое кольцевание позволит перемещать нефть и газ из западной части страны в восточную и обратно. Таким образом, достигается диверсификация маршрутов и регулирование объемов поставки национальным и зарубежным потребителям (Симонов, 2014). При необходимости эти трубопроводные системы можно использовать в качестве действенного инструмента перераспределения суммарного экспортного углеводородного потенциала страны.

Позиции России в мировой нефтяной и газовой индустрии легко проиллюстрировать на фоне сравнительных характеристик с другими странами — веду-

¹ «Газпром нефть» открыла крупное месторождение нефти на Сахалине в результате поисково-оценочного бурения на шельфе Охотского моря. Его геологические запасы определены в 255 млн т, а извлекаемые запасы в 70—80 млн т. ПАО «Газпром нефть», октябрь 2017 г.

щими производителями углеводородов — Республикой Иран, Саудовской Аравией и США по состоянию на конец 2016 г.

По количеству разведанных запасов нефти России (с долей в 6,4 % в мировых разведанных запасах) принадлежит третье место (Конопляник 2013, 2012; Карпова, 2014). По всем другим параметрам — производству, экспорту и потреблению — она занимает второе место в мире.

Введем балльную систему оценки со следующими характеристиками: 1 место по любому из параметров оценим в 4 балла, 2 — в 3 балла, 3 — в 2 балла и 4 — в 1 балл. Тогда суммарный показатель по всем параметрам будет отражать позицию страны в мировом нефтегазовом секторе. Сумма баллов России по всем показателям составляет 11 (II место), Ирана — 6 (IV), Саудовской Аравии — 14 (I) и США — 8 (III). В совокупности 4 страны в 2016 г. добыли 43,3 % мирового производства нефти, а потребили 27,7 %, в том числе США — 19,4 %.

Таблица 1/Table 1

Запасы, производство, экспорт, импорт и потребление сырой нефти в России, Иране, Саудовской Аравии, США и в мире в 2016 г., млн т
[Crude oil reserves, production, export, import and consumption in Russia, Iran, Saudi Arabia, the USA and the world in 2016, million tons]

Страны/Мир	Запасы*	Производство	Экспорт	Импорт	Потребление
Россия	15,0	554,3	274,0	—	280,3
Иран	21,8	216,4	103,6	—	83,8
Саудовская Аравия	36,6	595,7	375,3	—	167,9
США	5,8	543,0	24,4	370,7	889,3
Мир	240,7	4 382,0	2 117,8	2 117,8	4 418,2

* млрд т. Например, разведанных запасов России при объеме добычи 2016 г. хватит на 26,6 лет, США — на 10,6 лет.

Источник: рассчитано авторами по: BP. Statistical Review of World Energy. 2017. Pp. 12, 16—17; OPEC. Annual Statistical Bulletin. 2017. Pp. 60, 69.

Ситуация, сложившаяся в мировой экономике на рынках газа, получила отражение в информации, размещенной в табл. 2.

Таблица 2/Table 2

Запасы, производство, экспорт, импорт и потребление природного газа в России, Иране, Саудовской Аравии, США и в мире в 2016 г., млн т н. э.
[Reserves, production, export, import and consumption of natural gas in Russia, Iran, Saudi Arabia, the USA and the world in 2016, million tons in ad]

Страны/Мир	Запасы*	Производство	Экспорт	Импорт	Потребление
Россия	29,1	521,5	191,7	22,1	379,9
Иран	30,2	182,2	7,7	—	174,5
Саудовская Аравия	7,6	98,4	—	—	98,4
США	7,8	690,8	54,3	74,3	710,8
Мир	167,9	3 212,9	967,9**	967,9	3 204,1

* млрд т н. э. Например, разведанных запасов России при объеме добычи 2016 г. хватит на 55,7 лет, США — на 11,6 лет.

** С учетом экспорта (импорта) СПГ, которые в 2016 г. составили по 309,5 млн т н. э.

Источник: рассчитано авторами по: BP. Statistical Review of World Energy. 2017. Pp. 26, 30—31, 34.

В мировой газовой индустрии позиция Россия (с долей в мировых запасах в 17,3 %) согласно предложенной выше балльной системе оценивается в 13 баллов (I место), Ирана — 8 (III), Саудовской Аравии — 3 (IV) и США — 12 (II). Суммарно 4 страны добыли 46,2 % мирового объема газа, а потребили — 41,8 % мирового потребления, в т.ч. США — 22,0 %. Заслуживает внимания и тот факт, что чистый экспорт (экспорт минус импорт) Газпрома был равен в 2016 г. 22,3 % мирового экспорта природного газа.

Ситуацию на рынке нефтепродуктов иллюстрируют данные, приведенные в табл. 3.

Таблица 3/Table 3

Производство, экспорт, импорт и потребление нефтепродуктов в России, Иране, Саудовской Аравии, США и в мире в 2016 г., млн т
[Production, export, import and consumption of petroleum products in Russia, Iran, Saudi Arabia, the USA and the world in 2016, million tons]

Страны/Мир	Производство	Экспорт	Импорт	Потребление
Россия	316,9	126,8	—	190,1
Иран	92,9	44,9	—	48,0
Саудовская Аравия	141,3	75,1	—	66,2
США	1 000,1	223,4	393,9	832,6
Мир	4 005,7	1 105,2	1 105,2	4 127,9

Источник: рассчитано авторами по: BP. *Statistical Review of World Energy*. 2017. Pp. 15, 19; OPEC. *Annual Statistical Bulletin*. 2017. Pp. 45, 63, 69.

Согласно принятой нами балльной системе, суммарный показатель России составляет 9 баллов (II место), Ирана — 3 (IV), Саудовской Аравии — 6 (III) и США — 12 (I). В общей сложности 4 страны в 2016 г. произвели 38,7 % мирового объема нефтепродуктов, а потребили — 27,6 % их мирового потребления, в т.ч. США — 20,2 %.

Определим место каждой страны в соответствии с предложенной нами методикой и информацией, приведенной в сводной табл. 4.

Таблица 4 /Table 4

Суммарный объем экспорта нефти, газа, нефтепродуктов и СПГ по рассматриваемым странам в 2016 г., млн т н. э.
[Total exports of oil, gas, oil products and LNG to the countries under consideration in 2016, million tons in ad]

Виды углеводородов	Россия	Иран	Саудовская Аравия	США
Сырая нефть	274,0	103,6	375,3	346,3*
Природный газ	171,7	7,7	—	20,0*
Нефтепродукты	126,8	44,9	75,1	170,5*
СПГ	12,6	—	—	2,3
Суммарный экспорт	585,1	156,2	450,4	534,5**
% к объему экспорта из России	100	26,7	77,0	—

* Чистый импорт.

** Суммарный чистый импорт.

Источник: рассчитано авторами по: BP. *Statistical Review of World Energy*. 2017. Pp. 25, 34; OPEC. *Annual Statistical Bulletin*. 2017. Pp. 60, 63, 126.

В данном случае обратим внимание на шестую строку таблицы — суммарный экспорт. Рост объемов этого параметра в течение длительного времени (с 2003 г.) свидетельствует, во-первых, о поступательном развитии международного нефтегазового бизнеса и, во-вторых, об увеличении его позитивного воздействия на национальную экономику как производящих, так и потребляющих углеводороды стран.

Резюмируя итоги, мы видим, что позиция России оценивается в 4 балла (I место), Саудовской Аравии — 3 (II), Ирана — 1 (III) и США в 0 баллов, так как объемом импорта углеводородов этой страны превышает объем экспорта на 22 %. Совокупная доля четырех стран в 2016 г. в экспорте углеводородов составила 35,7 % мирового объема, а в мировом потреблении — 27,5 %, в том числе на долю США пришлось 20,7 % мирового потребления нефти и газа.

В итоге по сумме вышеприведенных показателей Россия набирает 37 баллов и занимает I место среди всех анализируемых стран, обеспечивая себе лидирующие позиции в клубе великих энергетических держав современного мира. Далее следуют: США — 32 балла и II место, Саудовская Аравия — 26 баллов и III место, Иран — 18 баллов и IV место.

Приведем еще один аргумент результирующего характера. Речь идет о душевом производстве всех видов углеводородов в 2016 г. В России этот показатель составил 9,49 т, в Саудовской Аравии — 28,52, в США — 6,87, в Иране — 6,24. В мире в среднем он был равен 1,6 т (Андропова, Колбикова, 2016).

Стоит подчеркнуть важную особенность экспортной деятельности России в области углеводородов. Российские поставки энергоносителей более чем в 20 стран Европы и Азии способствуют укреплению их национальной энергетической безопасности и тем содействуют обеспечению как мегарегиональной (евразийской), так и глобальной энергетической безопасности. И в этом смысле интенсификация участия отечественных компаний в международном предпринимательстве в углеводородной сфере не только реализует геоэкономические интересы России, но и усиливает ее геополитическую позицию (Лавров, Алексанян, 2017).

Принимая во внимание изложенное ранее, можно сделать однозначный вывод о том, что Россия имеет хорошие предпосылки и условия для укрепления позиций и оптимизации участия национальных компаний в интеграции в международном нефтегазовом бизнесе.

В конце октября 2016 г. члены ОПЕК и еще 13 государств договорились снизить добычу нефти на 1,8 млн барр./сут., для того чтобы стабилизировать положение на мировом рынке. Участники картеля обязались сократить производство на 1,2 млн барр./сут., а Россия — на 300 000 барр./сут. К маю 2017 г. договоренность была выполнена, 25 мая участвующие стороны продлили сделку ОПЕК+ до марта 2018 г. (Aleksanyan, Lavrov, 2016).

Несомненный интерес представляет анализ динамики цен на основные марки нефти, сложившейся на мировом рынке после принятия основополагающих решений по сокращению добычи нефти участниками картеля. Детальное рассмотрение упомянутой ситуации выходит за рамки данной статьи и требует самостоятельного исследования. В этой связи мы лишь ограничимся констатацией

фактов, свидетельствующих о стабилизации цен на нефть и ее фиксации на достаточно высоком историческом уровне уже к середине 2017 г.

Таблица 5/Table 5

Сравнительная динамика спотовых цен марок нефти, добываемых в России, Великобритании, Иране, Саудовской Аравии и США в июле — декабре 2016 г. и в январе — июне 2017 г., долл./барр.

[Comparative dynamics of spot prices of oil grades produced in Russia, the United Kingdom, Iran, Saudi Arabia and the United States in July — December 2016 and in January — June 2017, dollar/barrel]

Марки нефти	Среднемесячная цена в июле — декабре 2016 г.	Среднемесячная цена в январе — июне 2017 г.	Дифференциал (дисконт)		
			Brent к другим маркам	Июль — декабрь 2016 г.	Январь — июнь 2017 г.
Urals	46,11	50,86	Brent/Urals	1,60	0,94
Brent	47,71	51,80	—	—	—
Iran Heavy, IH	44,42	49,85	Brent/IH	3,29	1,95
Arab Light, AL	45,08	50,37	Brent/AL	2,63	1,43
WTI	47,11	50,04	Brent/WTI	0,60	1,82

Источник: составлено авторами по: Argus Media, Direct Communication, OPEC Secretariat and Platts, июль 2016 г. — январь 2017 г., февраль — август 2017 г.

В таблице приведены ценовые характеристики Dated Brent, поскольку эта британская североморская нефть является маркерным сортом на Лондонской бирже ICE Futures и основой для ценообразования около 40 % всех мировых сортов нефти.

Рынок нефти сбалансировался в прошедшем 2017 г., цены стабилизировались в районе 58—60 долл. за баррель, сократилась волатильность и существенно снизились мировые запасы нефти. Если в январе 2017 г. избыток сырья сверх среднего уровня запасов превышал 360 млн барр., то в начале октября 2018 г. он сократился до 168 млн барр.¹

Наращивание отечественными отраслевыми компаниями конкурентных преимуществ. Привлекательность российских нефтегазовых мегапроектов

Конкурентные преимущества отечественных компаний нефтегазового сектора в сопоставлении с другими крупнейшими мировыми нефтегазовыми мейджорами особенно зримо проявляются на примере НК «Роснефть».

Сегодня все прорывные технологии, применяемые компаниями — новаторами в мировой нефтегазовой промышленности, освоены и успешно используются и российскими компаниями. Применение 2D- и 3D-методов в сейсморазведке² при бурении поисково-оценочных и разведочных скважин существенно уве-

¹ OPEC. Annual Statistical Bulletin. 2017. URL: http://www.opec.org/opec_web/flipbook/ASB2017/ASB2017/assets/common/downloads/ASB2017_13062017.pdf

² Роснефть в 2016 г. выполнила сейсморазведку методом 2D на 33,1 тыс. пог. км и провела сейсморазведочные работы методом 3D на Арктическом шельфе (4000 км²) и на шельфе Дальнего Востока (56 км²). ПАО «Роснефть». Годовой отчет 2016. URL: https://www.rosneft.ru/Investors/statements_and_presentations/annual_reports/

личивает степень достоверности оценки запасов углеводородов. Многократное увеличение разведочных и добывающих площадей обусловило широкое использование преимуществ горизонтально направленного бурения¹ в сравнении с вертикальным. Применение возможностей гидроразрыва пласта (ГРМ) и особенно многостадийного ГРМ (МГРМ)² повысило извлекаемые объемы нефти и газа на конкретных месторождениях.

Для анализа конкурентных позиций ПАО «Роснефть» в сравнении с другими международными мейджорами использована система показателей, охватывающих все стороны производственно-хозяйственной и финансовой деятельности публичных вертикально-интегрированных нефтяных компаний по итогам 2016 г. Приведем эти сопоставления.

1. Объем органического прироста запасов углеводородов (по классификации Комиссии по ценным бумагам и биржам США (SEC)), млрд барр. н. э.: Роснефть — 2,6, BP (Нидерланды — Великобритания) — 1,3, ENI (Италия) — 1,2, Chevron (США) — 1,0, ExxonMobil (США) — 0,8, Statoil (Норвегия) — 0,6, PetroChina (Китай) — 0,4, Shell (Великобритания) — 0,4, Petrobras (Бразилия) — 0,2.

В Роснефти органический коэффициент был равен 140 %. Запасы углеводородов Роснефти по международной классификации Системы управления углеводородными ресурсами (PRMS) составили на конец 2016 г. 116,8 млрд барр. н. э. Суммарные запасы нефти и конденсата компании в РФ составили 12,2 млрд т, а ресурсы нефти и конденсата на шельфе (с учетом зарубежных проектов) — 23,0 млрд т.

2. Обеспеченность доказанными (по классификации SEC) запасами, лет (имеется в виду число лет предстоящей добычи при условии сохранения ее объема, полученного в 2016 г.): Роснефть — 19,9, BP — 14,5, PetroChina — 14,0, ExxonMobil — 13,1, Chevron — 11,7, ENI — 11,6, Petrobras — 10,5, Shell — 9,6, Statoil — 7,4.

3. Добыча углеводородов, млн барр. н. э. в сутки: Роснефть — 5,37, ExxonMobil — 4,1, Shell — 3,3, Chevron — 2,5, ENI — 1,7. В 2016 г. добыча углеводородов Роснефтью составила 265,2 млн т н. э., в том числе 210 млн т нефти и конденсата и 67,0 млрд куб. м газа.

4. Доля в мировой добыче нефти, %: Роснефть — 6,0³, PetroChina — 3,0, ExxonMobil — 3,0, BP — 2,6, Statoil — 1,3.

5. Доля газа в добыче углеводородов, %: Роснефть — 21, Petrobras — 20, Chevron — 32, PetroChina — 35, BP — 37, ExxonMobil — 42, ENI — 47, Shell — 50.

6. Капитальные затраты в разведку, переработку, коммерцию, логистику и нефтехимию, млрд долл.: Роснефть — 9,5, Statoil — 15,3, BP — 18,5, Shell — 26,0, ExxonMobil — 27,4, Chevron — 28,4.

¹ В 2016 г. ввод новых горизонтальных скважин (ГС) Роснефтью увеличился по сравнению с 2015 г. на 52 %. Сейсморазведка и бурение ГС увеличили запасы углеводородов компании на 970 млн барр. н. э. ПАО «Роснефть». Годовой отчет 2016. URL: https://www.rosneft.ru/Investors/statements_and_presentations/annual_reports/

² В 2016 г. рост количества введенных ГС с МГРМ был равен 56 %. Испытана технология двухколонной ГС с МГРМ.

³ Если этот показатель пересчитать применительно к странам, то первые два места в мире в 2016 г. заняли Саудовская Аравия — 13,4 % и Россия — 12,6 %. Крупнейшая саудовская компания Saudi Aramco не является публичной.

7. **Капитальные затраты на разработку, добычу и переработку, млрд долл.:** Роснефть — 10,5, Statoil — 13,7, Petrobras — 14,8, ExxonMobil — 15,9, Chevron — 17,6, BP — 18,2, Shell — 22,0, PetroChina — 22,6.

8. **Капитальные затраты на разведку и добычу, долл./барр. н. э.:** Роснефть — 5,0, ExxonMobil — 1,0, PetroChina — 13,3, Petrobras — 13,3, Shell — 14,4, Statoil — 19,7, Chevron — 20,0, BP — 22,6.

9. **Удельные затраты на добычу углеводородов долл./барр. н. э.:** Роснефть — 2,5, Statoil — 5,4, BP — 8,5, Petrobras — 10,3, Shell — 10,9, PetroChina — 11,7, ExxonMobil — 11,8, Chevron — 13,2.

10. **Коэффициент задолженности как отношение общего долга к денежным средствам и их эквивалентам:** Роснефть — 34¹, ExxonMobil — 18, Chevron — 21, PetroChina — 23, BP — 26, Shell — 28, Statoil — 34, Petrobras — 56.

11. **Свободный денежный поток, долл./барр.:** Роснефть — 2,3, ExxonMobil — 4,0, Shell — минус 1,1, Statoil — минус 4,7, BP — минус 5,0, Chevron — минус 5,7.

Приведенные данные свидетельствуют, во-первых, о том, что из 11 показателей ПАО «Роснефть» уверенно лидирует по 9 производственным и общеэкономическим показателям. Ресурсная база компании пополнилась в 2016 г. на 131 млн т н. э. В частности, открыто 13 месторождений и 127 новых залежей с суммарными запасами 207 млн т н. э. Возросли объемы экономически рентабельных запасов углеводородов.

Значительный прирост ресурсной базы сопряжен с применением инновационных технологических решений и использованием современного оборудования. В 2016 г. парк буровых станков компании увеличился на 26 % (до 280 штук), что обеспечило ввод скважин на 43 % больше, чем в 2015 г. (до 2650). Дополнительная добыча нефти на новых скважинах составила 26,7 млн т. Действующий фонд нефтяных скважин равен 54 397.

В 2016 г. выросла долларовая монетизация нефти и нефтепродуктов. Экспорт нефти достиг 114,9 млн т, а нефтепродуктов — 63,7 млн т².

Перспективным для компании является и трейдинг нефти на азиатском направлении. Ее поставки в страны Азии увеличились на 8,6 % и составили 43,1 млн т. В результате Россия сравнялась с Саудовской Аравией по объемам поставки нефти в Китай. Разительная перемена, если иметь в виду, что еще в 2013 г. саудовские компании поставляли в КНР нефти в два раза больше, чем российские.

Таким образом, ПАО «Роснефть» демонстрирует реальную способность успешно конкурировать с любым участником мирового рынка нефти. Впечатляют достижения в наращивании конкурентных преимуществ и другими российскими отраслевыми компаниями, особенно ПАО «Газпром», ПАО «Лукойл», ПАО «Газпром нефть», ПАО «Новатэк», ОАО «Зарбежнефтегаз».

¹ Управление внешним долгом в 2016 г. позволило компании сохранить соотношение чистого долга к операционной прибыли (ЕВИТРА) на уровне 15х в долларовом выражении.

² Укреплению позиции «Роснефти» на европейском рынке способствует переработка нефти в Германии. В результате реструктуризации НПЗ с ВРПIs с 1 января 2017 г. возросла доля компании в ряде НПЗ, что привело к росту общего объема переработки на 12,5 млн т в год. BP. Statistical Review of World Energy. 2017. URL: https://www.bp.com/content/dam/bp-country/de_ch/PDF/bp-statistical-review-of-world-energy-2017-full-report.pdf

Отечественные компании усилили применение такого мощного и уникального средства, как привлекательность нефтегазовых мегапроектов, осуществляемых на территории России, для иностранных компаний. Отраслевые российские мегапроекты отличаются одновременно высокой инвестиционной и инновационной привлекательностью для зарубежных партнеров.

Инвестиционную привлекательность подобных проектов можно свести к следующему:

1. Иностранный участник — партнер российской компании покупает долю в проекте и/или долю в компании — владельце месторождения¹. Для всех участников существенно ускоряются разведочные работы, сокращаются сроки запуска в эксплуатацию, сокращается инвестиционная нагрузка и на компанию, и на всех ее партнеров.

2. Привлечение стратегических инвесторов позволяет разделить с партнерами геологические и финансовые риски.

3. Интегрально-эффективный подход к разведке и добыче отвечает интересам стран — потребителей углеводородов, компании которых участвуют в проекте, так как они гарантированно получают объемы поставки нефти и/или газа.

4. За счет стран-инвесторов расширяется рынок сбыта, что укрепляет позиции российских компаний в конкурентной борьбе за потребителя. Зарубежный партнер получает право на часть разведанных запасов, эквивалентную вкладу в проект, и ставит этот актив на собственный баланс, что содействует росту капитализации компании. Кроме того, он получает свою долю в добытых углеводородах.

Инновационная привлекательность для иностранных профильных компаний и для зарубежных производителей новой техники состоит в том, что, во-первых, в России можно апробировать все виды технологических инноваций и современного оборудования в разных геологических и климатических условиях. Российские месторождения могут стать уникальным индустриально-технологическим полигоном для совершенствования софта, установок, аппаратуры, приборов и т.д. Организация комплексных совместных работ на базе научно-промышленных центров (кластеров) сокращает время доводки оборудования до качественного уровня, необходимого эксплуатационникам, и ускоряет, а значит и удешевляет, опытно-промышленную аттестацию с рекомендациями по оптимальному его использованию.

Во-вторых, иностранный участник заинтересован в приобретении оборудования в счет своей части общих инвестиций, соответствующей его доле в проекте. Инновационное переоснащение проекта ускоряет освоение месторождения, повышает конкурентоспособность и проекта, и произведенных углеводородов.

¹ Сошлемся на опыт Роснефти, дочерняя компания которой «Таас Юрях Нефтедобыча» разрабатывает Среднеботуобинское месторождение в Якутии, запасы которого составляют 167 млн т нефти. В 2015 г. 20 % этой компании купила BP, а в 2016 г. — 29,9 % было продано индийскому консорциуму компаний за 1,3 млрд долл. Роснефть сохранила контроль в активе в 50,1 %. В 2016 г. добыча нефти составила 1,1 млн т. BP. *Statistical Review of World Energy*. 2017. URL: https://www.bp.com/content/dam/bp-country/de_ch/PDF/bp-statistical-review-of-world-energy-2017-full-report.pdf

В-третьих, реализация стратегии привлечения в российские мегапроекты лидеров мировой нефтегазовой промышленности, обладающих оригинальными технологическими разработками, представляет интерес и с точки зрения приобретения новейших образцов инновационного оборудования.

В-четвертых, для повышения инновационной активности участия зарубежных мейджоров широко практикуется создание совместных предприятий или партнерств в форме деловых союзов различных видов по производству оборудования на мощностях российских заводов. Этот инструмент необходим для укрепления деловых связей с ведущими мировыми производителями оборудования.

Заключение

Реализация многомиллиардных нефтегазовых мегапроектов на территории России создает для отечественных участников и иностранных партнеров общую синергию, которая может позитивно влиять на межкорпоративный климат, усиливая доверие и понимание прямой зависимости между достижением общих успехов, удовлетворением экономических интересов каждого участника такого бизнес-проекта и укреплением национальной энергетической и экономической безопасности страны, которую они представляют.

Непосредственное соединение инвестиционной и инновационной деятельности в каждом мегапроекте не только предопределяет перспективные тенденции мировой нефтегазовой отрасли, но и материально подготовит поступательную интенсификацию интеграционного процесса.

© Лавров С.Н., Дякин Б.Г., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Список литературы

- Андропова И.В., Колбикова Е.С.* Концепция развития российской газовой отрасли на внешнем и внутреннем рынке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2016. № 4. С. 31—38.
- Карпова Н.С., Лавров С.Н., Симонов А.Г.* Международные газовые проекты России: европейский альянс и стратегические альтернативы. М.: ТЕИС, 2014. 280 с.
- Лавров С.Н., Алексанян А.А.* К вопросу о транснационализации российских компаний нефтегазового сектора // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2017. Т. 12. № 1. С. 209—228.
- Лукьянец А.С., Нгуен Кань Тоан.* Атомная энергетика как фактор экономического развития и экологической стабильности // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2016. № 6. С. 57—66.
- Перская В.В., Эскиндаров М.А.* Конкурентоспособность национального хозяйства в условиях многополярности: Россия, Индия, Китай. М.: Экономика, 2015. 219 с.
- Конопляник А.А.* Перспективы развития газового рынка: экспертное мнение // Нефть, газ, энергополитика. 2012. № 8—9. С. 66—71. URL: http://www.konoplyanik.ru/ru/publications/articles/517_Perspektivy_razvitiya_gazovogo_rynka_ekspertnoe_mnenie.pdf
- Конопляник А.А.* Эволюция рынков нефти и газа: закономерности движения от рынков физической к рынкам бумажной энергии // Седьмые Мелентьевские чтения: сборник научных

трудов / под ред. А.А. Макарова. М.: ИНЭИ РАН, 2013. URL: http://www.konoplyanik.ru/ru/publications/articles/521_Evoluciya_rynkov_nefti_i_gaza_zakonomernosti_dvizheniya_ot_rynkov_fizicheskoy_k_rynkam_bumazhnoj_energii.pdf

BP. Statistical Review of World Energy. 2017. URL: https://www.bp.com/content/dam/bp-country/de_ch/PDF/bp-statistical-review-of-world-energy-2017-full-report.pdf

OPEC. Annual Statistical Bulletin. 2017. URL: http://www.opec.org/opec_web/flipbook/ASB2017/ASB2017/assets/common/downloads/ASB2017_13062017.pdf

ПАО «Роснефть». Годовой отчет 2016. URL: https://www.rosneft.ru/Investors/statements_and_presentations/annual_reports/

Aleksanyan A.A., Lavrov S.N. The Impact of Political and Economic Situation on the International Activity of LUKOIL // Proceeding of the XV International Academic Congress “Fundamental and Applied Studies in the Modern World” (Oxford, United Kingdom, 6—8 September 2016). Oxford University Press, 2016. Pp. 70—76.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 05 июля 2018

Дата проверки: 26 августа 2018

Дата принятия к печати: 28 сентября 2018

Для цитирования:

Лавров С.Н., Дякин Б.Г. Россия в мировой углеводородной экономике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2018. Т. 26. № 3. С. 416—428. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-416-428

Сведения об авторах:

Лавров Сергей Николаевич, доктор экономических наук, профессор, руководитель секции международного бизнеса департамента мировой экономики НИУ «Высшая школа экономики». Контактная информация: e-mail: lavrovsn@mail.ru

Дякин Борис Георгиевич, доктор экономических наук, заведующий сектором международного экономического сотрудничества ФБНУ «Институт макроэкономических исследований» Минэкономразвития России. Контактная информация: e-mail: lavrovsn@mail.ru

Russia in the global hydrocarbon economy

S.N. Lavrov¹, B.G. Dyakin²

¹ National Research University Higher School of Economics
17 Malaya Ordynka, Moscow, 119017, Russian Federation

² Institute of Macroeconomic Research of the Ministry of Economic Development of Russia
3a 1st Khoroshevsky Ave., Moscow, 123007, Russian Federation

Abstract. “Russia is a world gas column or a world kerosene”. These slogans are widely used in anti-Russian rhetoric, especially by those opponents who, giving them a pejorative character, try to show the innovative backwardness of our “resource” economy in comparison with the technologically advanced economies of the developed countries of the West. According to this group of experts, the

use of a powerful Russian raw material base in the development of the country's export potential puts Russia almost on a par with the backward developing countries of Africa. Is that really the case and whether we should “sprinkle our head with ashes” being in the top three of the world leaders in the development, production and export of hydrocarbon resources? The article offered to readers is devoted to detailed consideration of these issues.

Keywords: global hydrocarbon economy, fuel and energy complex of Russia, the Russian company's oil and gas sector, the agreement OPEC+, and a competitive advantage

References

- Andronova I.V., Kolbikova E.S. (2016). Konceptiya razvitiya rossijskoj gazovoj otrasli na vneshnem i vnutrennem rynke. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Ekonomika*, (4), 31—38. (In Russ.)
- Karpova N.S., Lavrov S.N., Simonov A.G. (2014). *Mezhdunarodnye gazovye proekty Rossii: evropejskij al'yans i strategicheskie al'ternativy*. Moscow: TEIS Publ., 280. (In Russ.)
- Lukyanets A.S., Nguen Kan' Toan. (2016). Atomnaya ehnergetika kak faktor ehkonomicheskogo razvitiya i ehkologicheskoy stabil'nosti. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1. Ekonomika i pravo*, (6), 57—66.
- Lavrov S.N., Aleksanyan A.A. (2017). K voprosu o transnacionalizacii rossijskih kompanij neftegazovogo sektora. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaya ehkonomika*, 12(1), 209—228. (In Russ.)
- Perskaya V.V., Ehskindarov M.A. (2015). Konkurentosposobnost' nacional'nogo hozyaistva v usloviyah mnogopolyarnosti: Rossiya, Indiya, Kitaï. Moscow: Ekonomika Publ., 219. (In Russ.)
- Konoplyanik A.A. (2012). Perspektivy razvitiya gazovogo rynka: ehkspertnoe mnenie. *Neft', gaz, ehnergopolitika*, (8—9), 66—71. Available at: http://www.konoplyanik.ru/ru/publications/articles/517_Perspektivy_razvitiya_gazovogo_rynka_ekspertnoe_mnenie.pdf
- Konoplyanik A.A. (2013). Ehvoljuciya rynkov nefti i gaza: zakonomernosti dvizheniya ot rynkov fizicheskoi k ryнкam bumazhnoj ehnergii. In: Makarov A.A. (ed.). *Sed'mye Melent'evskie chteniya: sbornik nauchnyh trudov*. Moscow: INEHI RAN Publ. Available at: http://www.konoplyanik.ru/ru/publications/articles/521_Evoljuciya_rynkov_nefti_i_gaza_zakonomernosti_dvizheniya_ot_rynkov_fizicheskoi_k_ryнкam_bumazhnoj_energii.pdf
- BP. (2017). *Statistical Review of World Energy*. Available at: https://www.bp.com/content/dam/bp-country/de_ch/PDF/bp-statistical-review-of-world-energy-2017-full-report.pdf
- OPEC. (2017). *Annual Statistical Bulletin*. Available at: http://www.opec.org/opec_web/flipbook/ASB2017/ASB2017/assets/common/downloads/ASB2017_13062017.pdf
- PAO “Rosneft”. (2017). *Godovoj otchet 2016*. Available at: https://www.rosneft.ru/Investors/statements_and_presentations/annual_reports/
- Aleksanyan A.A., Lavrov S.N. (2016). The Impact of Political and Economic Situation on the International Activity of LUKOIL. *Proceedings of the XV International Academic Congress “Fundamental and Applied Studies in the Modern World”, Oxford, United Kingdom, 6—8 September 2016*. Oxford University Press, 70—76.

Article history:

Received: 05 July 2018

Revised: 26 August 2018

Accepted: 28 September 2018

For citation:

Lavrov S.N., Dyakin B.G. (2018). Russia in the global hydrocarbon economy. *RUDN Journal of Economics*, 26(3), 416—428. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-416-428

Bio Note:

Lavrov S.N., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of International Business Section Department of World Economy National Research University Higher School of Economics. *Contact information:* e-mail: lavrovsn@mail.ru

Dyakin B.G., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Sector for International Economic Cooperation, Institute of Macroeconomic Research of the Ministry of Economic Development of Russia. *Contact information:* e-mail: lavrovsn@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-429-438

УДК 330.322

Инвестиции — основа экономической интеграции Абхазии и России

З.И. Шалашаа

Институт экономики и права Академии наук Абхазии
Республика Абхазия, 384900, Сухум, ул. Дзидзария, 40

В статье определяются факторы, влияющие на инвестиционный процесс, формы привлечения инвестиционных ресурсов, выявляются предпосылки необходимые для формирования благоприятного инвестиционного климата и роль государственных органов власти в управлении и регулировании инвестиционной деятельности. Обосновывается необходимость привлечения российских инвестиций в реальный сектор экономики Абхазии, которые содействуют модернизации и развитию экономики на инновационной основе. Инвестиционное взаимодействие является развивающимся процессом, в ходе которого между его участниками складываются относительно устойчивые экономические связи производственно-структурного характера. Причем отношения, складывающиеся в инвестиционной сфере между Абхазией и Россией (союзническими странами и стратегическими партнерами), формируют тесные интеграционные связи.

Ключевые слова: инвестиционная деятельность, инвестиционный климат, государственное регулирование инвестиционной деятельности, государственная инвестиционная стратегия

Введение

В современных условиях становления и развития государственности Республики Абхазия особая роль отводится ее взаимоотношениям с Российской Федерацией, между которыми формируется стратегическое партнерство в различных областях жизнедеятельности. При этом важнейшей формой экономического сотрудничества между странами признается их взаимодействие в инвестиционной сфере. Известно, что в наследство от директивной экономической системы хозяйствующим субъектам, функционирующим в Абхазии, досталось изношенное, затратное, а потому и неконкурентоспособное производство, в связи с чем многие из них находятся в кризисном состоянии. Однако, основной проблемой для республики является то, что преодолеть кризисные явления ей приходится в условиях острого дефицита собственных финансовых ресурсов. Большую часть капитальных вложений в восстановление и развитие производственных и социальных объектов Абхазии вносят национальные предприятия и индивидуальные предприниматели, и наряду с ними важным источником финансирования для развития экономики Абхазии, ее регионов и отраслей являются российские инвестиции, которые становятся одной из форм внешнеэкономических связей.

Инвестиционный процесс — сложное, многофакторное явление, с осуществлением которого связано решение многих социально-экономических проблем Абхазии, их разрешение только на базе рыночных принципов саморегулирования невозможно, так как рынок не способен к справедливому и рациональному распределению иностранных инвестиционных ресурсов между секторами и регионами республики. В этой связи инвестиционная деятельность нуждается в государственном регулировании со стороны органов власти.

Обзор литературы

Основы научного исследования проблем развития интеграционных процессов в современной экономической науке содержатся в работе Б. Балласа (Balassa, 1964). Как отмечают российские ученые, Баллас в определенной последовательности указывает основные этапы, формирующие интеграционные связи между странами в виде зон свободной торговли, таможенного союза и общего рынка. При проведении гармонизированной налоговой, таможенной и валютной политики они создают взаимосвязанное экономическое пространство, функционирующее из единого наднационального управляющего центра, решения которого обязательны для исполнения (Диабатэ, Холина, 2017).

Особое значение для постсоветских республик имеют работы иностранных авторов, посвященные становлению и развитию региональной экономической интеграции в латиноамериканских странах. В них обосновывается объективная необходимость вложения иностранных инвестиций в национальную экономику и связанное с этим процессом повышение роли государства и его институтов в распределении, регулировании и планировании инвестиционной деятельности (Briceño Ruiz, 2007; Frambes-Buxeda, 1993; Vachino, 1981).

Становлению интеграционных процессов в постсоветских странах и формированию региональной интеграции на основе расширения торгово-экономических, технико-технологических и финансово-инвестиционных связей посвящены работы российских ученых (Сидорович, 2009; Черковец, 2009).

Методы и подходы

Основной целью данной статьи является выявление предпосылок, содействующих экономической интеграции хозяйствующих субъектов Абхазии и России на основе осуществления инвестиционной деятельности.

Цель исследования обусловила постановку и решение задач, связанных с выявлением форм и методов государственного регулирования инвестиционной деятельности, определением факторов, содействующих становлению интеграционных связей между Абхазией и южными регионами России, оценкой инвестиционного климата в республике. Предложены оптимальные формы и способы взаимодействия предпринимательских структур Абхазии и России, обоснована необходимость их интеграционного сотрудничества в целях модернизации национальных предприятий Абхазии на инновационной основе.

Обобщены и проанализированы плановые и отчетные показатели инвестиционных вложений России в экономику Абхазии, производственной и социальной отраслей ее инфраструктуры, размещенных в разных регионах республики.

В процессе исследования были применены аналитические и статистические методы исследования — логический и сравнительный анализы, обобщение и статистическая обработка данных, графических изображений, системный подход.

Результаты

В современных условиях внешнеэкономическая деятельность Абхазии в полном объеме реализуется только в отношениях с Россией, с которой осуществляется сотрудничество в следующих основных формах: а) внешняя торговля; б) вложение российских инвестиций в экономику Абхазии; в) научно-техническое сотрудничество; г) привлечение рабочей силы; д) участие в работе региональных экономических ассоциаций и др.

Наиболее существенным среди перечисленных форм внешнеэкономического сотрудничества является инвестиционное взаимодействие, так как, именно оно возрождает и развивает реальный сектор экономики Абхазии, в котором в наибольшей степени нуждается местное население.

Российские инвестиции рассматриваются в Абхазии в качестве основного фактора ускорения технического и экономического прогресса, модернизации производственной и социальной инфраструктуры, внедрения в реальный сектор экономики новой техники и технологий, освоения инновационных методов организации и управления производством, что, в свою очередь, содействует активизации внешнеэкономической деятельности национальных предпринимателей на зарубежных рынках.

Инвестиционное взаимодействие является развивающимся процессом, в ходе которого между его участниками складываются относительно устойчивые экономические связи производственно-структурного характера. Причем отношения, складывающиеся между странами-партнерами, такими как Абхазия и Россия, формируют тесные интеграционные связи.

В Абхазии еще отсутствуют необходимые предпосылки для полноценного функционирования рыночных субъектов, значительная часть экономических структур, формирующихся в ходе рыночных реформ, находится на этапе становления и ее возможности ограничены для конкурентного осуществления инвестиционного процесса. В этих условиях государственная инвестиционная стратегия Абхазии должна быть нацелена на сочетание рыночных механизмов с методами государственного регулирования процесса формирования, распределения и использования инвестиционных ресурсов. Тем более государство, регулируя инвестиционную деятельность, способствует формированию благоприятной среды для осуществления инвестиционной деятельности хозяйствующих субъектов, функционирующих в рамках международного сотрудничества.

Государственные органы управления своим участием в инвестиционном процессе должны ставить в качестве основной цели создание такого организационно-управленческого механизма, который способствует выбору наиболее выгодных

вариантов размещения имеющихся инвестиционных ресурсов. Мы отдаем себе отчет в том, что государственное участие в инвестиционной деятельности всегда влечет за собой определенные финансовые расходы государства, в связи с чем возникает необходимость их соизмерения с ожидаемыми результатами, и подобное участие должно подвергаться частому пересмотру для подтверждения его целесообразности и эффективности.

Государственные органы власти Абхазии могут оказывать регулирующее воздействие на иностранную инвестиционную деятельность путем заключения международных договоров, принятия внутренних законодательных и других нормативно-правовых актов, регулирующих инвестиционную деятельность, субсидирования отдельных инвестиционных проектов, отбора эффективных инвестиционных проектов, применения экономических методов государственного регулирования инвестиционной деятельности. В этом плане можно воспользоваться предлагаемой нами методикой отбора инвестиционных проектов (Шалашаа, 2007).

Становлению интеграционных связей на базе расширения инвестиционной деятельности между Абхазией и Россией, в частности ее южных субъектов и их хозяйствующих субъектов, способствуют следующие факторы:

1) относительно высокий уровень технической оснащенности, конкурентоспособности и инвестиционной активности хозяйственных структур регионов России в сравнении с Абхазией;

2) территориальная близость Абхазии и южных регионов России, способствующая активному сотрудничеству их предпринимательских структур;

3) динамичный экономический рост в Абхазии, а также благоприятный налоговый режим, стимулирующие частных инвесторов для осуществления капитальных вложений в стране;

4) наличие железнодорожного, автомобильного и морского путей сообщения и их высокая пропускная способность, содействующие активизации межрегионального сотрудничества в области логистики;

5) наличие развитых транспортных сетей в Абхазии и южных регионах России в перспективе может привести к образованию крупных транзитных коридоров в развитии международных экономических связей между Европой и Азией;

6) совместная эксплуатация энергетических систем, в частности совместное управление ИнгурГЭС, осуществляемое Интер РАО ЕЭС и абхазской ГК «Черноморэнерго», содействующая снижению материальных и финансовых издержек производства данных структур;

7) наличие единой денежной системы, российского рубля, в обеих странах — важное условие для формирования интегрированного рынка.

На инвестиционную деятельность непосредственно влияет инвестиционный климат в стране, являющийся частью институциональной системы национальной экономики и представляющий совокупность политических, экономических, финансовых, культурных, организационных, правовых, природно-географических и других факторов, состояние которых негативно или позитивно влияет на привлечение инвестиций. Инвестиционный климат характеризуется определенным

динамизмом, и его изменение зависит от реального экономического положения в стране и воздействия внешнеполитических и внешнеэкономических факторов.

Важнейшим условием эффективного функционирования национальной экономики и осуществления инвестиционной деятельности является наличие благоприятной экономической среды и природных условий. В этом смысле уникальные природно-климатические условия Абхазии позволяют успешно заниматься хозяйственной деятельностью.

Трудовой потенциал и рынок труда в Абхазии являются важными инвестиционными ресурсами, посредством которых обеспечивается занятость экономически активного населения, его включение в воспроизводственную сферу

Таблица 1/Table 1

**Трудовой потенциал Республики Абхазия за 2013—2016 гг.
[Labour potential of the Republic of Abkhazia for 2013—2016]**

Показатели	2013	2014		2015		2016	
		Значение	Темп роста, %	Значение	Темп роста, %	Значение	Темп роста, %
1. Трудоспособное население, тыс. чел.	143,8	144,1	100,2	144,3	100,1	243,9	100,3
2. Среднегодовая численность работающих, тыс. чел.	41,5	40,6	97,8	42,3	104,2	144,5	110,1
3. Численность занятых в негосударственном секторе, тыс. чел.	11,0	10,4	94,5	10,0	96,1	41,4	97,9
4. Численность занятых на государственных предприятиях, тыс. чел.	30,2	29,8	98,7	31,7	106,4	9,5	95,0
5. Доля занятости среди трудоспособного населения, %	28,8	28,2	—	29,3	—	28,6	22,9

Источник: рассчитано автором по статистическим данным: Абхазия в цифрах. Статистический ежегодник. Сухум, 2017.

Для экономики Абхазии характерна высокая степень износа основных фондов. Развитие, структурная перестройка и модернизация реального сектора экономики невозможны без привлечения значительных объемов инвестиций. В этом плане между Абхазией и Россией сложились новые способы оказания финансовой помощи Абхазии, в том числе и в области инвестиционной деятельности. Так, в 2015 г. подписан Регламент взаимодействия между Министерством экономики Абхазии и российским ООО «Инвестиционное агентство» для содействия инвестиционным процессам на территории Абхазии.

В апреле 2015 г. на заседании Межправительственной комиссии по социально-экономическому сотрудничеству между Российской Федерацией и Республикой Абхазия подписан протокол, в котором определены объемы финансирования экономики и социальной сферы Абхазии в размере 9,3 млрд руб. (табл. 2). Данные свидетельствуют о том, что по мере восстановления производственной и социальной инфраструктуры Абхазии объемы российских инвестиций поэтапно сокращаются.

Таблица 2/Table 2

**Инвестиционная программа содействия социально-экономическому развитию
Республики Абхазия на 2015—2017 гг., млрд руб.
[Investment programme for the promotion of socio-economic development of
the Republic of Abkhazia on 2015—2017, bln. rub.]**

Годы	Объем российских инвестиций	Объем ВВП Абхазии	Доля российских инвестиций в ВВП, %
2015	3,8	28,6	13,3
2016	3,3	30,3	10,9
2017	2,2	32,0	6,9

Источник: рассчитано автором по статистическим данным: Абхазия в цифрах. Статистический ежегодник. Сухум, 2017.

Средства инвестиционной программы России в последние годы преимущественно направляются на финансирование приоритетных отраслей производственной и социальной инфраструктуры экономики Абхазии (табл. 3).

Таблица 3/Table 3

**Структура инвестиционных вложений России в Абхазии в 2015—2017 гг.
[The structure of investments in Russia in Abkhazia in 2015—2017]**

Отрасли экономики и виды деятельности	Общий объем инвестиций за 2015—2017 гг., млн руб.	2015	2016	2017
Ремонт автодорожной сети	995,0	610,94	154,3	229,76
Энергетическая отрасль	733,0	572,0	161,0	—
Ремонт и благоустройство жилого фонда	1806,99	340,0	846,83	620,16
Водоснабжение, водоотведение и канализация	1675,7	389,2	740,8	545,7
Образование	1120	201,0	509,0	410,0
Ремонт административных зданий и сооружений	452,2	452,2	—	—
Здравоохранение	738,3	447,7	290,6	—
Культура	25,0	25,0	—	—
Система обращения с отходами производства и потребления	340,0	—	100,0	240,0
Организационные мероприятия по разработке проектно-сметной документации	483,0	333,0	100,0	50,0
Государственное софинансирование реального сектора экономики	944,6	400,0	424,6	120,0

Источник: составлено автором по данным сайта Апсныпресс: Хлопонин А.Г. Общий объем финансирования Республики Абхазия 9,0 млрд руб. в течение трех лет. URL: <http://www.apsnypress.info/news/obshchiy-obem-finansirovaniya-respubliki-abkhaziya-9-mlrd-rublej-v-techenie-tryekh-let-aleksandr-khl/>

В ходе VII Российско-абхазского делового форума, прошедшего в ноябре 2016 г., было заключено несколько важных сделок, направленных на привлечение кредитно-финансовых ресурсов для реализации инвестиционных проектов в Абхазии. Всего на форуме было заключено шесть соглашений, из которых четыре соглашения по линии Инвестиционного агентства страны и еще два соглашения охватывают отдельные отрасли национальной экономики.

Первое соглашение касается сотрудничества между компаниями «Абхазстрой» и «Славянский мир» по развитию инновационной стройиндустрии в Абхазии, связанной с развитием инновационно-строительного кластера.

Второе соглашение о сотрудничестве в сфере обращения с отходами производства и потребления предполагает строительство завода по переработке твердых бытовых отходов.

Четыре соглашения, заключенных по линии Инвестиционного агентства Абхазии, представляют собой договоры-займы между инициаторами бизнес-проектов и московским Инвестиционным агентством, предоставляющим кредитные средства. Общая сумма подписанных соглашений составила около 500 млн руб.

Вышеприведенные фактические показатели российской инвестиционной деятельности в Абхазии подтверждают необходимость активного участия государства в этом процессе, так как инвесторы нуждаются как в государственной поддержке, так и в правовой защите. При этом инвестиционное законодательство Абхазии определяет механизмы государственного управления инвестиционной деятельностью. Они включают инструменты прямого участия государства в инвестиционной деятельности и способы создания благоприятных условий для ее осуществления.

Однако в Абхазии существуют определенные инвестиционные риски, относящиеся к защите прав собственности инвесторов, экономическому контролю доходов совместных предприятий с участием иностранного капитала и связанной с этим возможностью потери ожидаемой прибыли и имущества, а также другие. И здесь роль государственных органов власти значительно повышается.

В свете вышесказанного особый смысл имеет Соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций между правительствами России и Абхазии, которое способствует развитию инвестиционной активности в Абхазии и, соответственно, стимулирует приток капитала, обеспечивая инвесторов надежными и эффективными правовыми средствами защиты их интересов.

Таким образом, можно заключить, что Российская Федерация является важным инвестиционным партнером Абхазии и занимает первое место по объему прямых инвестиций в экономику Абхазии. Причем ежегодно увеличивается количество российско-абхазских предприятий, на 2017 г. зарегистрировано 237 предприятий со 100 % капиталом участия России и около 240 совместных предприятий. Общий объем прямых иностранных инвестиций из России в Абхазию в 2016 г. составил 3,9 млн долл. США, а из Абхазии в Россию — 0,15 млн долл. США.

Особая роль государства в формировании благоприятного инвестиционного климата в Республике Абхазия может заключаться в следующих важных аспектах:

— во-первых, инвестиционная деятельность в республике должна развиваться в направлении гармонизации и унификации с общепринятыми международными нормами и практикой, а также в интересах развития и укрепления экономической интеграции хозяйствующих субъектов республики с хозяйственными системами Российской Федерации;

— во-вторых, российские инвестиции в экономику Абхазии являются необходимой базой для модернизации производственной и социальной инфраструк-

туры страны, а также для внедрения инновационных производственных ресурсов и освоения современных методов организации и управления производством;

— в-третьих, для создания благоприятного инвестиционного климата между Абхазией и Россией уже сформированы определенные предпосылки, такие как наличие нормативно-правовой базы для эффективного осуществления совместной инвестиционной деятельности абхазских и российских предпринимателей на территории Республики Абхазия, которые следует совершенствовать в соответствии с общемировыми тенденциями;

— в-четвертых, государственная инвестиционная стратегия Абхазии в инвестиционном процессе должна заключаться в интеграции преимуществ методов государственного управления инвестиционной деятельностью и рыночных механизмов саморегулирования при реализации инвестиционных бизнес-проектов национальных и российских предпринимателей.

© Шалашаа З.И., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Список литературы

- Диабатэ В., Холина В.Н.* Региональная интеграция в Африке: динамика внутрирегиональной торговли в 1990—2015 гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2017. Т. 25. № 2. С. 159—167.
- Сидорович А.В.* Экономическим отношениям стран СНГ — устойчивую основу // *Национальная экономика России и вызовы XXI века*. М., 2009. С. 315—326.
- Черковец О.В.* Интеграционные процессы на постсоветском пространстве в контексте мирового опыта межгосударственного регионального сотрудничества // *Национальная экономика России и вызовы XXI века*. М., 2009. С. 327—346.
- Шалашаа З.И.* Оценка инвестиционных проектов в условиях Республики Абхазия // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2007. № 1. С. 105—115.
- Balassa V.* *Teoría de la Integración Económica*. Biblioteca UTENA de Economía. Año, México, 1964.
- Briceño Ruiz José.* *La integración regional en América Latina y el Caribe. Proceso históricos y realidades comparadas*. Mérida: Vice Rectorado Académico, Universidad de los Andes, 2007.
- Frambes-Buxeda Alina.* *Teorías sobre la integración aplicables a la unificación de los países latinoamericanos* // *Política y Cultura*. Primavera, 1993. Núm. 2.
- Vachino J.* *Integración económica regional*. U. Central de Venezuela, Facultad de Cs. Jurídicas y Políticas, Instituto de Derecho Público, sección Integración, Caracas, 1981.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 апреля 2018

Дата проверки: 15 июля 2018

Дата принятия к печати: 03 сентября 2018

Для цитирования:

Шалашаа З.И. Инвестиции — основа экономической интеграции Абхазии и России // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2018. Т. 26. № 3. С. 429—438. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-429-438

Сведения об авторе:

Шалашаа Заур Иванович, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Абхазии, директор ГНУ «Институт экономики и права» АНА. *Контактная информация*: e-mail: shal-57@mail.ru

Investments are the basis of economic integration of Abkhazia and Russia

Z.I. Shalashaa

Institute of Economics and Law of the Academy of Sciences of Abkhazia
40 Dzidzaria St., Sukhum, 384900, Republic of Abkhazia

Abstract. The article identifies factors influencing investment process, forms of attracting investment resources, identifies the preconditions necessary for the formation of a favorable investment climate and the role of public authorities in management and regulation of investment activity. The necessity of attracting Russian investments in the real sector of the economy of Abkhazia, which promote the modernization and development of the economy on the innovation basis, is substantiated. Investment interaction is developing process, during which its participants come together to form relatively stable economic relations of production and structural nature. Moreover, the relations prevailing in the investment area between Abkhazia and Russia, allied countries and strategic partners, the investment interaction form a close integration of communication.

Keywords: investment activity, investment climate, state regulation of investment activity, the State investment strategy

References

- Diabate V., Kholina V.N. (2017). Regional'naya integratsiya v Afrike: dinamika vnutrireional'noj trgovli v 1990—2015 gg. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Ekonomika*, 25(2), 159—167. (In Russ.)
- Sidorovich A.V. (2009). Ekonomicheskim otnosheniyam stran SNG — ustojchivuyu osnovu. *Natsional'naya ekonomika Rossii i vyzovy XXI veka*. Moscow, 315—326. (In Russ.)
- Cherkovets O.V. (2009). Integratsionnye protsessy na postsovetskom prostranstve v kontekste mirovogo opyta mezhgosudarstvennogo regional'nogo sotrudnichestva. *Natsional'naya ekonomika Rossii i vyzovy XXI veka*. Moscow, 327—346. (In Russ.)
- Shalashaa Z.I. (2007). Otsenka investitsionnyh projektov v usloviyah Respubliki Abhaziya. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Ekonomika*, (1), 105—115. (In Russ.)
- Balassa B. (1964). *Teoría de la Integración Económica. Biblioteca UTEHA de Economía*. México.
- Briceño Ruiz José. (2007). *La integración regional en América latina y el Caribe. Proceso históricos y realidades comparadas*. Mérida: Vice Rectorado Académico, Universidad de los Andes.
- Frambes-Buxeda Alina. (Primavera, 1993). Teorías sobre la integración aplicables a la unificación de los países latinoamericanos. *Política y Cultura*, (2).
- Vachino J. (1981). *Integración económica regional*. U. Central de Venezuela, Facultad de Cs. Jurídicas y Políticas, Instituto de Derecho Público, sección Integración, Caracas.

Article history:

Received: 20 April 2018

Revised: 15 July 2018

Accepted: 03 September 2018

For citation:

Shalashaa Z.I. (2018). Investments are the basis of economic integration of Abkhazia and Russia. *RUDN Journal of Economics*, 26(3), 429—438. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-429-438

Bio Note:

Shalashaa Z.I., Doctor of Economic Sciences, Professor, Corresponding Member of Abkhazian Academy of Sciences, Director of the Institute of Economics and Law. *Contact information:* e-mail: shal-57@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-439-446

УДК 336.02

The impact of fiscal and monetary policy on economic growth and cyclical development of the economy

J. Lisý

University of Economics in Bratislava
1 Dolnozemská cesta, Bratislava, 85235, Slovak Republic

Abstract. The existence of the cyclical development of the economy and searching for the effective fiscal and monetary policy as a tool to mitigate cyclical fluctuations will be for a long time a subject of many professional discussions. In particular, the crisis processes in the 21st century meant a renewal of the debate between Keynesian and monetarist oriented economists. The aim of the article is to compare and evaluate different approaches to the effective application of fiscal and monetary policy instruments and the possibility of their practical application. Many economists have come to the conclusion that the implementation of monetary policy leads to the more effective allocation of production resources as in the case of fiscal expansion. It is obvious that even in the future there will be controversy about whether the cause of cyclical fluctuations is incorrectly implemented economic policy or the failure of economic and political institutions.

Keywords: cyclical development of the economy, fiscal expansion, monetary expansion

Introduction

The problems of economic growth, the existence of the cyclical development of the economy and searching for the effective fiscal and monetary policy as a tool to mitigate cyclical fluctuations will be for a long time a subject of many professional debates. Pre-crisis theoretical as well as economic and political consensus was a thesis that a stabilization of aggregate demand was the role of monetary policy, mainly in large economies. Setting up an appropriate system of taxes and subsidies, which would ensure an optimal growth of the potential output in terms of sustainable debt levels, is the task of fiscal policy. The 2008 global financial and economic crisis undermined this consensus as a reduction of interest rates close to zero significantly limited the effectiveness of the standard tools of economic policy in many developed countries.

Literature review and methodology of the study

The comparative analysis of different views on how to implement the fiscal and monetary expansion reveals that there are contradictions and different opinions among the various schools of the economic theory. The protagonists of these different approaches are the followers of the Keynesian economic theory on one side and the supporters of monetarism, a new classical macroeconomics and the Austrian school on the other side.

Under specific conditions, the economic practice is using the recommendations of one or another group of economists to a varying extent.

In the economic literature, there are still many theoretical justifications for the cyclical development of the economy. They can be divided into the real theories of business cycle in which the cyclical fluctuations are caused by the real forces such as innovation and investment waves. It may occur as investment pessimism or investment optimism. This causes the fluctuations in aggregate demand. According to some economists (i.e. J.M. Keynes, 1963), the fluctuations in aggregate demand require to apply the fiscal instruments of regulation. In the case of a decline in total effective demand they propose to apply fiscal expansion. The consequences and effects of fiscal expansion are assessed differently by individual economic schools. On the basis of the Keynesian theoretical postulates, Neo-Keynesians justify that the cyclical development of the economy is a proof of not functioning the market mechanism which requires the active government intervention (Blanchard, 2012; Krugman, 2009; Mankiw, 1999).

The monetary theories of the business cycle assume that the cyclical fluctuations are caused by the changes in the money supply (Friedman, 1993; Hayek, 1975; Mises, 1998). The authors and followers of these theories are mainly the representatives of the classical economics (A. Smith, J.B. Say), the Austrian school (F.A. Hayek, L. Mises, M.N. Rothbard), the representatives of monetarism (M. Friedman, K. Brunner, J. Jordan) and the theory of rational expectations (R.E. Lucas).

Mentioned theories of the business cycle are not mutually exclusive because the real factors as well as monetary factors may also be the cause of cyclical developments. This is all about what individual economists emphasize more, respectively what they consider to be a primary or secondary factor. It also follows from the approach of different authors to the economy and the functioning of the market mechanism. The followers of classical economics are looking at the problem in terms of aggregate supply and the followers of Keynesian economics emphasize the approach of the aggregate demand.

The impossibility of a crisis arising according to classical economics

The classical economics assumes that the market system is inherently stable and functioning of the market mechanism automatically raises the macroeconomic equilibrium. Therefore the economic crisis cannot arise. The economy is functioning at the level of potential output and full employment. In the classical model, the macroeconomic equilibrium is achieved at the level of potential output. Aggregate supply does not respond to the changes in aggregate demand while changes in aggregate demand cause changes in the price level but do not affect the level of output.

The aggregate demand may increase due to fiscal and monetary policy. Meantime, the aggregate demand exceeds aggregate supply. Enterprises, however, cannot produce or offer more products because they have no additional labour force to employ and thus increase supply. Therefore, the price level rises. A price increase reduces the real money supply which causes the increase in the interest rates and the consequent decline in private spending on one side and release the space for the growth of government spending on the other. As a result, an autonomous private investment and private consumer spending

are crowded out. Their total volume is equal to the volume of increased government spending. This creates a balance with a greater volume of government spending and a smaller volume of private autonomous spending but at a higher price level.

Crowding out effect, as a result of fiscal expansion, arises on the supply side. In the classical model, fiscal expansion changes the structure of demand and production. It increases the amount of government spending and reduces the value and amount of private autonomous expenditure. The price level increases but the total amount of output and employment does not change.

Expansionary monetary policy increases the money supply and it leads to the growth of aggregate demand. At the initial level P_0 , the aggregate demand exceeds aggregate supply that companies could not meet because aggregate supply could not increase in the classical economics. This leads to an increase in the price level and the macroeconomic equilibrium is achieved at the higher price level. In the classical economics, monetary expansion causes that the price level increases to the same extent as the nominal amount of money. Total output and employment do not change and they are at the level of potential output and full employment. From the above characteristics it follows that the monetary expansion has no impact on the real economic variables in the classical model. Only the price level varies proportionally with the growth of money supply. Such a phenomenon is characterized by so-called neutrality of money which means that the changes in the nominal money supply affect the price level, but have no impact on the real economic variables.

The representatives of the Austrian school see the cause of the price increases in the fact that the source of this expansion is not in the voluntary savings but in so-called forced savings. Monetary expansion, which is not based on voluntary (real) savings, causes bad investment and leads to the spontaneous beginning of recession.

“We have to search for a cause of the recession in the absence of voluntary savings that are necessary for the reconstruction of the production structure which turns out to be too capital intensive. The recessions have their root in the credit expansion of the banking system which is not accompanied by a corresponding behaviour of economic agents. These entities do not try to increase their voluntary savings” (Soto, 2009).

Jesús Huerta de Soto, a follower of the Austrian School of Economics, assesses the implications of the monetary credit expansion. He points out that since the beginning of the 21st century the cyclical development was due to the artificial credit expansion of the Federal Reserve, unsupported by an increase in voluntary household saving. Newly-created loans (of money households have not first saved) provided by the banks to the entrepreneurs were used for the major construction and development projects. It led to a financial bubble, which negatively affected the real economy in the form of economic recession. A crisis in a mortgage system and a failure of many banks occurred in a situation where the value of their liabilities exceeded the value of assets in the form of mortgages granted.

From the knowledge of the neutrality of money the classical economists draw the conclusion that in the economy operates an automatic mechanism which directs the economy to full employment and ensures that the real product will not deviate significantly from the level of potential output in the long term. From the classical concept of economics (the Austrian school) implies, that there never incur losses in the economy resulting from

unused production resources because the economy is at the level of potential output. This means that all production capacity is efficiently used and there is full employment. This also implies that the monetary expansion, the aim of which is to affect the aggregate demand, is ineffective because it does not have an impact on total volume of output and cannot affect the rate of employment. It causes only a rise in the price level and crowding out private investment by government investment, leading to inefficiency of the economy.

It seems that these assumptions do not correspond to the real economic conditions. In real economic life, the prices and wages are not perfectly flexible. Therefore neither the labour market is “self regulating” and there exists involuntary unemployment. There is no perfect information of market agents on the prices and wages. The performance of the economy fluctuates and therefore the real GDP does not correspond to the potential product. J. M. Keynes responded to these issues in the 20th century.

Cyclical fluctuations according to Keynesian economics

According to J.M. Keynes (Keynes, 1963), a primary cause of the recession is the lack of effective demand. He proposes to implement the active state regulation and expansionary fiscal policy at a time when resources are not fully used. If the government implements expansionary fiscal policy, it increases government spending and thus aggregate demand. A situation, in which aggregate demand exceeds aggregate supply, causes a pressure to increase the output and at the same time the price level. It is obvious that fiscal expansion leads to the increase in output and the price level at the same time but nominal wages have failed to adapt to a new economic situation in the short term and remained at the original level, reducing real wages. Simultaneously, the growing demand for capital goods raises demand for the loans, thus increasing the interest rate.

Due to the expansionary monetary policy, aggregate demand exceeds aggregate supply which causes the pressure to increase the output, production, employment as well as the price level. It follows that due to the monetary expansion the increase in output occurs in the short run as well as the increase in the price level. In the short term, nominal wages are fixed and therefore due to the increase in the price level, real wages decline. As the central bank increases the money supply, the interest rates are declining.

In this situation, the real wage compared to its initial state decreased. As soon as the employees register a decline in real wages, the trade unions will require an increase in nominal wages in the next collective agreements in proportion with the increase in the price level. In the long term, the nominal wages will rise which leads to increases in the costs of companies and causes a consequent reduction in the amount of produced goods and services at any price level.

According to the following conditions, we can define these long-term effects of monetary expansion:

- the total output is identical in the long-run and the current product is at the level of potential output;
- the employment is at the natural rate of unemployment;
- the real wage will not change as a result of the proportional nominal wage growth and price stability;
- the price level rises proportionally with the increase in the money supply.

From the above characteristics it follows that the long-term effects of fiscal and monetary expansion are the same as the effects of fiscal and monetary expansion in the classical theory. Using instruments of fiscal and monetary policy, the government could implement so-called stabilizing economic policy aimed at achieving full and efficient use of production resources.

On the basis of the Keynesian theoretical postulates, Neo-Keynesians justify that the cyclical development of the economy is a proof of not functioning the market mechanism which requires the active government intervention (Blanchard, 2012; Krugman, 2009; Mankiw, 1999). The theories of Neo-Keynesian economists are also focused on the demand-cycle theories, arguing that monetary policy affects production and employment in the short run.

The challenging theoretical and practical economic inspirations are the views of P. Krugman (2009) who responds to the events in the world economy after 2008. He was influenced by Keynes's views. Krugman points out, why the performance of the economy is declining and unemployment rising. He states that simply because all of us — the consumers, businesses and government spend too little. By decreasing sales of goods it makes no sense to increase the production which in turn leads to the unemployment. We all suffer from a critical lack of demand. People are buying fewer goods than they are able to produce and also spend less than they earn. Krugman urges that even the monetary instruments have failed to solve these problems. Fed's monetary base has tripled since 2008, but the economic performance has not increased. And even if the interest rate is around zero, the total demand is still insufficient. The world requires governments to increase their spending (even military) and thus get the country out of depression. The fiscal expansion would accelerate the growth of interest rates which ensure the escape from a liquidity trap (Soto, 2009; Šikula, 2009; Švihlíková, 2010; Čaplánová and Šujanský, 2011; Arrow, 2012; Lisý, 2011; Dujava, 2016).

Cyclical fluctuations according to monetarists and the Austrian school

Monetarists and the representatives of the Austrian school have criticized the Keynesian economic theory. The basis of monetarist theory of the business cycle is stable demand for money because according to Friedman it does not depend on conjectural fluctuations. Based on this assumption monetarists see the cause of output and employment fluctuations in a supply that is affected by the central bank.

At first sight it might seem that the Austrian and Monetarist business cycle theories are similar. In fact, they are diametrically different. Monetarists assume that on the basis of the equation of exchange, according to the quantity theory of money, they are able to explain all macroeconomic problems, including the cyclical development of the economy. According to the Austrian School, monetarists are unable to explain the causes of the recession and to submit any valid theoretical arguments. Monetarists recommend applying such an economic policy that treats only the symptoms but not the real causes of the crisis.

Monetarists have no satisfactory theory of the business cycle and believe that the crisis and depression are caused by the “monetary contraction”. This is a naive and superficial

diagnosis confusing cause and effect. The economic crises arise because the credit expansion and inflation distort the production structure firstly, which later appears as a crisis, monetary contraction and recession (Soto, 2009). This includes a criticism and rejection of monetarist theory of the business cycle. F.A. Hayek notes that a main shortcoming of monetarist business cycle theory is that it pays attention only to the impacts of the changes in the quantity of money on the general price level and not on the structure of relative prices. The consequence is it ignores the allocation of resources which is a cause of unemployment.

Even today, many economists try to identify the causes of differences in the performance of the economies of individual countries. Based on the works of Acemoglu (2009) and Weil (2009), we can mention the four most important: the geographic hypothesis, the cultural hypothesis, the lack of knowledge hypothesis and the institutional hypothesis.

The questionable instrument of monetary regulating could be a quantitative easing (QE) of the European Central Bank. The aim of this measure is to prevent a deflationary spiral, increase inflationary rise in prices close to 2 percent, increase the flow of investment, enhance exports and thus boost the economic growth in the Eurozone countries. It seems, on the basis of measures taken, the ECB assumes monetary expansion contributes to more efficient allocation of production resources such as the fiscal policy.

Results

The comparative analysis of different views on how to implement the fiscal and monetary expansion reveals that there are contradictions and different opinions among the various schools of the economic theory. Analysis of the causes and searching for the solutions on how to prevent such a crisis that we have witnessed in the first decade of the 21st century is still the subject of many discussions, the timing and the content of which depends on their theoretical and methodological economic orientation. The liberal-minded economists will always claim that excessive regulation is the cause of every crisis. On the contrary, the followers of Keynesianism will argue that the cause of the crisis is the lack of regulation. A special feature of the 2008 crisis was that the fiscal and monetary policies were both dysfunctional and ineffective. Neither of the solutions which were available to economic policy makers could be effectively used.

Conclusion

Everyone will probably agree that it is the range and quality of regulation and the related moral hazard in the context of accepting accumulation of credit expansion of governments as well as the population that will be a central theme of further discussions. It is obvious that even in the future there will be controversial debates about whether the cause of cyclical fluctuations is incorrectly implemented economic policy or the failure of economic and political institutions.

© Lisý J., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

References

- Arrow K. J. (2012). Economic Theory and the Financial Crisis. *Information System Frontiers*, 14(5), 967—970.
- Acemoglu D. (2009). *Introduction to Modern Economic Growth*. Oxford, Princeton University Press.
- Blanchard D. et al. (2012). *In the Wake of the Crisis: Leading Economists Reassess Economic Policy*. Cambridge, The MIT Press.
- Čaplánová A., Šujanský M. (2011). Teoretické prístupy k ekonomickému cyklu — východisko pre pochopenie súčasných krízových procesov. *Ekonomické rozhľady*, 40(1), 22—38.
- Dujava D. (2016). *Ekonomické krízy a ekonomická veda*. Bratislava, Wolters Kluwer.
- Friedman M. (1993). *Kapitalismus a svoboda*. Praha, Liberální institut.
- Hayek F. A. (1975). *Monetary Theory and the Trade Cycle*. New York, Augustus M. Kelley Publishers.
- Keynes J. M. (1963). *Obecná teorie zaměstnanosti, úroku a peněz*. Praha, Nakladatelství Československé akademie věd.
- Krugman P. (2009). *The Return of Depression Economics and the Crisis of 2008*. New York, W.W. Norton & Company.
- Lisý J. a kol. (2011). *Ekonomický rast a ekonomický cyklus. Teoretické a praktické problémy*. Bratislava, Iura Edition.
- Mankiw N. G. (1999). *Zásady ekonómie*. Praha, Grada Publishing.
- Mises L. (1998). *Liberalismus*. Praha, Liberální institut.
- Sojka M. (1999). *John Maynard Keynes a současná ekonomie*. Praha, Grada Publishing.
- Soto J. H. (2009). *Peníze, banky a hospodářské krize*. Praha, ASPI, Liberální institut.
- Šikula M. (2009). Kritická miera rozporov civilizácie a globálna ekonomická kríza. *Ekonomický časopis*, 57(8), 732—755.
- Švihlíková I. (2010). *Globalizace a krize: souvislosti a scénáře*. Všeň, Grimmus.
- Weil D. (2009). *Economic Growth*. Boston, Pearson Addison Wesley.

Acknowledgements:

The paper was prepared within the frame of the research project VEGA No. 1/0246/16 entitled “Efficiency of fiscal and monetary policy during the economic cycle”.

Article history:

Received: 02 July 2018

Revised: 15 August 2018

Accepted: 16 September 2018

For citation:

Lisý J. (2018). The impact of fiscal and monetary policy on economic growth and cyclical development of the economy. *RUDN Journal of Economics*, 26(3), 439—446. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-439-446

Bio note:

Lisý Ján, Professor at the University of Economics in Bratislava, Faculty of National Economy, Department of Economic Theory. *Contact information*: e-mail: jan.lisy@euba.sk

Влияние фискальной и денежно-кредитной политики на экономический рост и циклическое развитие экономики

Я. Лизи

Экономический университет в Братиславе
Словацкая Республика, 85235, Братислава, Долноземска цеста, 1

Цикличность развития экономики и поиск эффективной фискальной и денежно-кредитной политики как инструмента смягчения циклических колебаний будут долгое время оставаться предметом многих профессиональных дискуссий. В частности, кризисные процессы в XXI в. возобновили дебаты между кейнсианцами и сторонниками политики монетаризма. Цель статьи — сравнить и оценить различные подходы к эффективному применению инструментов финансовой и денежно-кредитной политик и возможности их практического применения. Многие экономисты пришли к выводу, что осуществление денежно-кредитной политики ведет к более эффективному распределению производственных ресурсов, как в случае фискальной экспансии. Очевидно, что даже в будущем продолжатся споры о том, является ли причиной циклических колебаний неправильная реализация экономической политики или провал экономических и политических институтов.

Ключевые слова: циклическое развитие экономики, фискальная экспансия, монетарная экспансия

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 2 июля 2018

Дата проверки: 15 августа 2018

Дата принятия к печати: 16 сентября 2018

Для цитирования:

Лизи Я. Влияние фискальной и денежно-кредитной политики на экономический рост и циклическое развитие экономики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2018. Т. 26. № 3. С. 439—446. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-439-446

Сведения об авторе:

Лизи Ян, профессор Экономического университета в Братиславе, факультет народного хозяйства, кафедра экономической теории. *Контактная информация:* e-mail: jan.lisy@euba.sk

DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-447-457

УДК 314.174:338.001.36

Факторы роста населения Барнаула в XXI в.: зависимость от социально-экономического развития Алтайского края и возможностей интенсификации его приграничного взаимодействия

А.В. Кротов, С.Д. Маменов, Р.О. Баталов

Алтайский государственный университет
Российская Федерация, Алтайский край, 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61

В статье проводится анализ причин роста населения города Барнаула, несмотря на, казалось бы, сравнительно неблагоприятные социально-экономические условия. Рассмотрены основные факторы, способствовавшие приросту городских жителей краевой столицы. Охарактеризовано экономико-географическое положение Барнаула. Дается сравнение по отдельным показателям с сибирскими и дальневосточными региональными центрами, и учитываются рейтинги качества жизни в городах и регионах России. Для облегчения восприятия пространственного положения, характеристики окружения и демонстрации перспективных направлений хозяйственного развития рассматриваемого города и его субъекта федерации авторы создали две картосхемы. По выделенным радиусам можно судить о доступности столицы для жителей края, территориях, с которыми логично было бы создавать кооперацию и промышленно-инновационные кластеры, и пространствах, входящих в ближайшее рыночное окружение, где местная продукция была бы конкурентоспособна при прочих равных возможностях. Подчеркивается важность социоэкономики при выборе места жительства мигрантами.

Ключевые слова: Алтайский край, Барнаул, депрессивный, социоэкономика, миграция, рост населения

Введение

Алтайский край и его столица Барнаул находятся в ядре ультраконтинентальной зоны (Безруков, 2008), им необходимо интегрироваться с прилегающими регионами для увеличения совокупного потенциала экономики. Это депрессивный регион с одними из самых низких зарплат в стране на протяжении последних 20 лет. Актуальными являются определение и характеристика особенностей прироста населения краевого центра. Сам по себе отток населения из вымирающих деревень и городов в Барнаул не создает прибавочного продукта. Задачи исследования — выявление потенциала Барнаула как собирателя мигрантов и анализ возможностей его развития как центра, связанного с близлежащими территориями.

Обзор литературы

Актуальность и многогранность демографических и социоэкономических проблем регионов изучается в трудах как отечественных, так и западных ученых.

В трудах отечественных ученых особенного внимания заслуживают исследования о становлении и развитии городов — центров регионов, а также итоги и перспективы урбанизации на территории России на примере отдельно взятых субъектов (Лаппо, 2008; Зубаревич, 2010; Нефёдова, 2015; Трейвиш, 2015).

Определенную значимость для исследования имела работа М.Н. Мироновой, Н.Г. Кузнецовой и А.Н. Шолудько (2017) в вопросе анализа разных типов городов Транссибирской магистрали в постсоветский период.

Также была изучена работа М.Ф. Ткаченко и А.В. Журовой (2017) на предмет трансграничного сотрудничества регионов. Особый интерес в работе авторов вызывает возможность приграничного сотрудничества и экономической интеграции Алтайского края и Республики Казахстан.

Л.А. Безруков разработал и реализовал экономико-географическую концепцию континентально-океанической дихотомии, которая позволяет установить и количественно оценить характер и силу влияния этого фундаментального фактора на международное и региональное развитие стран и определенных отдельно взятых территорий.

Э. Филдинг (Fielding, 1989) изучил динамику распределения и миграции населения в 14 странах Западной Европы с середины XX в. Он рассмотрел перераспределение населения в странах Западной Европы и обозначил особенности и связи миграции населения, урбанизации в рассматриваемых странах и влияния рассматриваемых факторов на труд и занятость. Выделил такие понятия, как пространственная концентрация и деконцентрация населения.

Методы и подходы

В данной работе были использованы следующие методы и подходы: картографический — для графической оценки исследуемой территории Барнаула, Алтайского края и прилежащих субъектов; статистический — для анализа текущих демографических данных, миграции и уровня жизни населения. Также при проведении исследования были использованы исторический, пространственно-аналитический, сравнительный и системный методы исследования.

Изучены данные текущего демографического учета, ежегодные статистические сборники Росстата (Регионы России, 2016) и Всероссийской переписи населения 2010, результаты различных опросов и рейтингов по качеству и уровню жизни в регионах и городах (Рейтинг регионов РФ..., 2018; Полный рейтинг 250 городов России..., 2017; Горбачёва, 2014).

Результаты

Население Барнаула выросло с 2010 по 2017 г. на 27,5 тыс. чел. (База данных..., 2018). Этот прирост связан прежде всего с оттоком людей из сельской местности и депрессивных городов Алтайского края. О влиянии различных факторов на урбанизацию и обратные процессы есть много работ (Fielding, 1989). Сложность для авторов представляла оценка контртенденции росту населения в виде миграции из Барнаула в экономически более привлекательные регионы (выезд за рубеж на постоянное местожительство сейчас не велик).

Барнаул — место в крае с наиболее оптимальными условиями для жизни, исходя из потенциала развития социальной экономики. В городе имеется относительно дешевая и доступная инфраструктура — 18 место по торговым площадям на тысячу человек среди городов России (The market..., 2017), хотя Барнаул уступает всем региональным столицам за Уралом по показателям средней зарплаты (Регионы России, 2016).

Барнаул — город средних возможностей для алтайской молодежи, которая вырывается из районов края и городов по причине их экономической и еще большей социальной депрессии. Имея мощный образовательный комплекс (с более 35 000 только бюджетных мест) с большим количеством общежитий, за 3—6 лет обеспечивается мягкое переселение в город. В результате такой постепенной адаптации к жизни в столице региона молодежь получает свой неоценимый опыт в приспособлении к жизни в большом городе. По нашим оценкам, 60 % переезжающих учиться из районов и других городов в Барнаул пытаются в нем остаться (шестая часть из них возвращаются обратно домой). Дополнительный прирост фиксируется из Казахстана. Для существенной части русскоязычных студентов из Восточного Казахстана переезд в Барнаул имеет преимущество перед Алма-Атой и Астаной.

Именно учащаяся молодежь дает самый мощный миграционный приток (с учетом рождающихся после детей), далее идет переезд в город в поисках работы, потом возвратные миграции.

Для аграрного края Барнаул еще долгое время останется ориентиром и притяжением. В регионе с миллионным сельским населением есть, как минимум, возможность у 20 % из них мигрировать в столицу края (а есть еще и другие, менее развитые города). Это количество регулируется наличием в долгосрочном плане рабочих мест (перспективами их нахождения) и стоимостью жилья в Барнауле. Уровень безработицы в Барнауле на протяжении многих лет значительно ниже, чем в Бийске и Рубцовске, не говоря уже о сельской местности.

Через Барнаул проходит Туркестано-Сибирская железнодорожная магистраль, которая потеряла товаро- и пассажирооборот и былую значимость для социально-экономического развития края, но оставляет за собой перспективные возможности при использовании транспортного коридора из Сибири в страны Центральной Азии, в особенности если удастся присоединиться к китайскому проекту «Один пояс, один путь».

Чтобы описать тяготение населения края к его столице, рассмотрим карто-схему распределения населения по региону (рис. 1). Нами выделено три уровня периферии края. Доступ к населенным пунктам 1 радиуса, расположенного в зоне влияния Барнаула, наиболее быстрый. От центра до любого из них можно добраться за время, не превышающее трех часов. Районы, расположенные вне зоны быстрой доступности от центра и находящиеся в отдалении от 150 до 300 км, определены во вторую зону. Остальная часть территории края, за границей зоны в 300 км, выделена нами в дальнюю периферийную зону.

В зоне радиуса 500 км от города расположены крупнейшие ключевые города и агломерации — партнеры Барнаула и края в целом. Благодаря географическому положению город имеет возможность развития торгово-экономических отношений со странами Центрально-Азиатского региона. В зоне 2000 км от краевой

столицы располагаются бывшие республики СССР (Киргизия, Таджикистан, Казахстан и Узбекистан), а также Монголия и Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР. При этом на таком же расстоянии от города почти весь Сибирский федеральный округ (СФО) (рис. 2). Это потенциальный рынок сбыта различных продовольственных товаров, которые по возможности должны пройти все этапы переработки для получения достаточной прибавочной стоимости, машиностроения и других отраслей производства. О перспективах развития приграничного положения края можно посмотреть подробнее у М.Ф. Ткаченко и А.В. Журовой (2017). Но мы считаем, что для экспортно-ориентированного развития экономики Алтайского края важно обязательное переформатирование третичного, а еще лучше создание четвертичного сектора.

По большинству душевых показателей (объем промышленного производства, объем инвестиций в основной капитал, оборот розничной торговли, ввод жилья) город занимает 5—7 место среди региональных столиц СФО. По качеству уровня жизни среди сибирских регионов в 2017 г. Алтайский край занял 7 место, опустившись с 61 на 66 место на федеральном уровне с 2015 г. (Рейтинг регионов РФ..., 2018). Судя по тенденции, качество жизни в регионе будет падать. При этом важно понимать, что Барнаул является одним из немногих крупных муниципальных центров в крае, сохраняющих относительное благополучие населения на фоне депрессивного положения края в целом.

Статистика демонстрирует рост населения Барнаула с 2009 г. на фоне Бийска и Рубцовска, где население убывает, как и в целом по Алтайскому краю (рис. 3).

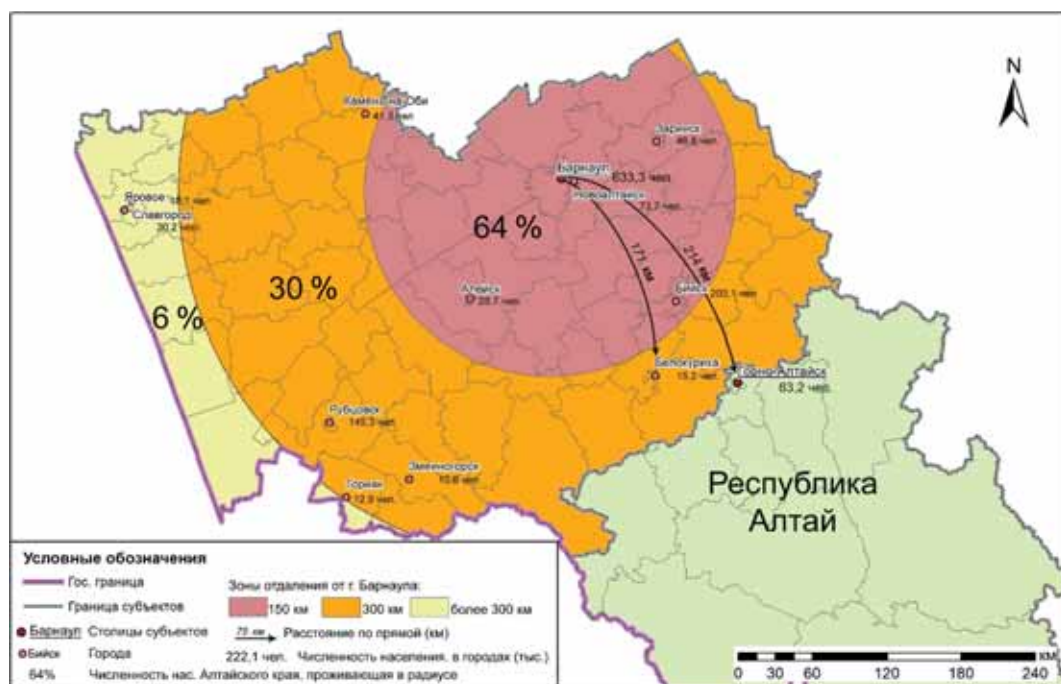

Рис. 1. Картосхема распределения населения на территории края от центра к периферии
[**Figure 1.** Schematic map of population distribution in the region from the center to the periphery]

Источник: данные учета населения Алтайкрайстата.

Рис. 2. Картограмма численности населения в пределах 500 и 2000 км радиуса от Барнаула
 [Figure 2. Schematic map of the population within 500 and 2000 km radius from Barnaul]

Источник: составлено авторами по данным World population 2015. World Population Prospects. URL: <https://esa.un.org/unpd/wpp/Publications/> (дата обращения: 10.03.2018).

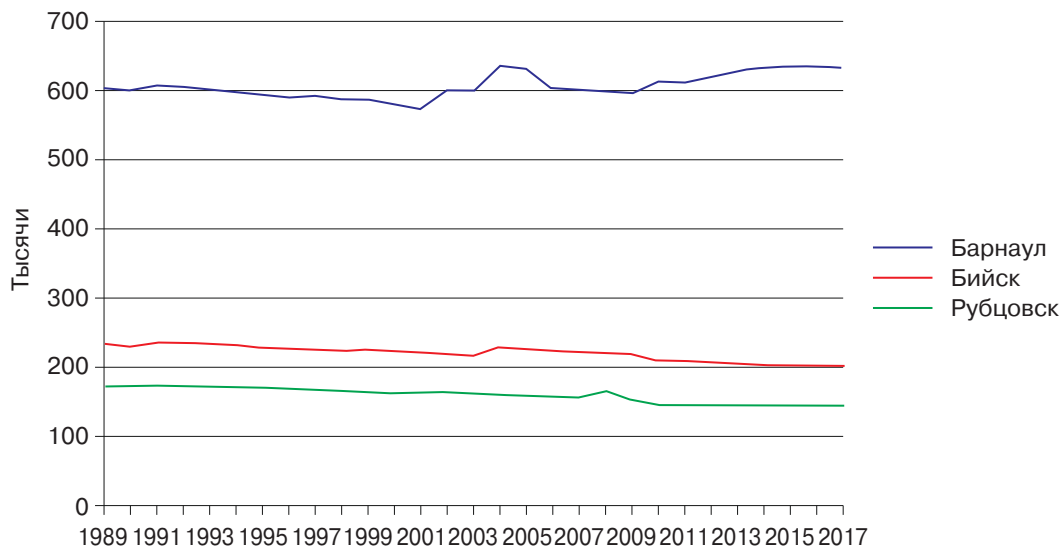

Рис. 3. Изменение численности населения Барнаула и других крупных городов края, тыс. чел.
 [Figure 3. Change in population number of Barnaul and other major cities of the region]

Источник: данные учета населения Алтайкрайстата.

Характер убыли/притока населения в Барнауле носит колебательный характер, что имеет в том числе демографическую природу (разрывы между разновозрастными поколениями и отложенная рождаемость). Так с 2001 по 2004 г. наблюдался резкий скачок в численности населения, сменившийся с 2004 г. убылью вплоть до 2009 г.

Стоит упомянуть, что по доле населения с доходами ниже прожиточного минимума Алтайский край занимает 64 место в общероссийском рейтинге регионов (Рейтинг регионов РФ..., 2018). Также и в других рейтингах, где сделана оценка качества жизни населения столичных и крупных городов России, Барнаул занимает последовательно низкие места. Например, в рейтинге «Лучшие города России» Барнаула нет даже в сотне (Горбачёва, 2014). В другом рейтинге, где отдельные российские города оценивались по качеству жизни, Барнаул занял 60 место (Полный рейтинг 250 городов России..., 2017).

С 2014 г. фиксируется интенсивная застройка города (табл. 1). При этом Барнаул — явный лидер среди других городов Алтайского края по ежегодному вводу в эксплуатацию жилых домов (табл. 2), Бийск и Рубцовск отстают по данному показателю примерно в 3 и 17 раз соответственно.

Таблица 1/ Table 1

**Ввод жилья по крупным городам Сибирского федерального округа
и Алтайского края, м² на душу населения
[Housing construction in large cities of the Siberian Federal District, m² per capita]**

Город	Год			
	2010	2013	2014	2015
Новосибирск	0,69	0,76	0,93	1,09
Красноярск	0,64	0,68	0,58	0,66
Томск	0,65	0,64	0,68	0,75
Кемерово	0,44	0,51	0,51	0,52
Омск	0,3	0,48	0,54	0,48
Барнаул	0,58	0,53	0,65	0,87
Бийск	0,09	0,23	0,23	0,26
Рубцовск	0,09	0,06	0,06	0,05

Источник: рассчитано авторами на основании данных статистических сборников Росстата «Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов» за 2010—2016 гг.

Ряд факторов обуславливает положительные стороны экономико-географического положения (ЭГП) края. К таковым в первую очередь относится расположение края на южной оконечности СФО. Привлекательность региона как сельскохозяйственного центра обусловила большую долю населения, проживающего в сельской местности (табл. 2). На данный момент — 43,7 %. Эта цифра ежегодно постепенно снижается, но в пределах СФО по общей численности сельского населения Алтайский край — лидер и пятый в России (Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г., 2017).

Климатические ресурсы и предгорное положение края формируют привлекательность его туристско-рекреационного потенциала. Барнаулу необходимо вписаться в данную специализацию не только в качестве транзитного пункта, но как важный сервисный центр. Развитие пригородного и дачного хозяйства создает

дополнительное преимущество по сравнению с другими значимыми столицами Сибири. По количеству личных дачных хозяйств Алтайский край лидирует среди других регионов СФО (Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года, 2017). Экологизация жизни и мода на потребление натуральных продуктов питания ведет к смене миграционно-демографического поведения.

Таблица 2/ Table 2

Численность сельского населения СФО по субъектам (%)
[Number of rural population of the Siberian Federal District by subjects (%)]

	Сельское население				
	2005	2013	2014	2015	2016
СФО	28,8	27,5	27,3	27,1	27,0
Республика Алтай	73,8	71,0	70,8	70,8	70,8
Республика Бурятия	43,6	41,2	41,1	41,0	41,1
Республика Тыва	48,1	46,0	46,1	45,8	46,0
Республика Хакасия	29,2	31,9	31,5	31,2	30,9
Алтайский край	46,0	44,2	44,0	43,8	43,7
Забайкальский край	35,8	32,9	32,6	32,3	32,0
Красноярский край	24,3	23,6	23,3	23,0	22,8
Иркутская область	20,7	20,6	21,1	21,0	21,1
Кемеровская область	14,9	14,4	14,3	14,2	14,2
Новосибирская область	24,2	21,8	21,5	21,3	21,1
Омская область	29,6	28,1	27,8	27,6	27,4
Томская область	31,4	28,4	28,1	27,8	27,7

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 42.

Регион будет развиваться, только если в столице, которая является основным поглотителем населения, произойдут позитивные хозяйственные изменения. Мы согласны с Н.В. Зубаревич (2010) в необходимости стимулирования инвестиций для создания новых рабочих мест и улучшения социальной среды города. Также необходима городская эффективность, а не просто бесконечное расширение административно-бюрократического аппарата и развитие сектора услуг для внутреннего потребления.

Заключение

Авторы изучили демографические тенденции, вызванные социально-экономическими причинами, отмеченные в других городах и регионах государства. Итогом данной работы стали следующие выявленные факторы, оказавшие максимальное влияние на рост населения краевой столицы:

1. Край занимает южное положение среди территорий Сибири и Востока с комфортным в целом климатом в Барнауле.
2. Отток населения в Барнаул не лимитирован малой людностью региона.
3. Стоимость жизни и создания всей социально-жилищной инфраструктуры самая низкая среди региональных столиц Сибири.

4. Нет ни водных, ни экологических, ни каких-либо других неудобств местности или ограничений роста города.

5. Относительно рядом, по сибирским меркам, находятся известные рекреационно-аттрактивные места — курорт Белокуриха, Горный Алтай, соленые озера, реликтовый бор, а также двухмиллионная новосибирская агломерация с ее культурно-деловым потенциалом.

6. Совокупный демографический потенциал города не низок, что способствует развитию здесь досугово-развлекательного комплекса и социоэкономики в достаточном объеме и качестве для большинства местного населения.

7. Технологический прогресс и инновации, с одной стороны, позволяют гораздо меньшему населению в сельской местности получать в том же или большем количестве аграрную продукцию. С другой стороны, многое будет зависеть от того, сможет ли столица воспользоваться своим приграничным потенциалом и стать транзитно-центральным местом для кооперации с соседними территориями, максимально используя естественные и приобретенные возможности.

8. Экономические факторы важны для выбора места жительства, в особенности молодежью, но также влияют фактор адаптации к другим условиям и комфортность дальнейшего пребывания.

Мы видим место краевой столицы как своеобразного центра многомиллионной территории, где за счет синергетического эффекта и правильного использования преимуществ ЭГП города есть возможность поступательного социально-экономического развития целого региона. В то же время, каждый крупный город должен найти свою идентичность и конкурентную стратегию для привлечения инвестиций, экономически выгодных функций и квалифицированных трудовых ресурсов.

© Кротов А.В., Маменов С.Д., Баталов Р.О., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Список литературы

База данных показателей муниципальных образований. Алтайский край // Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst84/DBInet.cgi> (дата обращения: 16.05.2018).

Безруков Л.А. *Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии* / отв. ред. Б.М. Ишмуратов; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т географии. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2008. 369 с.

Горбачева С. *Лучшие города России* // Секрет фирмы. 2014. № 4. С. 53—55.

Зубаревич Н.В. *Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала* // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 5—19.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 02.03.2018).

Ланно Г.М. *Города — центры единиц административно-территориального деления России* // Россия и ее регионы в XX в.: территория, расселение, миграции / под ред. О. Глезер, П. Поляна. М.: О.Г.И., 2005. С. 281—307.

- Миронова М.Н., Кузнецова Н.Г., Шолудько А.Н.* Типы городов Транссибирской магистрали России: динамика численности населения и промышленных функций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2017. Т. 25 № 4. С. 553—565.
- Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И.* Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 60—69.
- Полный рейтинг 250 городов России по качеству жизни // Domofond.ru: издание о недвижимости. 19 декабря 2017. URL: https://www.domofond.ru/statya/polnyy_reyting_250_gorodov_rossii_po_kachestvu_zhizni/6764 (дата обращения: 08.03.2018).
- Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: в 2 т. // Федеральная служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2017.
- Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016. 442 с.
- Рейтинг регионов РФ по качеству жизни — 2017 // РИА Рейтинг. 2018. URL: <http://riarating.ru/infografika/20180214/630082471.html> (дата обращения: 07.03.2018).
- Ткаченко М.Ф., Журова А.В.* Факторы и потенциал приграничного сотрудничества регионов государств — членов ЕАЭС // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2017. Т. 25 № 3. С. 319—332.
- Fielding A.* Migration and counter urbanization in Western Europe since 1950 // *Geographical Journal*. 1989. No. 155. P. 62.
- The market of shopping centers in cities of Russia 2017. TOP-20 // Rilos company. 2017. URL: <https://geomatrix-retail.com/the-market-of-shopping-centers-in-russia-2017/> (дата обращения: 16.05.2018).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 мая 2018

Дата проверки: 12 августа 2018

Дата принятия к печати: 24 сентября 2018

Для цитирования:

Кротов А.В., Маменов С.Д., Баталов Р.О. Факторы роста населения Барнаула в XXI в.: зависимость от социально-экономического развития Алтайского края и возможностей интенсификации его приграничного взаимодействия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2018. Т. 26. № 3. С. 447—457. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-447-457

Сведения об авторах:

Кротов Александр Викторович, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии и картографии Алтайского государственного университета. *Контактная информация:* e-mail: krotov_av@mail.ru

Маменов Сергей Даниярович, аспирант кафедры экономической географии и картографии Алтайского государственного университета. *Контактная информация:* e-mail: Seregamamenov23@mail.ru

Баталов Роман Олегович, студент кафедры физической географии и геоинформационных систем 4 курса географического факультета Алтайского государственного университета. *Контактная информация:* e-mail: romanbat777@gmail.com

The growth factors of Barnaul's population in the 21st century: dependence on the social and economic development of Altay Krai and possibilities of intensification of its border interaction

A.V. Krotov, S.D. Mamenov, R.O. Batalov

Altai State University
61 Lenina Ave., Barnaul, 656049, Altai Krai, Russian Federation

Abstract. In the article the analyzing of raised up the population in Barnaul city is shown. Despite the fact of social and economic favorable conditions there are the common facts of growth the population in the city. Also you can see the characteristics of economics and geographic location and the comparison of quality of life in Russia. The authors created two schemes to simplify the location, to give some directions and to show the progress in branches of production. Using this store you can see the best supply to make your business competitive in this region. Also the migrants take social economics in consideration of choosing the place to live in.

Keywords: Altai Krai, Barnaul, depressive, socioeconomics, migration, population growth

References

- Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. (2018). *Baza dannykh pokazateley munitsipalnykh obrazovaniy. Altayskiy kray.* Available at: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst84/DBInet.cgi>
- Bezrukov L.A. (2008). *Kontinentalno-okeanicheskaya dikhotomiya v mezhdunarodnom i regionalnom razvitiy.* Novosibirsk: Geo Publ., 369. (In Russ.)
- Gorbacheva S. (2014). Luchshiy goroda Rossii. *Sekret firmy*, (4), 53—55. (In Russ.)
- Zubarevich N.V. (2010). Goroda kak tsentry modernizatsii ekonomiki i chelovecheskogo kapitala. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost*, (5), 5—19. (In Russ.)
- Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya.* (2010). Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
- Lappo G.M. (2005). Goroda — tsentry edinit administrativno-territorialnogo deleniya Rossii. In: Glezer O., Polyana P. (eds.). *Rossiya i eye regiony v XX veke: territoriya, rasseleniye, migratsii.* Moscow: O.G.I. Publ., 281—307. (In Russ.)
- Mironova M.N., Kuznetsova N.G., Sholudko A.N. (2017). Tipy gorodov Transsibirskoy magistrali Rossii: dinamika chislennosti naseleniya i promyshlennykh funktsiy. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Ekonomika*, 25(4), 553—565. (In Russ.)
- Nefedova T.G., Pokrovskiy N.E., Treyvish A.I. (2015). Urbanizatsiya, dezurbanizatsiya i sel'sko-gorodskiy soobshchestva v usloviyakh rosta gorizontальной mobilnosti. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, (12), 60—69. (In Russ.)
- Domofond.ru: izdaniye o nedvizhimosti. (19 dek. 2017). *Polnyy reyting 250 gorodov Rossii po kachestvu zhizni.* Available at: https://www.domofond.ru/statya/polnyy_reyting_250_gorodov_rossii_po_kachestvu_zhizni/6764
- Federalnaya sluzhba gos. statistiki. (2017). *Predvaritelnyye itogi Vserossiyskoy sel'skokhozyaystvennoy perepisi 2016 goda.* Moscow: Statistika Rossii Publ.
- Rosstat. (2016). *Regiony Rossii. Osnovnyye sotsialno-ekonomicheskiye pokazateli gorodov.* 2016: stat. sb. Moscow, 442.

- RIA Reyting. (2018). *Reyting regionov RF po kachestvu zhizni — 2017*. Available at: <http://riarating.ru/infografika/20180214/630082471.html>
- Tkachenko M.F., Zhurova A.V. (2017). Faktory i potentsial prigranichnogo sotrudnichestva regionov gosudarstv — chlenov EAES. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika*, 25(3), 319—332. (In Russ.)
- Fielding A. (1989). Migration and counter urbanization in Western Europe since 1950. *Geographical Journal*, (155), 62.
- Rilos company. (2017). *The market of shopping centers in cities of Russia 2017. TOP-20*. Available at: <https://geomatrix-retail.com/the-market-of-shopping-centers-in-russia-2017/>

Article history:

Received: 20 May 2018

Revised: 12 August 2018

Accepted: 24 September 2018

For citation:

Krotov A.V., Mamenov S.D., Batalov R.O. (2018). The growth factors of Barnaul's population in the 21st century: dependence on the social and economic development of Altay Krai and possibilities of intensification of its border interaction. *RUDN Journal of Economics*, 26(3), 447—457. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-447-457

Bio Note:

Krotov Alexander Viktorovich, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Geography and Cartography of the Altai State University. *Contact information*: e-mail: krotov_av@mail.ru

Mamenov Sergey Daniyarovich, Postgraduate Student of the Department of Economic Geography and Cartography of the Altai State University. *Contact information*: e-mail: Seregamamenov23@mail.ru

Batalov Roman Olegovich, 4th Student of the Department of Physical Geography and GIS 4 courses of the Geographical Faculty of the Altai State University. *Contact information*: e-mail: romanbat777@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-458-467

УДК 332.1:332.145

Влияние государственной поддержки на уровень социально-экономического благосостояния региона (на примере Северо-Кавказского федерального округа)

В.В. Миненкова, А.В. Коновалова

Кубанский государственный университет
Российская Федерация, 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149

В статье анализируются региональные социально-экономические различия регионов Северо-Кавказского федерального округа после введения в действие государственной программы Российской Федерации «Развитие Северо-Кавказского федерального округа на период до 2025 года», а также влияние проводимых в рамках госпрограммы мероприятий на дифференциацию регионов по основным социально-экономическим показателям развития. Анализ показал, что действующая в регионе государственная программа является эффективной, оказывает влияние на направления, нуждающиеся в финансировании, тем самым улучшая уровень социально-экономического положения и благосостояния региона.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, социально-экономическая дифференциация регионов, уровень регионального развития, региональная политика, государственная программа, Северо-Кавказский федеральный округ

Введение

Социально-экономическое положение и развитие регионов России является предметом изучения многих экономико-географов. Объективно, дифференциацию социально-экономического положения регионов России предопределяет ряд факторов (их наличие или отсутствие): полезные ископаемые, промышленность, сельское хозяйство, трудовые ресурсы и др. Несмотря на предопределенные различия в уровне социально-экономического развития, государством активно проводится политика, направленная на оптимизацию социально-экономической ситуации, снятие социально-экономической напряженности в регионах.

Субъекты Северо-Кавказского федерального округа с 2010 г. занимают худшие позиции по основным социально-экономическим показателям. Поэтому регион давно нуждается в продуманной политике, направленной на улучшение состояния экономики, социальной сферы и инфраструктуры, сглаживание региональных социально-экономических диспропорций, улучшение уровня благосостояния региона.

Обзор литературы

Вопросам социально-экономического развития в современных исследованиях предаются огромное значение. Так, в разное время социально-экономическими

исследованиями занимались отечественные и зарубежные экономико-географы, экономисты, регионоведы, среди которых особое значение имеют работы А.Г. Гранберга (Гранберг, 2003, 2007), Е.Н. Дертишниковой (Дертишникова, 2011), С.В. Зуевой (Зуева, 2012), В.Г. Игнатова (Игнатов, 2007), В.В. Смирнова (Смирнов, 2007), У. Айзарда (Айзард, 1966).

Вопросы, связанные с изучением разносторонних аспектов, характерных для исследуемого региона, нашли отражение в работах М.Ю. Беликова (Беликов, 2002), Г.С. Гужина (Гужин, 2011).

Методология исследования

При проведении научного исследования были использованы следующие методы: эмпирический (сбор научных материалов и анализ литературы по проблеме), общенаучный, сравнительный, статистический.

На основе собранного материала, авторами был проведен ряд исследований:

а) анализ социально-экономического положения Северо-Кавказского федерального округа за период с 2010 по 2016 г.;

б) анализ годовых отчетов о ходе реализации государственной программы РФ «Развитие Северо-Кавказского федерального округа на период до 2025 года» за 2015 и 2016 гг.;

в) оценка эффективности государственной программы и ее влияние на социально-экономическое развитие региона.

Для оценки уровня социально-экономического положения субъекта нами были проанализированы следующие показатели (по сферам):

а) уровень экономического развития региона:

- 1) валовой региональный продукт на душу населения;
- 2) объем инвестиций в основной капитал на душу населения;
- 3) уровень зарегистрированной безработицы;
- 4) среднедушевой денежный доход населения;

б) уровень развития социальной сферы:

- 1) ожидаемая продолжительность жизни при рождении;
- 2) коэффициент младенческой смертности;
- 3) общая численность детей, не обучающихся в образовательных организациях;
- 4) количество посещений организаций культуры по отношению к уровню

2010 г.;

в) уровень развития инфраструктуры:

- 1) плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием;
- 2) число активных абонентов фиксированного и мобильного широкополосного доступа к сети Интернет.

Перечень показателей для анализа выбран объективно с учетом различных разработанных методик комплексной оценки социально-экономического развития регионов, в том числе с учетом современного общественного развития.

Обработка материалов осуществлялась при помощи методов классификации и группировок. Репрезентативность системы показателей и выбранные источники данных позволяют судить о высокой достоверности выводов, сделанных в работе.

Северо-Кавказский федеральный округ: история и аспекты образования

Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО) был образован 19 января 2010 г. посредством выделения из структуры Южного федерального округа. В состав новообразованного федерального округа вошли следующие субъекты Российской Федерации: Карачаево-Черкесская Республика, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия — Алания, Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Республика Дагестан и Ставропольский край.

Одной из причин образования СКФО стала заметная социально-экономическая дифференциация регионов. Так, до 2010 г. в регионе сохранялся значительный разрыв по уровню социально-экономического развития между богатым Севером (такие регионы, как Ростовская область, Краснодарский край и др.) и бедным Югом (преимущество республики Северного Кавказа).

Программа «Развитие Северо-Кавказского федерального округа на период до 2025 года»

Большинство субъектов Северо-Кавказского федерального округа на протяжении почти трех десятилетий (начиная с 1990-х гг.) являются высоко дотационными регионами РФ. Одним из механизмов, направленных на снижение уровня дотационности бюджетов субъектов Российской Федерации, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа, является государственная программа «Развитие Северо-Кавказского федерального округа на период до 2025 года». Госпрограмма была утверждена Постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 309 (последняя редакция от 27.02.2016 № 148). Основными точками приложения в госпрограмме стали экономика регионов, социальная сфера и инфраструктура.

На сегодняшний день первый этап реализации государственной программы «Развитие Северо-Кавказского федерального округа на период до 2025 года» завершен (с 2013 по 2015 г.). Главная задача первого этапа госпрограммы заключалась в реализации проектов, направленных на улучшение социальной сферы и инфраструктуры. Для выполнения поставленной задачи из федерального бюджета было выделено 40 906 865,2 рублей.

Таблица/Table

**Этапы реализации Программы и их финансирование из федерального бюджета
[Stages of implementation of the Program and their financing from the federal budget]**

Этап	Годы	Финансирование (руб.)	Основные направления
I этап (завершен)	2013	10 773 221,3	улучшение социальной сферы и инфраструктуры
	2014	9 621 127,1	
	2015	20 512 516,8	
II этап	2016	13 345 888,1	развитие экономики
	2017	31 846 877,1	

Источник: Министерство Российской Федерации по делам Северного Кавказа. URL: <http://www.minkavkaz.gov.ru> (дата обращения: 26.03.2018).

С 2016 г. началась реализация второго этапа госпрограммы, основная цель которого заключается в развитии экономики СКФО. На осуществление мероприятий в 2016 и 2017 гг. из средств федерального бюджета было выделено 13 345 888,1 и 31 846 877,1 рублей соответственно (см. табл.).

Таким образом, несмотря на короткий срок реализации госпрограммы, мы можем оценить степень ее социально-экономической эффективности. Для этого нами были изучены основные индикаторы социально-экономического развития регионов, особенно их динамические изменения в период реализации программы.

Результаты

Выбранные для изучения макроэкономические показатели за период с 2010 (образование СКФО) по 2016 г. (актуальные статистические данные) позволяют говорить о существенных переменах в экономиках регионов СКФО (рис. 1—4):

- а) объем валового регионального продукта для каждого субъекта вырос в 1,5 и более раз;
- б) увеличился объем инвестиций в основной капитал на душу населения;
- в) уровень безработицы существенно снизился;
- г) среднедушевые денежные доходы выросли (в отдельных субъектах СКФО более чем в 2 раза).

Улучшение и развитие социальной сферы в субъектах СКФО — приоритетное направление первого этапа реализации государственной программы. Поэтому при анализе показателей, выбранных для характеристики этой сферы, были выявлены положительные тенденции (рис. 5—8):

- а) ожидаемая продолжительность жизни выросла (максимальный показатель в регионе и в России отмечен в 2016 г. в Республике Ингушетия);
- б) коэффициент младенческой смертности значительно снизился (значительная динамика отмечена в Чеченской Республике — с 21 до 10 ‰);
- в) снижается уровень безграмотности населения (численность не обучающихся в образовательных организациях детей снизилась);
- г) культура является важной составляющей социальной среды, и можно отметить, что уровень культуры в регионах СКФО с каждым годом растет.

Инфраструктура играет важную роль при анализе социально-экономического развития региона. Особое значение отводится транспортной инфраструктуре, поэтому анализ такого показателя, как плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием из расчета на 1000 км² территории является важным, особенно для горной местности (увеличивается доступность территории). Так, за последние годы ситуация с автомобильными дорогами в субъектах Северо-Кавказского федерального округа значительно улучшилась (рис. 9).

Современное общество немыслимо без сети Интернет, в связи с чем анализ числа активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет является весьма объективным индикатором уровня развития инфраструктуры (абоненты мобильного доступа к сети Интернет не были рассмотрены ввиду необъективных результатов обработки: значительную долю пользователей могут составлять приезжающие в субъекты СКФО туристы и рекреанты) (рис. 10).

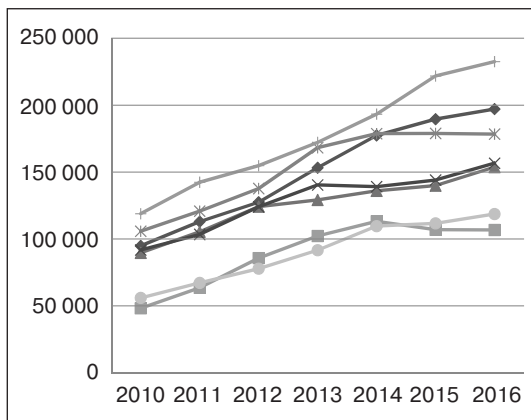

Рис. 1. Валовой региональный продукт на душу населения, руб.
[Figure 1. Gross regional product per capita, rubles]

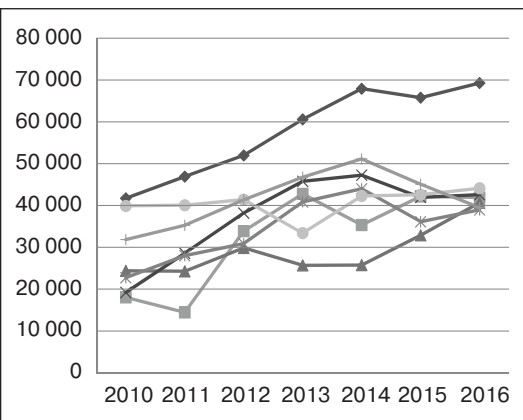

Рис. 2. Объем инвестиций в основной капитал на душу населения, руб.
[Figure 2. Volume of investment into fixed capital per capita, rubles]

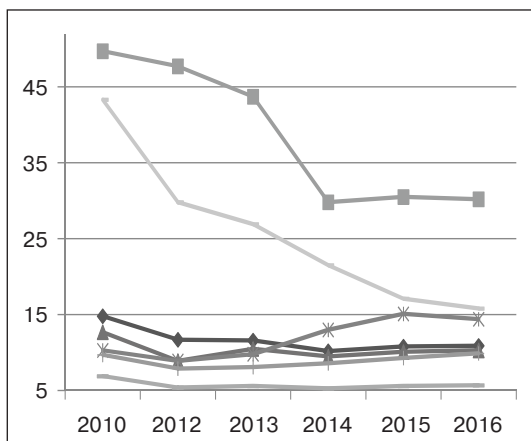

Рис.3. Уровень безработицы, %
[Figure 3. Unemployment rate, %]

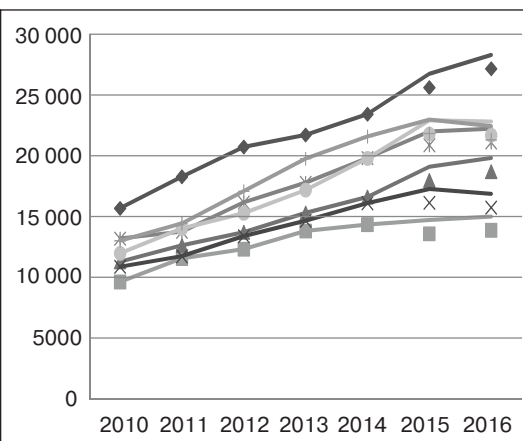

Рис. 4. Среднедушевые денежные доходы населения (руб./мес.)
[Figure 4. Average monetary per capita income of the population (rubles/month)]

Условные обозначения к рисункам [Legend to the figures]:

- +— Ставропольский край [Stavropol Krai]
- Чеченская Республика [Chechen Republic]
- *— Республика Северная Осетия — Алания [Republic of North Osetia — Alania]
- x— Карачаево-Черкесская Республика [Karachay-Cherkess Republic]
- ▲— Кабардино-Балкарская Республика [Kabardino-Balkar Republic]
- Республика Ингушетия [Republic of Ingushetia]
- ◆— Республика Дагестан [Republic of Dagestan]

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2016.

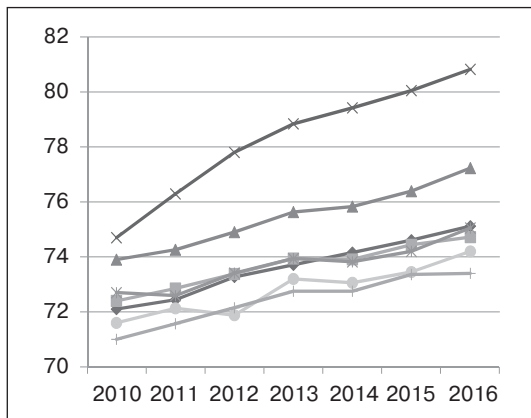

Рис. 5. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет
 [Figure 5. The expected life expectancy at the birth, years]

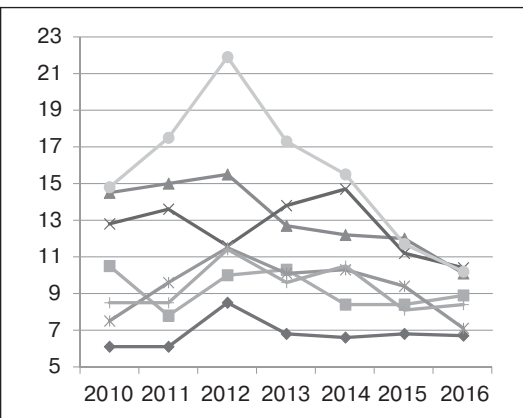

Рис. 6. Коэффициент младенческой смертности, ‰
 [Figure 6. Coefficient of infantile mortality, ‰]

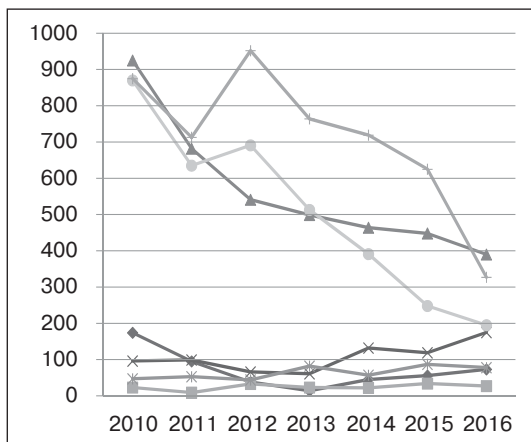

Рис. 7. Общая численность детей, не обучающихся в образовательных организациях, чел.

[Figure 7. Total number of the children who aren't studying in the educational organizations, persons]

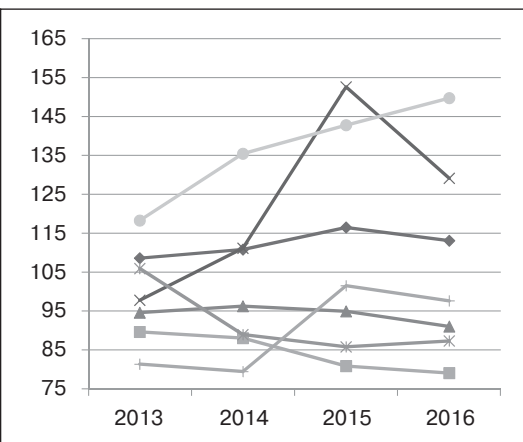

Рис. 8. Количество посещений организаций культуры по отношению к уровню 2010 г.

[Figure 8. The number of visits of the organizations of culture in relation to the level of 2010]

Условные обозначения к рисункам [Legend to the figures]:

- +— Ставропольский край [Stavropol Krai]
- Чеченская Республика [Chechen Republic]
- *— Республика Северная Осетия — Алания [Republic of North Osetia — Alania]
- x— Республика Ингушетия [Republic of Ingushetia]
- ▲— Республика Дагестан [Republic of Dagestan]
- Карачаево-Черкесская Республика [Karachay-Cherkess Republic]
- ◆— Кабардино-Балкарская Республика [Kabardino-Balkar Republic]

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2016.

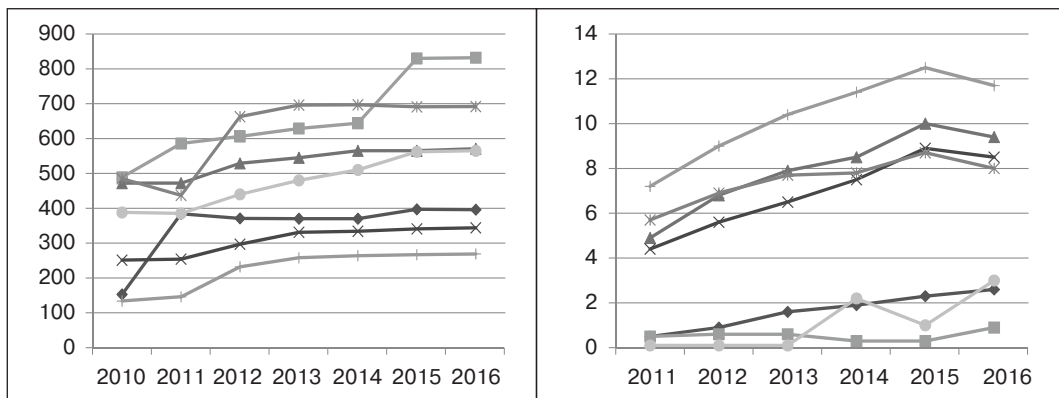

Рис. 9. Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, км путей на 1000 км² территории

[Figure 9. Density of public highways with a hard coating, km of ways on 1000 km² of the territory]

Рис. 10. Число активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет на 1 чел., единиц

[Figure 10. Number of active subscribers of the fixed broadband Internet access on 1 person, units]

Условные обозначения к рисункам [Legend to the figures]:

- +— Ставропольский край [Stavropol Krai]
- Чеченская Республика [Chechen Republic]
- *— Республика Северная Осетия — Алания [Republic of North Osetia — Alania]
- x— Карачаево-Черкесская Республика [Karachay-Cherkess Republic]
- ▲— Кабардино-Балкарская Республика [Kabardino-Balkar Republic]
- Республика Ингушетия [Republic of Ingushetia]
- ◆— Республика Дагестан [Republic of Dagestan]

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2016.

Заключение

Выполненный анализ социально-экономических индикаторов от даты образования Северо-Кавказского федерального округа до современных реалий позволяет объективно судить о социально-экономическом положении субъектов федерального округа. Экономика, социальная сфера и инфраструктурный комплекс устойчиво и динамично развиваются.

Действующие в рамках государственной программы «Развитие Северо-Кавказского федерального округа на период до 2025 года» подпрограммы в отчете Министерства Российской Федерации по делам Северного Кавказа за 2016 г. признаны эффективными, таким образом эффективность госпрограммы подтверждается.

Роль государственной поддержки неоспорима: регионы нуждаются в финансировании. Реализующаяся на территории Северо-Кавказского федерального округа государственная программа очевидное тому подтверждение: без финансирования различных отраслей экономики и социальной сферы положительные

тенденции (со значительной динамикой) были бы невозможными. Поэтому Правительству Российской Федерации не следует урезать денежные вливания из федерального бюджета, а возможно и вовсе увеличить их.

© Миненкова В.В., Коновалова А.В., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Список литературы

- Айзард У.* Методы регионального анализа: введение в науку о регионах / пер. с англ. В.М. Гохмана, Ю.Г. Липеца, С.Н. Тагера. М.: Прогресс, 1966. 660 с.
- Беликов М.Ю.* Северный Кавказ: реалии социально-экономической сферы на пороге тысячелетия (географический аспект) / отв. ред. Г.С. Гужин; М-во образования Рос. Федерации; Сев.-Кавказ. науч. центр высш. школы; Кубанский гос. ун-т. Краснодар, 2002. 408 с.
- Гранберг А.Г.* и др. Движение регионов России к инновационной экономике / предисл. А.Г. Гранберга; под ред. А.Г. Гранберга, С.Д. Валентея. М.: Наука, 2006. 401 с.
- Гранберг А.Г.* Основы региональной экономики: учебник для студентов вузов / Гос. ун-т «Высшая школа экономики». 3-е изд. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 494 с.
- Гужин Г.С., Астанов М.Б., Комаревцева Н.А.* Упущенные или потенциальные возможности развития республик Северного Кавказа // Горные регионы: XXI век: сборник науч. трудов. Владикавказ: СОГУ, 2011. С. 153—164.
- Дертишникова Е.Н.* Комплексная оценка социально-экономического развития региона // Проблемы развития территории. 2011. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnaya-otsenka-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-regiona> (дата обращения: 26.03.2018).
- Зуева С.В.* Зарубежный опыт социально экономического развития территорий // Вестник НГИЭИ. 2012. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-territoriy> (дата обращения: 26.03.2018).
- Игнатов В.Г., Бутов В.И.* Южная Россия и ее регионы. 2-е изд. М.; Ростов н/Д: МарТ, 2007. 319 с.
- Смирнов В.В.* Методика оценки эффективности социально-экономического развития региона // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2007. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-otsenki-effektivnosti-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-regiona> (дата обращения: 26.03.2018).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 26 марта 2018

Дата проверки: 05 августа 2018

Дата принятия к печати: 10 сентября 2018

Для цитирования:

Миненкова В.В., Коновалова А.В. Влияние государственной поддержки на уровень социально-экономического благосостояния региона (на примере Северо-Кавказского федерального округа) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2018. Т. 26. № 3. С. 458—467. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-458-467

Сведения об авторах:

Миненкова Вера Владимировна, кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической, социальной и политической географии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет». *Контактная информация*: e-mail: minenkova@inbox.ru

Коновалова Анна Витальевна, аспирант кафедры экономической, социальной и политической географии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет». *Контактная информация*: e-mail: konovalovann18@mail.ru

Influence of the state support on the level of social and economic welfare (case study of the North Caucasian Federal District)

V.V. Minenkova, A.V. Konovalova

Kuban State University
149 Stavropolskaya St., Krasnodar, 350040, Russian Federation

Abstract. In article regional social and economic distinctions of regions of the North Caucasian Federal District after enforcement of the state program of the Russian Federation “Development of the North Caucasian Federal District until 2025” are analyzed; influence of the events held within the state program on differentiation of regions for the main socio-economic indexes of development. The analysis has shown that the state program existing in the region is effective, exerts impact on the directions needing financing thereby improving the level of economic and social situation and welfare of the region.

Keywords: social and economic development, social and economic differentiation of regions, level of regional development, regional policy, state program, North Caucasian Federal District

References

- Aizard U. (1966). *Metody regional'noy analiza: vvedenie v nauku o regionakh*. Moscow: Progress Publ., 660. (In Russ.)
- Belikov M.Yu. (2002). *Severnii Kavkaz: realii socialno-ekonomicheskoi sferi na poroge tisyacheletiya: geograficheskii aspekt*. Krasnodar, 408. (In Russ.)
- Granberg A.G. et al. (2006). *Dvijenie regionov Rossii k innovacionnoi ekonomike*. Moscow: Nauka Publ., 401. (In Russ.)
- Granberg A.G. (2003). *Osnovi regionalnoi ekonomiki: uchebnik dlya studentov vuzov*. 3 ed. Moscow: GU VShE Publ., 494. (In Russ.)
- Guzhin G.S., Astapov M.B., Komarevtseva N.A. (2011). Upushchennye ili potentsial'nye vozmozhnosti razvitiya respublik Severnogo Kavkaza. *Gornye regiony: XXI vek: sbornik nauch. trudov*. Vladikavkaz: SOGU Publ., 153—164. (In Russ.)
- Dertishnikova E.N. (2011). Kompleksnaya ocenka socialno-ekonomicheskogo razvitiya regiona. *Problemi razvitiya territorii*, (1). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnaya_otsenka_sotsialno_ekonomicheskogo_razvitiya_regiona (In Russ.)
- Zueva S.V. (2012). Zarubejnii opit socialno ekonomicheskogo razvitiya territorii. *Vestnik NGIEI*, (1). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy_opyt_sotsialno_ekonomicheskogo_razvitiya_territoriy (In Russ.)

Ignatov V.G., Butov V.I. (2007). *Yujnaya Rossiya i ee regiony*. 2 ed. Moscow; Rostov n/D: MarT Publ., 319. (In Russ.)

Smirnov V.V. (2007). Metodika ocenki effektivnosti socialno-ekonomicheskogo razvitiya regiona. *Izvestiya VUZov. Povoljskii region. Obschestvennie nauki*, (2). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/metodika_otsenki_effektivnosti_sotsialno_ekonomicheskogo_razvitiya_regiona (In Russ.)

Article history:

Received: 26 March 2018

Revised: 05 August 2018

Accepted: 10 September 2018

For citation:

Minenkova V.V., Konovalova A.V. (2018). Influence of the state support on the level of social and economic welfare (case study of the North Caucasian federal district). *RUDN Journal of Economics*, 26(3), 458—467. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-458-467

Bio note:

Minenkova V.V., Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Economic, Social and Political Geography, Kuban State University. *Contact information:* e-mail: minenkova@inbox.ru

Konovalova A.V., Postgraduate Student, the Department of Economic, Social and Political Geography, Kuban State University. *Contact information:* e-mail: konovalovann18@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-468-478

УДК 332.143

Оценка экономического пространства России на основе выделения зон роста и упадка численности городского населения

А.А. Соколов, О.С. Руднева

Институт степи Уральского отделения РАН
Российская Федерация, 460000, Оренбург, ул. Пионерская, 11

Развитие экономического пространства России — процесс длительный, сочетающий географические, исторические, социально-экономические и демографические аспекты. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью научного анализа процессов урбанизации, выявления территорий страны с увеличивающимся и уменьшающимся городским населением, формированием центров роста городов как потенциала устойчивой территориальной организации регионов и страны в целом. В статье проведено исследование современной структуры городского расселения России и пространственной дифференциации системы городов. Выполнен анализ динамики численности населения по всем городам России с распада СССР до настоящего времени. В результате исследования установлено, что сеть городов претерпевает структурные изменения. Всего на территории страны сформировались две крупные зоны с сокращающимся городским населением и шесть зон меньшего масштаба, в которых городское население увеличилось. Выделены территории экономического роста и упадка.

Ключевые слова: региональная экономика, территории роста и упадка, экономико-географическое районирование, урбанизация, городское население

Введение

Формирование сбалансированного по всей стране экономического пространства невозможно без оценки уровня урбанизации. В России процесс урбанизации протекал в советский период — период бурного роста городов, развертывания индустриализации, интенсивного вовлечения в хозяйственный оборот природных богатств в районах, отдаленных от плотно заселенной местности, освоения остальных окраин. По мере того как промышленность набирала силу и превращалась в ведущую отрасль материального производства, урбанизация становилась преобладающим направлением пространственной организации жизнедеятельности общества. Коренные изменения в характере развития и географии хозяйства привели к увеличению подвижности населения, значительным переселениям, которые одновременно были и неизбежным следствием, и неперемным условием происходящих преобразовательных процессов (Берова, Сабанчиев, 2010). В современной России в целом замечена тенденция концентрации экономической активности в наиболее крупных городах страны при снижении в небольших. В го-

родах происходят сдвиги в хозяйственной деятельности, в частности промышленной, определяющие динамику численности, миграции и структуру занятости населения (Миронова, Кузнецова, Шолудько, 2017).

Обзор литературы

Проблематика развития городов и их влияния на формирование экономического пространства стала активно изучаться со второй половины XX в. Наиболее широко это направление рассматривается в следующих трудах: основные классификации городов, направления их развития (Саушкин, 2001; Полян, 2014; Лаппо, 2012), особенность экономических и демографических процессов в регионах (Качурина, Мкртчян, 2016), советская урбанизация и ее роль в освоение пространства (Сенявский, 1995), урбанизационные процессы в регионах России (Нефедова, Трейвиш, 2002). Теоретико-методологической базой работы также послужили научные труды об экономическом пространстве, его структуре и специфике (Гатауллин, 2014), а также проблемы и перспективы его развития (Анимица, Сурнина, 2006).

Методы и подходы

В ходе работы были применены методологические приемы, свойственные экономико-географическим аспектам исследования процессов формирования, развития и размещения, городских поселений. Проведен статистический анализ динамики городского населения России. Эмпирической базой исследования послужили данные переписей населения (всесоюзной и всероссийской). Для выделения зон роста и упадка численности городского населения были использованы методы группировки и экспертной оценки, что способствовало проведению районирования территории России по уровню потенциального развития экономически освоенного пространства.

Пространственная дифференциация экономического пространства и урбанистическая структура современной России

Урбанистическая структура как понятие является одним из важнейших структурных элементов в изучении экономики и системы населения. Отражая соотношение городов разной людности, она фиксирует тенденции к концентрации населения в городах с наибольшей численностью населения (Полян, 2014). В России в конце XX в. процесс урбанизации вступил в новую фазу: резко сократились темпы роста городского населения, а его удельный вес в общей численности населения почти не изменился, остановился рост даже крупных городов (Чугунова, Полякова, Лихневская, 2013).

В настоящее время около 90 млн чел., или 73 % населения России, проживают в более 1100 городах. С последней Всесоюзной переписи населения 1989 г. общее количество городов возросло незначительно, уровень урбанизации остался практически неизменным. При этом существенно изменилась урбанистическая струк-

тура — значительно выросло население городов-миллионников, в то время как население других городов сократилось (табл. 1).

Лаппо Г.М. (2012) отмечает, что с городами-миллионниками связаны перспективы развития общества, в них встроены механизмы модернизации, без которой невозможно движение вперед. Они воплощают фундаментальные свойства урбанизации, являются ее зеркалом, главной ареной урбанизационных процессов, достигающих здесь своих вершин. Они и формируют современную картину освоенного экономического пространства страны, что косвенно подтверждается увеличением их количества, а также численности населения проживающих в них.

Таблица 1/Table 1

**Динамика изменения количества городов и численности их населения
в период с 1989 по 2016 г.
[Dynamics of change in the number of cities and their population
in the period from 1989 to 2016]**

	Количество городов		Население в городах, млн чел.	
	1989	2016	1989	2016
Миллионники	12	15	25,8	32,9
Крупнейшие	22	21	14,1	12,9
Крупные	44	43	15,3	15,1
Большие	91	90	13,8	13,7
Средние	177	155	12	10
Малые	731	786	16,3	16

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата.

Роль городов в системе расселения как мест концентрации населения всегда была определяющей. Города рассматриваются как центры экономического, научно-технического и культурного прогресса, как центры региональных территориальных комплексов. Современные урбанистические процессы сделали города не только экономическими, политическими и финансовыми, но и мощными информационными и коммуникационными центрами, которые обуславливают темп и ритм развития как прилегающих территорий, так и целых регионов (Руденко, 2015). В последние годы картина представляется более сложной. С одной стороны, обострились проблемы самих городов — транспорт, жилье, экология, также добавились новые проблемы — мигранты. С другой стороны, еще больше усиливается роль городов в экономическом развитии страны (Кузнецова, 2017).

В настоящее время на территории страны сформировались пространственные локации, приуроченные к городской системе расселения, и на основе увеличения или снижения демографической освоенности выделились территории экономического роста и упадка.

Всего на территории России выделяются 8 зон: две крупные зоны с сокращающимся городским населением (Европейская и Азиатская), которые чередуются с шестью зонами меньшего масштаба, где городское население растет (Юго-Западная, Центральная, Северо-Западная, Волго-Уральская, Сибирская и Якутская) (рисунок, табл. 2).

Рисунок. Зоны и города с сокращающимся и растущим городским населением в период с 1989 по 2016 г.:

I — Европейская; II — Азиатская; III — Юго-Западная; IV — Центральная; V — Северо-Западная; VI — Волго-Уральская; VII — Сибирская; VIII — Якутская

[**Figure.** Areas and cities with decreasing and growing urban population from 1989 to 2016:

I — European; II — Asian; III — South-West; IV — Central; V — North-West; VI — Volga-Ural; VII — Siberian; VIII — Yakut]

Источник: выполнено авторами на основе данных Росстата.

Таблица 2/ Table 2

**Городская структура и изменение численности населения
в выделенных демографических зонах
[Urban structure and population change in selected demographic areas]**

Зоны	Численность населения городов, млн чел.	Динамика населения городов (1989—2016 гг.)	Число городов	Доля городов с сокращающимся населением	Число городов-миллионников	Доля малых городов, %
Европейская	30,1	-9 % (-3,1 млн чел.)	468	90 %	5	76
Азиатская	10	-12 % (-1,3 млн чел.)	129	88 %	1	67
Юго-Западная	16,4	+15 % (2,1 млн чел.)	179	40 %	3	61
Центральная	18,4	+32 % (4,4 млн чел.)	96	46 %	1	58
Северо-Западная	7	+5 % (0,3 млн чел.)	46	67 %	1	80
Волго-Уральская	6,4	+9 % (0,5 млн чел.)	57	28 %	2	56
Сибирская	9	+14 % (1,1 млн чел.)	84	52 %	2	70
Якутская	0,5	+22 % (90 тыс. чел.)	13	85 %	0	92

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата.

Европейская зона — в ее состав входят 31 субъект РФ, расположенные на территории Европейской части России и Урала. За последнюю четверть века Европейская зона превратилась в демографическую яму общемирового масштаба. В 90 % городов за последнюю четверть века население постоянно убывает, а в трети регионов (Республика Мордовия, Пермский край, Мурманская, Новгородская, Тверская, Орловская, Тамбовская, Курганская и Ульяновская области) не осталось ни одного города с растущим населением.

Основная причина сокращения городского населения кроется в урбанистической структуре, в которой преобладают малые города. Так, по мнению Т.Г. Нефедовой, чем меньше размер города, тем больше вероятность его социально-экономической депрессии, которая часто связана с кризисом или отсутствием градообразующего предприятия (Нефедова, 2008).

Еще одна обширная категория населенных пунктов с убывающим населением — промышленные города, расположенные преимущественно в пределах индустриального пояса Урала. Еще задолго до эпохи пятилетних планов развития народного хозяйства основной административной единицей измерения Урала являлись металлургические заводы. Именно вокруг них в дальнейшем формировался опорный каркас расселения. Ведущая роль в основе хозяйства и быта данных городов отведена заводам, отсюда и схожесть многих социальных и экономических проблем. Большинство городов Урала относятся к категории монопрофильных, и от успешности работы градообразующего предприятия зачастую зависит судьба самого населенного пункта. После распада СССР многие уральские моногорода выделились особой остротой экономических и экологических проблем и еще больше — трудностью их решения. Они особенно болезненно реагируют на кризисные ситуации, значительная их часть с начала 1990-х гг. так и не смогла выбраться из длительной экономической стагнации (Лаппо, 2012).

Азиатская зона — в ее состав входят 12 субъектов РФ, расположенных на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока. Как и все города России, города Сибири и Дальнего Востока во многом продукт бурной урбанизации 20 в. Имели место и добровольный приток населения на восток страны, и условно-добровольный приток — через переселения по общественному призыву, распределению специалистов и иных организуемых государством переселений из западных регионов страны. К закату советской эпохи население восточных районов России было максимальным. Это был пик заселенности восточных территорий страны, с этого времени процесс пошел вспять (Мкртчян, 2013). С распадом СССР население востока стало активно переселяться на запад.

Масштабы миграционного оттока и естественной убыли были максимальными на крайнем северо-востоке зоны. За 1989—2016 гг. городское население Магаданской области снизилось на 42 %, Камчатский край потерял 33 %, Сахалинская область — 24 %, а Чукотка — 16 %. В крупных и крупнейших городах было два активных периода оттока населения — в начале 1990-х и 2000-х гг. В то же время население прочих городов за весь период постоянно сокращалось.

Юго-Западная зона охватывает равнинные и горные территории, протянувшиеся от Северного Кавказа до центральной России. В ее состав входят 17 субъектов

РФ — это все республики Северного Кавказа, Ставропольский и Краснодарский края, Астраханская, Ростовская, Волгоградская, Воронежская, Белгородская, Курская и Липецкая области.

Юго-Западная зона — это значимая сельскохозяйственная территория страны с весьма благоприятными природными условиями. Большая часть равнинной территории является наиболее освоенной и заселенной зоной России, здесь самый высокий процент сельского населения, а также более благоприятная демографическая обстановка. Процессы урбанизации в этой зоне начались намного позже других, и это существенно влияет на современную демографическую ситуацию (Соколов, 2016). В республиках Северного Кавказа немалый миграционный отток населения компенсируется положительным естественным приростом.

Центральная зона — в ее состав входят 3 субъекта РФ: город Москва, Московская и Калужская области. Центральная зона — это союз крупного центра с городами-спутниками, наиболее удобная и взаимовыгодная форма сотрудничества. Центральный город разгружается от некоторых, становящихся для него обременительными, видов деятельности и получает возможность сосредоточиться на выполнении своей главной обязанности — экономического и политического центра страны. Города-спутники также извлекают многие выгоды, которые дает им близость к крупному центру (Лаппо, 2012).

В городах этой зоны с положительной демографической динамикой миграционный прирост перекрывает естественную убыль населения благодаря значительному притоку мигрантов из периферии как своего региона, так и других регионов страны.

Северо-Западная зона — в ее состав входят 3 субъекта РФ: город Санкт-Петербург, Ленинградская и Вологодская области. Основу стабилизации численности городского населения создает крупный мегаполис — Санкт-Петербург. Промышленный комплекс прилегающих районов Ленинградской области направлен на обеспечение потребностей ядра агломерации, которое является главным рынком сбыта продукции. В городах, входящих в Санкт-Петербургскую агломерацию, увеличение численности населения происходит более динамично за счет активного жилищного строительства, а по мере удаления от центра агломерации демографические процессы протекают менее интенсивно, сменяясь на периферии незначительным сокращением населения (Соболев, 2015).

Волго-Уральская зона — в ее состав входят 4 субъекта РФ: Республики Башкортостан, Татарстан, Удмуртия и Марий Эл. Это самая передовая во многих отношениях зона страны — большинство городов за последнюю четверть века увеличили свое население. Ведущее положение занимает Республика Татарстан, имеющая высокий промышленный и технологический потенциал. В Татарстане с 2005 г. функционирует крупнейшая особая экономическая зона промышленно-производственного типа — Алабуга, активно работает центр нанотехнологий. Помимо этого, Казань, Альметьевск и Набережные Челны являются «точками роста», формируя ареал экономическо-благоприятной среды для развития общества на пересечении важнейших магистралей, соединяющих восток и запад, север и юг страны.

Сибирская зона — в ее состав входят 11 субъектов РФ, расположенных на территории Западной и Восточной Сибири. Данные регионы Сибири получали значимый демографический приток за счет западного дрейфа из регионов Дальнего Востока и Восточной Сибири, частично компенсируя потери в связи с выездом населения на запад за счет притока из регионов, расположенных восточнее их. Основной прирост населения приходится на крупнейшие города: Новосибирск, Омск, Тюмень, а также на крупные центры нефти и газодобычи в районах с экстремальными природными условиями (Лаппо, 2012). В постсоветский период произошло усиление сырьевой направленности российской экономики, что послужило увеличению миграционной привлекательности этих городов.

Якутская зона. Рост городского населения Якутии связан с увеличением естественного прироста и миграцией сельских жителей в столицу региона — Якутск. Также с 2000 г. возрос поток экономических мигрантов из Средней Азии и Китая.

Еще три субъекта РФ: Калининградскую область, Республику Крым и г. Севастополь следует рассмотреть отдельно от выделенных зон. Данные территории являются анклавом, и существенное влияние на их демографию и экономическое развитие оказывают окружающие их территории и отдаленность.

Калининградская область. Городская сеть региона представлена 22 городами, где проживает 0,7 млн чел. В период с 1989 по 2016 г. рост городского населения составил 11 % (72 тыс. чел.). В 13 городах (59 %) население увеличилось. Все города области (кроме столицы) — малые, в 57 % (Руденко, 2015) население увеличилось. Регион является привлекательным и для жителей СНГ, и для россиян (в основном выходцев из Сибири и Дальнего Востока), что формирует увеличение городского населения.

Республика Крым и город Севастополь. В 17 городах проживает 1,4 млн чел. С распада Советского Союза сокращение городского населения составило 2 % (32 тыс. чел.) Главными причинами депопуляции является низкая рождаемость, старение и высокая смертность населения в трудоспособном возрасте. Рост населения происходил в основном за счет миграционных потоков. В целом население 12 городов (71 % от общего числа) сократилось. В регионе более половины городов (65 %) относятся к категории малых, и 7 из них уменьшили свою населенность.

Выводы

Выделенные зоны отражают в масштабах страны территории экономического роста и упадка. Наиболее активно развиваются города Московской и Санкт-Петербургской агломераций, Республики Татарстан, Краснодарского края, а также Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. Значительно теряют население города обширного пространства Европейской части страны, а также города Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Модернизация как верх централизации производства в условиях закрытой экономики советского государства исчерпала себя. В глобальном мире наиболее успешные стратегии развития демонстрирует диверсификация ресурсов город-

ского развития в виде сетей городов. Только сглаживание диспропорций социально-экономического пространства позволит сформировать сбалансированную сеть городов и избежать перенаселенности одних городов и массового оттока населения из других.

© Соколов А.А., Руднева О.С., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Список литературы

- Анимица Е.Г., Сурнина Н.М.* Экономическое пространство России: проблемы и перспективы // Экономика региона. 2006. № 3. С. 34—46.
- Берова Ф.Ж., Сабанчиев А.Х.* Региональные особенности процессов урбанизации и дезурбанизации // Terra Economicus. 2010. Т. 8. № 1—3. С. 210—215.
- Гатауллин Р.Ф., Каримов А.Г., Комаров А.Г.* Экономическое пространство: содержание, единство и разрывы // Проблемы современной экономики. 2014. Т. 52. № 4. С. 196—200.
- Качурина Л.Б., Мкртчян Н.В.* Роль миграционных процессов в демографическом развитии региональных центров России // Вопросы географии. Сб. 141. М.: Кодекс, 2016. С. 200—233.
- Кузнецова О.В.* Города как объекты региональной политики: опыт Европы и России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2017. Т. 25. № 4. С. 566—574.
- Лаппо Г.М.* Города России. Взгляд географа. М.: Новый хронограф, 2012. 504 с.
- Миронова М.Н., Кузнецова Н.Г., Шолудько А.Н.* Типы городов Транссибирской магистрали России: динамика численности населения и промышленных функций // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2017. Т. 25. № 4. С. 553—565.
- Мкртчян Н.В.* Города востока России «под натиском» демографического сжатия и западного дрейфа // Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX—XX и XX—XXI вв. Иркутск, 2013. С. 41—61.
- Нефедова Т.Г.* Российская периферия как социально-экономический феномен // Региональные исследования. 2008. № 5. С. 14—31.
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов в России на рубеже XXI в. // Проблемы урбанизации на рубеже веков. Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 71—87.
- Полян П.М.* Территориальные структуры — урбанизация — расселение: теоретические подходы и методы изучения. М.: Новый Хронограф, 2014. 788 с.
- Руденко Л.Г.* Функции городов и их влияние на пространство. Киев: Феникс, 2015. 292 с.
- Саушкин Ю.Г.* Избранные труды. Смоленск: Универсум, 2001. 416 с.
- Сенявский А.С.* Российский город в 1960—1980-е гг. М.: ИРИ РАН, 1995.
- Соболев А.В.* Структурно-функциональные особенности пространственного развития городских и сельских поселений Северо-Западного экономического района // Балт. рег. 2015. № 1. С. 143—158.
- Соколов А.А.* Пространственные изменения численности населения степной зоны России // Народонаселение. 2016. Т. 73. № 3. С. 57—63.

Чугунова Н.В., Полякова Т.А., Лихневская Н.В. Развитие системы городского расселения Белгородской области // *География и природные ресурсы*. 2013. № 1. С. 112—118.

Благодарности:

Статья подготовлена при финансовой поддержке РАН в рамках научного проекта АААА-А17-117012610022-5.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 19 мая 2018

Дата проверки: 02 августа 2018

Дата принятия к печати: 25 сентября 2018

Для цитирования:

Соколов А.А., Руднева О.С. Оценка экономического пространства России на основе выделения зон роста и упадка численности городского населения // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2018. Т. 26. № 3. С. 468—478. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-468-478

Сведения об авторах:

Соколов Александр Андреевич, кандидат географических наук, старший научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института степи УрО РАН. *Контактная информация*: e-mail: sokolovaa@rambler.ru

Руднева Оксана Сергеевна, кандидат географических наук, старший научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института степи УрО РАН. *Контактная информация*: e-mail: ksen1909@mail.ru

Assessment of the economic space of Russia on the basis of the highlight areas of growth and decline in urban population

A.A. Sokolov, O.S. Rudneva

Institute of Steppe of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences
11 Pioneerskaya St., Orenburg, 460000, Russian Federation

Abstract. Development of the Russian economic space is a long-term process, combining geographical, historical, socio-economic and demographic aspects. The relevance of this research topic is due to the need for scientific analysis of the processes of urbanization, the identification of the country's territories with increasing and decreasing urban population, the formation of urban growth centers as the potential of sustainable territorial organization of the regions and the country as a whole. The article studies the modern structure of urban settlement in Russia and spatial differentiation of the city system. The analysis of population dynamics in all cities of Russia from the collapse of the Soviet Union to the present time.

The study found that the network of cities is undergoing structural changes. In total, the country has two large areas with a declining urban population and six smaller areas in which the urban population has increased, highlighting the territory of economic growth and decline.

Keywords: regional economy, territories of growth and decline, economic and geographical zoning, urbanization, urban population

References

- Animica E.G., Surnina N.M. (2006). Ehkonomicheskoe prostranstvo Rossii: problemy i perspektivy. *Ehkonomika regiona*, (3), 34—46. (In Russ.)
- Berova F.Zh., Sabanchiev A.H. (2010). Regional'nye osobennosti processov urbanizacii i dezurbanizacii. *Terra Economicus*, 8(1—3), 210—215. (In Russ.)
- Chugunova N.V., Polyakova T.A., Lihnevskaya N.V. (2013). Razvitie sistemy gorodskogo rasseleniya Belgorodskoj oblasti. *Geografiya i prirodnye resursy*, (1), 112—118. (In Russ.)
- Gataullin R.F., Karimov A.G., Komarov A.G. (2014). Ehkonomicheskoe prostranstvo: sodержanie, edinstvo i razryvy. *Problemy sovremennoj ehkonomiki*, 52(4), 196—200. (In Russ.)
- Kachurina L.B., Mkrtchyan N.V. (2016). Rol migratsionnykh protsessov v demograficheskom razvitii regionalnykh tsentrov Rossii. *Voprosy geografii. Sb. 141*. Moscow: Kodeks Publ., 200—233 (In Russ.)
- Kuznecova O.V. (2017). Goroda kak ob'ekty regional'noj politiki: opyt Evropy i Rossii. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ehkonomika*, 25(4), 566—574. (In Russ.)
- Lappo G.M. (2012). *Goroda Rossii. Vzgljad geografa*. Moscow: Novyj hronograf Publ., 504. (In Russ.)
- Mironova M.N., Kuznetsova N.G., Sholudko A.N. (2017). Types of Cities of the Trans-Siberian Railway: Dynamics of Population and Industrial Functions. *RUDN Journal of Economics*, 25(4), 553—565. (In Russ.)
- Mkrtchyan N.V. (2013). Goroda vostoka Rossii “pod natiskom” demograficheskogo szhatija i zapadnogo drejfa. In: Djatlov V.I., Grigorichev K.V. (eds.). *Pereselencheskoe obshhestvo Aziatskoj Rossii: migracii, prostranstva, soobshhestva. Rubezhi XIX—XX i XX—XXI vv*. Irkutsk: Ottisk Publ., 41—61. (In Russ.)
- Nefedova T.G. (2008). Rossijskaja periferija kak social'no-jekonomicheskij fenomen. *Regional'nye issledovaniya*, (5), 14—31. (In Russ.)
- Nefedova T.G., Trejvish A.I. (2002). *Teoriya «differencial'noj urbanizacii» i ierarhiya gorodov v Rossii na rubezhe XXI veka. Problemy urbanizacii na rubezhe vekov*. Smolensk: Ojkumena Publ., 71—87. (In Russ.)
- Poljan P.M. (2014). *Territorial'nye struktury — urbanizacija — rasselenie: teoreticheskie podhody i metody izuchenija*. Moscow: Novyj hronograf Publ., 785. (In Russ.)
- Rudenko L.G. (2015). Funkcii gorodov i ih vlijanie na prostranstvo. Kiev: Feniks Publ., 292. (In Russ.)
- Saushkin Yu.G. (2001). *Izbrannye trudy*. Smolensk: Universum Publ., 416. (In Russ.)
- Sobolev A.V. (2015). Strukturno-funkcional'nye osobennosti prostranstvennogo razvitija gorodskih i sel'skih poselenij Severo-Zapadnogo jekonomicheskogo rajona. *Balt. reg.*, (1), 143—158. (In Russ.)
- Sokolov A.A. (2016). Prostranstvennye izmeneniya chislenosti naselenija stepnoj zony Rossii. *Narodonaselenie*, 73(3), 57—63. (In Russ.)
- Chugunova N.V., Polyakova T.A., Lihnevskaya N.V. (2013). Razvitie sistemy gorodskogo rasseleniya Belgorodskoj oblasti. *Geografiya i prirodnye resursy*, (1), 112—118.

Article history:

Received: 19 May 2018

Revised: 02 August 2018

Accepted: 25 September 2018

For citation:

Sokolov A.A., Rudneva O.S. (2018). Assessment of the economic space of Russia on the basis of the highlight areas of growth and decline in urban population. *RUDN Journal of Economics*, 26(3), 468—478. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-468-478

Bio Note:

Sokolov A.A., PhD in Geography, Senior Researcher, Department of Social and Economic Geography, Institute of Steppe of the Russian Academy of Sciences. *Contact information:* e-mail: sokolovaa@rambler.ru

Rudneva O.S., PhD in Geography, Senior Researcher, Department of Social and Economic Geography, Institute of Steppe of the Russian Academy of Sciences. *Contact information:* e-mail: ksen1909@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-479-494

УДК 911.375(476)

Демографические тренды монопрофильных городов Беларуси в XXI в.

Е.А. Антипова, А.Н. Титов

Белорусский государственный университет
Беларусь, 220030, Минск, пр-т Независимости, 4

В статье представлен сравнительный пространственно-временной анализ демографического развития монопрофильных городов Республики Беларусь за период 2000—2016 г. На основе трендового подхода, метода динамических рядов, балансового и картографического методов выявлены сходства и различия в динамике естественного движения городского населения Беларуси и населения монопрофильных городов. Выявлены особенности урбанистической структуры монопрофильных городов, тренды динамики численности населения, определено их место в структуре городского расселения Беларуси.

Ключевые слова: монопрофильный город, Беларусь, урбанистическая структура, система расселения, естественное движение

Введение

Монопрофильные города с преобладающей промышленной функцией выступают индикатором стадии индустриализации страны и в период наибольшего ее развития сосредотачивают основной экономический потенциал. В Беларуси данный функциональный класс городских населенных пунктов широко представлен в системе расселения и экономическом комплексе, что объясняется высоким уровнем индустриализации государства при стремительно растущем значении сферы услуг. Современные монопрофильные города в большинстве случаев характеризуются более низким уровнем социально-экономического развития, наличием убыточных или низкорентабельных крупных градообразующих предприятий, создающих угрозу для социальной стабильности горожан, слабой диверсификацией рынка труда, что в транзитивный период в значительной степени подвергает их всякого рода рискам, в том числе и демографическим. Проблемы монопрофильных городов затрагивают большинство малых городов Беларуси с численностью населения менее 20 тыс. чел., на которые приходится свыше 2/3 их количества (Богданович, 2011).

В XXI в. в условиях перехода к постиндустриальной стадии развития монопрофильные города Беларуси характеризуются негативными тенденциями демо-воспроизводства, старения трудоспособного населения и общим сокращением численности населения, что представляет одну из угроз в обеспечении устойчивого социально-экономического развития страны. В связи с этим в рамках ре-

лизации Национальной стратегии устойчиво-социально-экономического развития на период до 2030 г. и Государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016—2020 гг. актуальной исследовательской задачей является изучение демографических факторов и пространственно-временных трендов белорусских городов с узкоспециализированной экономикой для разработки стратегии по оптимизации демографической ситуации и совершенствованию территориальной организации страны.

Объектом исследования в статье выступили монопрофильные города (моногорода) Беларуси, в которых на градообразующих предприятиях доминирующей отрасли промышленности либо вида экономической деятельности общая численность работников составляет не менее 25 % численности занятого в экономике населения, и где объем промышленного производства на указанных предприятиях составляет не менее 50 % в структуре валового производства промышленной продукции города. В итоге, к рангу моногородов, на основе анализа данных официальной статистики, нами были отнесены 40 белорусских городов с индустриальной специализацией (Антипова, Титов, 2017).

Целью работы является пространственно-временной анализ демографического развития монопрофильных городов Беларуси за 2000—2016 гг. В ходе исследования была проанализирована урбанистическая структура исследуемых городов, выявлены сходства и различия в динамике их естественного движения населения.

Обзор литературы

Несмотря на актуальность проблематики, вопросы, связанные с развитием монопрофильных городов, не исследованы достаточно глубоко в социально-экономической географии Беларуси и представлены ограниченным количеством исследований (Antipova, Titov, 2016).

Вместе с тем, большая публикационная активность по проблемам моногородов отмечается в экономической науке. Исследования последствий моноспециализации в международном разделении труда отображены в работах Дж. Хартвика (Hartwick, 1977). В трудах Дж. Форрестера, У. Айзарда, П. Мерлена формировались теоретические основы межрегиональных сравнений и методологические подходы к моделированию городского развития (Forrester, 1969; Isard, 1975; Merlin, 1970).

Среди советских и российских экономистов следует отметить исследования Ю.П. Бочарова, В.М. Пушкарева, И.Д. Тургель, В.Я. Любовного, в которых авторы рассматривали монопрофильные города как во времена плановой экономики, так и в условиях рыночных преобразований и кризисных явлений в различных регионах России, предлагая стратегии рационального управления и устойчивого развития (Бочаров, 1980; Пушкарев, 1997; Тургель, 2001; Любовный, 2009). В научных работах С.А. Наумова, В.А. Трифонова, А.И. Лыткина, А.А. Дроздецкой, К.Е. Трусовой, И.В. Манаевой предлагаются альтернативные пути развития, диверсификации модернизации социально-экономической базы моногородов России (Наумов, 2011; Трифонов, 2011; Лыткин, 2012; Дроздецкая, 2013; Трусова, 2013; Манаева, 2014).

В Беларуси изучением городов в разное время занимались В.Ф. Медведев и А.В. Богданович. Медведев разрабатывал систему планирования и прогнозирования комплексного и регионального развития экономики, занимался вопросами планирования и регулирования роста городов БССР (Медведев, 1969, 1974). Богданович исследовал проблемы экономического развития малых и средних городов, выделял функциональные типы городов БССР (Богданович, 1970). В настоящее время в Беларуси проблемами трансформации и развития монопрофильных поселений занимается доктор экономических наук Н.П. Мыцких (Мыцких, 2012).

Большой вклад в изучение монопрофильных городов внесли ряд известных ученых-географов и урбанистов американской и британской научных школ. Британский географ П. Холл известен своими исследованиями социально-экономических, демографических и культурно-управленческих аспектов функционирования городов Западной Европы и США (Холл, 1993). Американские географы Ч. Харрис и Э. Ульман совместно разработали модель территориальной структуры города как делового и сервисного центра.

Непосредственно вопросами монопрофильности городов занимаются канадские географы С. О'Хаган и Б. Сесил, которые в своих работах исследуют социально-экономические и демографические проблемы моногородов Канады, выявляют их специализацию, классифицируют по ряду признаков, делая акцент на необходимости реструктуризации и диверсификации рынка труда (O'Hagan, Cecil, 2007). Финский географ Т. Суутаринен изучает проблемы горнорудно-промышленных населенных пунктов северной части России с использованием социологических методов исследования в г. Ковдоре Мурманской области, выявляя проблемы моноспециализации и предлагая пути их решения (Suutarinen, 2014).

Польская научная школа урбанистики, представителями которой являются Я. Якобчик-Гришкевич, Ц. Марцинчак, Л. Четвертынски-Сытник, Д. Шиманьска, изучает вопросы пространственного планирования, охраны окружающей среды и развития городов, коммунального хозяйства и жилищного строительства, проблемы пространственно-функциональной структуры польских городов, вопросы классификации и типологии городов в странах Центральной и Восточной Европы и пр. (Czetwertyński-Sytnik, Szymańska, 1998; Jakóbczyk-Gryszkiewicz, Marcińczak, 2010).

Советская и российская научная школа географии городов и урбанистики имеет глубокие исторические корни. В настоящее время исследования критериев монопрофильных городов стран СНГ, их структуры и роли в современной экономике получили развитие в работах И.А. Родионовой и Т.Ф. Крейденко (Крейденко, Родионова, 2014).

Среди белорусских географов-урбанистов следует выделить исследования белорусских городов С.А. Польского, А.А. Ракова, И.В. Загорец, изучавших формирование систем расселения с центрами в малых городских поселениях БССР (Польский, 1969; Раков, 1990; Загорец, 1990). Особого внимания заслуживает исследование И.Г. Хасдана, посвященное социально-экономическим закономерностям формирования и развития межселенных связей городов (Хасдан, 1981).

Методы и подходы

Демографические тренды монопрофильных городов Беларуси нами исследовались посредством сравнительного пространственно-временного анализа за 2000—2016 гг. с использованием разработанной авторами модульной системы набора показателей (табл. 1).

Таблица 1/Table 1

Модульная система показателей изучения демографических трендов монопрофильных городов Беларуси в 2000—2016 гг.
[Modular system of indicators of studying of demographic trends of the single-industry towns of Belarus in 2000—2016]

№	Абсолютные показатели, ед. измерения	№	Относительные показатели, ед. измерения
Модуль 1. Демографическая динамика и урбанистическая структура			
1	Численность населения, чел.	1	Темпы прироста населения в 2000—2016 гг., %
		2	Ежегодные темпы роста в 2000—2016 гг., %
2	Средняя людность групп моногородов, выделенных по их величине, чел.	3	Доля численности монопрофильных городов в системе городского населения страны, %
		4	Удельный вес монопрофильных городов от общего количества городов страны, %
Модуль 2. Естественное движение населения			
3	Количество родившихся за год, чел.	5	Общий коэффициент рождаемости, ‰
4	Количество умерших за год, чел.	6	Общий коэффициент смертности, ‰
5	Естественный прирост/убыль, чел.	7	Общий коэффициент естественного(ой) прироста(убыли), ‰

Информационной базой исследования являются официальные данные Национального статистического комитета Республики Беларусь.

При решении исследовательских задач в работе использовался набор теоретических и эмпирических методов как общенаучных, так и специальных. Среди них, в первую очередь, стоит выделить структурный и пространственный анализ, метод динамических рядов, исторический, сравнительно-географический и картографический методы.

Демографическая динамика и урбанистическая структура монопрофильных городов Беларуси

На современном этапе развития для демографической ситуации Беларуси характерно снижение численности населения при существующей естественной убыли и миграционном приросте. Демографическое развитие республики характеризуется рядом эволюционных тенденций, свойственных большинству развитых государств и отражающих особенности второго и третьего демографических переходов. Так, из-за изменения репродуктивного поведения населения происходит сокращение рождаемости; рост уровня социально-экономического развития обуславливает демографическое старение, увеличение продолжительности жизни (Антипова, Коротаев, 2014).

В городах Беларуси имели место демографические тренды, характерные для всей страны в целом, ввиду того, что большая часть населения страны представ-

лена городскими жителями (в 2000 г. — 70,1 %, в 2016 г. — 77,9 %). Однако, принципиальным отличием между этими трендами является рост численности городского населения при сокращении общей численности населения, в первую очередь за счет сокращения сельского населения.

Исследования показали, что численность населения, проживающего в монопрофильных городах Беларуси, за рассматриваемый период сократилась на 13,2 тыс. чел. с 1050,8 до 1037,6 чел., что, с одной стороны, вписывается в общестрановой демографический тренд, а с другой — противоречит ему, так как население моногородов является частью городского населения, для численности которого характерен рост. При этом сокращение за данный период составило 1,26 % при ежегодных темпах 0,08 %. Наряду с этим произошло сокращение доли населения 40 монопрофильных городов в системе городского расселения с 15,1 до 14,0 % в соответствующие годы (табл. 2).

Таблица 2/Table 2

Сравнительная динамика численности населения монопрофильных городов, городских населенных пунктов и всего населения Беларуси
[Comparative dynamics of the population of the single-industry towns, urban settlements and the whole population of Belarus]

	Год	Численность, тыс. чел.	Рост/убыль за период, %	Ежегодные темпы роста, %
Население Беларуси	2000	9956,7	-4,54	-0,29
	2016	9504,7		
Городское население	2000	6979,7	6,03	0,37
	2016	7400,8		
Население моногородов	2000	1050,8	-1,26	-0,08
	2016	1037,6		

Источник: составлено авторами на основе данных: официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь // Сборники и публикации: регионы: статистический ежегодник (2001, 2017). URL: <http://www.belstat.gov.by> (дата обращения: 19.03.2018).

В начале XXI в. пространство монопрофильных городов Беларуси характеризуется поляризацией численности населения и ее динамики на микроуровне. На протяжении всего исследуемого периода наибольшей численностью характеризуются три монопрофильных города — Мозырь, Солигорск и Новополоцк, которые формируют своеобразное «демографическое ядро» белорусских городов с узкоспециализированной экономикой. Численность населения каждого из них с 2000 по 2016 г. увеличилась и превышает 100 тыс. чел., что делает соответственно Гомельскую, Минскую и Витебскую области наиболее весомыми в данном контексте. В остальных регионах Беларуси в период 2000—2016 гг. отсутствовали монопрофильные города с численностью населения свыше 50 тыс. чел. Наиболее крупным моногородом Гродненской области является Волковыск, численность которого сократилась с 46,5 до 44,2 тыс. чел. в указанные годы. Аналогичными моногородами в Брестской и Могилевской областях являются Береза и Кричев, демографический потенциал которых сократился с 30,1 до 29,5 тыс. чел. и с 29,4 до 26,2 тыс. чел. соответственно. Коссово — белорусский монопрофильный город с наименьшей численностью населения, для которого также было характерно сокращение численности населения (с 2,5 до 1,8 тыс. чел.).

За период 2000—2016 гг. для большинства белорусских монопрофильных городов, а именно для 29 из 40, была характерна отрицательная динамика численности населения, что говорит о снижении их демографического потенциала. Сокращение численности населения среди моногородов колебались от $-25,33\%$ в Коссово до $-0,91\%$ в Глубоком. Ежегодные темпы сокращения населения в моногородах варьировались от $-1,83$ до $-0,06\%$ соответственно. Положительная динамика была отмечена всего в 11 моногородах, или $27,5\%$, что объясняется более высоким уровнем социально-экономического развития и большим демографическим потенциалом либо их расположением в демографически более благоприятном полесском регионе.

Согласно Государственной схеме комплексной территориальной организации Республики Беларусь монопрофильные города в зависимости от численности населения (по своей величине) классифицируются на три основные группы с выделенными категориями. Наибольшие по своей величине моногорода находятся в группе от 100 до 250 тыс. чел. К ним относятся три белорусских моногорода: Мозырь, Солигорск и Новополоцк, общий демографический потенциал которых составляет 320,9 тыс. чел., что соответствует $30,9\%$ от суммарной численности населения городов с узкоспециализированной экономикой. Средних моногородов в приведенной группировке восемь, при этом в первую категорию попадают три города с численностью населения от 50 до 100 тыс. чел. (Жлобин, Жодино, Слуцк), во вторую — пять городов с населением 20—50 тыс. чел. (Волковыск, Калинковичи, Рогачев, Береза, Кричев). Демографический потенциал двух категорий составляет соответственно 202,5 и 175,0 тыс. чел. Общий удельный вес этой группы моногородов в суммарном демографическом потенциале 40 моногородов составляет $36,4\%$. Наиболее многочисленна группа малых моногородов, которых насчитывается 29. В свою очередь они подразделяются на три категории. В первую категорию (от 10 до 20 тыс. чел.) входят 19 общей численностью населения 268,8 тыс. чел., что соответствует более четверти демографического потенциала всех моногородов. На 9 малых моногородов второй категории (от 5 до 10 тыс. чел.) приходится $6,6\%$, или 68,6 тыс. чел. Третья категория (менее 5 тыс. чел.) представлена одним Коссово. Показатели средней людности по выделенным группам моногородов Беларуси убывали от самых больших до самых малых по численности городов соответственно от 107,0 до 1,8 тыс. чел. При этом средняя людность среди всех шести групп монопрофильных городов составила 25,9 тыс. чел. (табл. 3).

Одной из задач исследования выступал анализ урбанистической структуры монопрофильных городов Беларуси, отражающей соотношение между количеством монопрофильных городов по классам людности и проживающим в них населением. С этой целью нами была разработана урбанистическая пирамида, которая показала, что три больших монопрофильных города сосредотачивают наибольший демографический потенциал, который превышает 19 малых моногородов первой категории. Общая численность населения восьми средних моногородов двух категорий в 5,5 раз превосходит аналогичный показатель девяти малых моногородов второй категории. В основании урбанистической пирамиды находится один моногород с минимальной численностью (рис. 1).

Таблица 3/Table 3

Группировка монопрофильных городов Беларуси по численности населения, 2016 г.
[The grouping of the single-industry towns of Belarus by size, 2016]

Группы моногородов по численности населения	Категории	Количество моногородов	Доля моногородов в структуре городского расселения, %	Численность населения, тыс. чел.	Доля групп моногородов по численности населения, %	Средняя плотность, тыс. чел.
Большие (100—250 тыс. чел.)	—	3	7,5	320,9	30,9	107,0
Средние (20—100 тыс. чел.)	1-я	3	7,5	202,5	19,5	67,5
	2-я	5	12,5	175,0	16,9	35,0
Малые (менее 20 тыс. чел.)	1-я	19	47,5	268,8	25,9	14,1
	2-я	9	22,5	68,6	6,6	7,6
	3-я	1	2,5	1,8	0,2	1,8
ВСЕГО		40	100,0	1037,6	100,0	25,9

Источник: составлено авторами на основе данных: Государственная схема комплексной территориальной организации Республики Беларусь / НП РУП «БЕЛНИИПГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА». 2016.

Рис. 1. Урбанистическая пирамида монопрофильных городов Беларуси, 2016 г.
[Figure 1. Urban pyramid of the single-industry towns of Belarus in 2016]

Урбанистическая структура монопрофильных городов Беларуси свидетельствует о непропорциональности между их количеством и численностью жителей в них. Наибольший демографический потенциал сосредоточен в средних и крупных моногородах, что является подтверждением глобальной тенденции макрополизации, которая свойственна также для системы городского расселения Беларуси в целом.

Характер и тренды естественного движения населения монопрофильных городов Беларуси

В начале XXI в. в Беларуси сохраняется естественная убыль населения. Демографическая ситуация страны находится на эволюционной стадии развития, характерной для большинства стран европейского региона, которой свойственно превышение числа умерших над числом родившихся, а уровень рождаемости не обеспечивает простого замещения поколений. Однако в последние годы наметилась тенденция по увеличению рождаемости при снижении показателей смертности населения, что теоретически может привести к выравниванию трендов этих процессов, а значит и трансформации естественной убыли в прирост. Это предположение подтверждает динамика коэффициента естественного прироста, от-

рицательные значения которого стремятся в современной динамике к нулю. За период 2000—2016 гг. количество родившихся в Беларуси увеличилось на 24,1 тыс. чел., количество умерших снизилось на 15,5 тыс. чел., сокращение естественной убыли составило 39,6 тыс. чел. В итоге, общий коэффициент рождаемости к 2016 г. вырос до 12,4‰, коэффициент смертности снизился до 12,6‰, а коэффициент естественной убыли составил $-0,2‰$, что связано с процессами демографической ревитализации и реализацией ряда государственных программ (рис. 2).

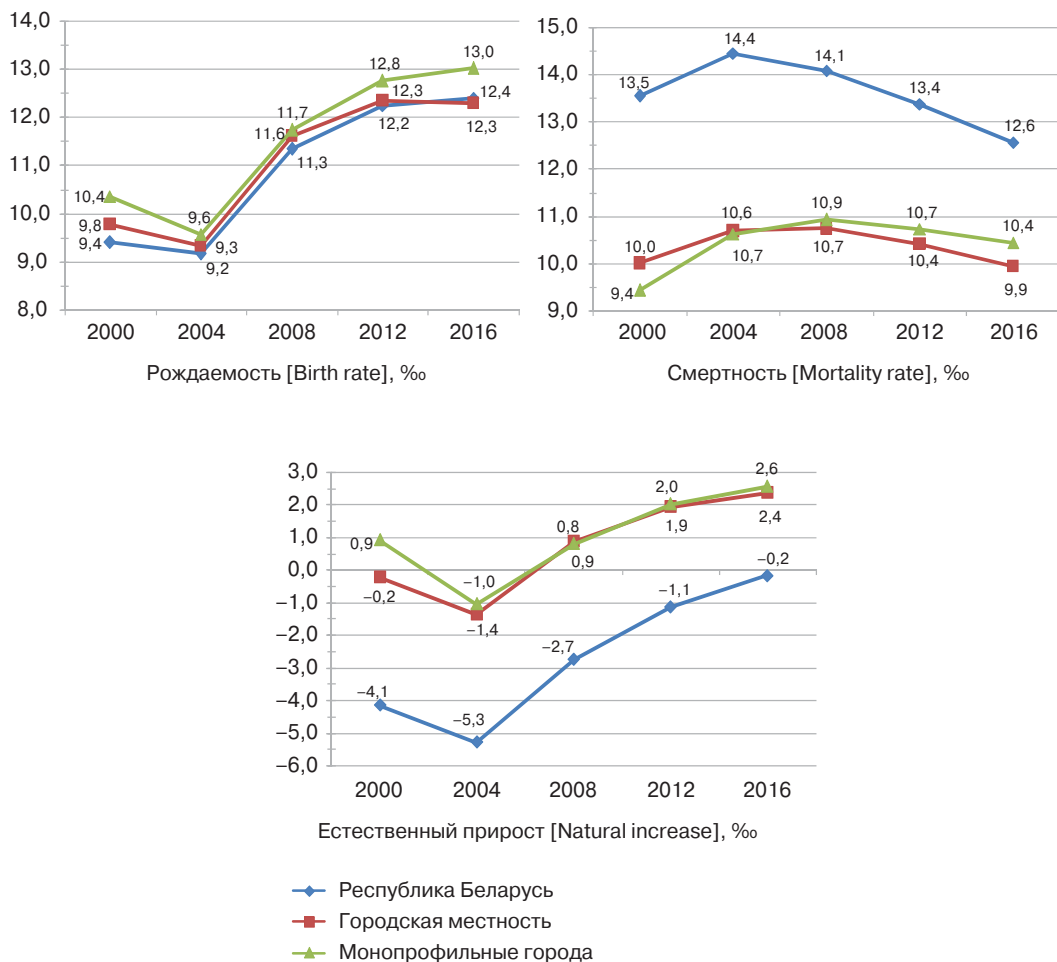

Рис. 2. Динамика относительных показателей естественного движения населения монопрофильных городов, городских населенных пунктов и всего населения Беларуси
[Figure 2. The dynamics of relative indicators of natural movement of the population of the single-industry towns, urban settlements and the whole population of Belarus]

Исследование характера и трендов естественного движения населения монопрофильных городов Беларуси показали, что в течение рассматриваемого периода данная категория населенных пунктов выглядела относительно благополучно на фоне всех городов. В период 2000—2016 гг. общий коэффициент рождаемости в монопрофильных городах вырос на 2,6‰, достигнув уровня 13‰. Но

при этом общий коэффициент смертности также вырос до отметки 10,4 ‰, это выше аналогичного показателя для всего городского населения, что объясняется более интенсивным процессом старения в них. Вместе с тем, в белорусских моногородах отмечалось более существенное превышение числа родившихся над числом умерших, обусловившее в свою очередь превышение коэффициента естественного прироста (2,6 ‰) по сравнению со средним для городского населения Беларуси (табл. 4, рис. 2).

Таблица 4/ Table 4

Сравнительная динамика естественного движения населения монопрофильных городов, городских населенных пунктов и всего населения Беларуси
[Comparative dynamics of the natural movement of the population of the single-industry towns, urban settlements and the whole population of Belarus]

	Год	Родившиеся, чел.	Умершие, чел.	Естественный прирост, чел.	ОКР, ‰	ОКС, ‰	ЕП(У), ‰
Население Беларуси	2000	93 691	134 867	-41 176	9,4	13,5	-4,1
	2016	117 779	119 379	-1600	12,4	12,6	-0,2
Городское население	2000	68 262	69 903	-1641	9,8	10,0	-0,2
	2016	91 005	73 599	17 406	12,3	10,0	2,3
Население моногородов	2000	10 887	9919	968	10,4	9,4	1,0
	2016	13 501	10 837	2664	13,0	10,4	2,6

Источник: Национальный статистический комитет Республики Беларусь (Белстат). URL: www.belstat.gov.by/ (дата обращения: 02.02.2018).

Динамика и структура рождаемости населения в монопрофильных городах Беларуси. Исследования позволили установить закономерность тренда рождаемости населения в зависимости от класса людности города. Она заключается в том, что наиболее позитивные тенденции рождаемости населения характерны преимущественно для более крупных по численности монопрофильных городов и ряда средних городов. Наиболее негативные тенденции свойственны малым по численности монопрофильным городам, периферийным в экономико-географическом и социально-экономическом контексте, с наименьшей устойчивостью демографического потенциала. Анализ общих коэффициентов рождаемости выявил, что в 2000 г. 45 % моногородов имели значения ниже среднего уровня (Мстиславль, Барань, Старые Дороги и др.), а 55 %, наоборот, выше (Мозырь, Белоозерск, Дятлово и др.). В 2016 г. в аналогичной структуре произошли изменения в условиях увеличившегося среднего уровня. Так, общим коэффициентом рождаемости ниже среднего характеризовались 52,5 % монопрофильных городов (Кричев, Лепель, Скидель и др.), а 47,5 % имели значения выше среднего (Жлобин, Береза, Ошмяны и др.)

Динамика и структура смертности населения в монопрофильных городах Беларуси. В ходе исследования не было выявлено, что увеличение смертности коснулось в первую очередь более мелких по численности городов. Анализ общих коэффициентов смертности выявил, что в 2000 г. 42,5 % моногородов имели значения ниже среднего уровня (Новополоцк, Солигорск, Жодино и др.), а 57,5 %, наоборот, выше (Климовичи, Коссово и др.). В 2016 г. в аналогичной структуре произошли изменения в условиях увеличившегося среднего уровня. Так, общим

коэффициентом смертности ниже среднего характеризовались 30 % монопрофильных городов (Микашевичи, Рогачев и др.), оставшиеся 70 % имели значения выше среднего (Клецк, Высокое и др.).

Динамика и характер естественного движения населения монопрофильных городов Беларуси. Результаты исследования показывают, что если в 2000 г. в 22 из 40 монопрофильных городах наблюдался естественный прирост, то к 2016 г. их количество увеличилось до 28, что объясняется наметившейся в последние годы общереспубликанской тенденцией по увеличению рождаемости при снижении показателей смертности населения, согласующейся с процессами демографической ревитализации и реализацией ряда соответствующих государственных программ. Однако при этом четверть всех моногородов Беларуси (Коссово, Барань, Кричев, Давид-Городок, Новолукомль, Верхнедвинск, Климовичи, Скидель, Мстиславль, Быхов) на протяжении исследуемого периода характеризовалась превышением числа умерших над числом родившихся. Все 10 перечисленных моногородов относятся к категории малых по численности, расположенных преимущественно в зоне демографической периферии с наиболее постаревшей возрастной структурой.

Таким образом, в начале XXI в. для естественного движения населения монопрофильных городов Республики Беларусь характерен более активный рост рождаемости населения по сравнению с городским населением страны, в то время как показатели смертности несущественно превышают среднее значение по городской местности, будучи меньшими, чем в среднем по стране. Это обуславливает увеличение естественного прироста при снижении естественной убыли в большинстве исследуемых городов. Так, в 2000 г. монопрофильных городов с естественным приростом было 55 %, а в 2016 г. — 70 %. Соответственно, доля моногородов с естественной убылью населения за данный период снизилась с 45 до 30 %.

Выводы

В условиях постиндустриального и инновационного развития моногорода являются типичным явлением для системы городского расселения Беларуси и занимают одну из стратегически важных позиций в урбанистическом каркасе, социально-экономическом и демографическом потенциалах страны. В Беларуси насчитывается 40 моноиндустриальных городов, что составляет 35 % городов страны. Анализ демографического развития монопрофильных городов страны позволил выявить ряд отличительных тенденций.

Суммарный демографический потенциал монопрофильных городов Беларуси за период 2000—2016 гг. сократился с 1050,8 до 1037,6 тыс. чел.; произошло сокращение доли данного класса городов в общей численности городского населения республики с 15,1 до 14,0 %. Для монопрофильных городов страны, как и для Беларуси в целом, характерна отрицательная динамика численности населения. Однако, если население страны сократилось за 2000—2016 гг. на 4,5 %, то население моногородов — на 1,3 %. На этом фоне отрицательный тренд динамики численности населения моногородов отличается от тренда динамики городского

населения страны, характеризующегося поступательным и устойчивым ростом. Положительная динамика численности характерна для 27,5 % моногородов, отрицательная — для 72,5 %.

В урбанистической структуре монопрофильных городов наиболее распространенным классом являются малые по численности города, которые составляют 72,5 % от всего количества белорусских городов с узкоспециализированной экономикой. Преобладающим классом по контракции населения выступают большие и средние города по численности населения, в которых проживает соответственно 30,9 % и 36,4 % населения моногородов Беларуси.

Характер естественного движения населения монопрофильных городов Беларуси свидетельствует о поляризации, что проявляется в выделении городов с естественным приростом и естественной убылью. В структуре в настоящее время преобладают города с естественным приростом населения (70 %), на города с естественной убылью приходится 30 %. Несмотря на сохранение в Беларуси естественной убыли населения, в отличие от тренда динамики численности населения, тренд естественного движения населения монопрофильных городов Беларуси совпадает с городским населением страны и характеризуется приростом.

В целом демографический баланс монопрофильных городов имеет контрастно-факторный тип и формируется на основе преобладания естественного прироста над миграционной убылью населения.

© Антипова Е.А., Титов А.Н., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Список литературы

- Антипова Е.А., Титов А.Н.* Современный портрет белорусского монопрофильного города // *Земля Беларуси*. 2017. № 2. С. 27—36.
- Антипова Е.А., Коротчаев В.К.* Геодемография Беларуси в XXI веке: сравнительно-географический анализ городского и сельского населения // *Вестник БГУ. Серия 2: Химия. Биология. География*. 2014. № 3. С. 91—98.
- Богданович А.В.* Основные проблемы экономического развития малых и средних городов Белорусской ССР: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Госплан СССР: Совет по изучению производительных сил. М., 1970. 26 с.
- Богданович А.В.* Урбанизация с человеческим лицом. Проблемы и перспективы развития белорусских городов // *Беларуская думка*. 2011. № 3. С. 38—42.
- Бочаров Ю.П.* Город и производство. М.: Стройиздат, 1980. 125 с.
- Государственная схема комплексной территориальной организации Республики Беларусь. Минск: НП РУП «БЕЛНИИПГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА», 2016. С. 141.
- Дроздецкая А.А.* Формирование и развитие туристских кластеров в моногородах приграничных территорий Ленинградской области: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Балтийская академия туризма и предпринимательства. СПб., 2013. 23 с.
- Загорец И.В.* Формирование систем расселения с центрами в малых городских поселениях БССР: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. БГУ им. В.М. Ленина. Минск, 1990. 13 с.
- Крейденко Т.Ф., Родионова И.А.* Моногорода стран СНГ: критерии, структура, роль в современной экономике // *Трансформация социально-экономического пространства Евразии в*

постсоветское время: сборник статей / отв. ред. Н.И. Быков, Д.А. Дирин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. Т. 1. С. 333—343.

Лыткин А.И. Управление инновационной средой моногорода: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан. Уфа, 2012. 25 с.

Любовный В.Я. Монопрофильные города в условиях кризиса: состояние, проблемы, возможности реабилитации. М.: ЗАО «Дортранспечать», 2009. 110 с.

Манаева И.В. Методологический инструментарий разработки сценариев социально-экономического развития моногорода: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Белгород, 2014. 26 с.

Медведев В.Ф., Польский С.А. Планирование и регулирование роста городов: Белорусская ССР / Науч.-исслед. ин-т экономики и экон.-мат. методов планирования при Госплане БССР. Минск, 1969. 66 с.

Медведев В.Ф. Система планирования и прогнозирования комплексного и регионального развития национальной экономики БССР / Науч.-исслед. ин-т экономики и экон.-мат. методов планирования при Госплане БССР. Минск, 1974. 78 с.

Мыцких Н.П. Монопрофильные поселения: проблемы трансформации и развития // Наука и инновации. Минск, 2012. № 4. С. 24—26.

Наумов С.А. Развитие процессов диверсификации и модернизации экономики нефтегазоперерабатывающего региона: на примере Ханты-Мансийского АО — Югры: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Югорский государственный университет. СПб., 2011. 22 с.

Пушкарев В.М. Монофункциональный город Сибири: системная диагностика и направления развития / В.М. Пушкарев, Е.Е. Горяченко, В.С. Костин и др. Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 1997. 38 с.

Раков А.А. Демографические основы народохозяйственного планирования. Минск, 1990. 178 с.

Трифонов В.А. Формирование и развитие городского промышленно-инновационного комплекса: на примере промышленных предприятий и моногорода Юрги Кемеровской области: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Юргинский технологический институт (филиал) Национального исследовательского Томского политехнического университета. Кемерово, 2011. 25 с.

Трусова К.Е. Управление устойчивым развитием моногорода: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Тульский государственный университет. Краснодар, 2013. 26 с.

Тургель И.Д. Стратегическое управление социально-экономическим развитием моноспециализированного города: на примере городов горного профиля Среднего Урала: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Уральская государственная горно-геологическая академия. Екатеринбург, 2001. 41 с.

Хасдан И.Г. Социально-географические закономерности формирования и развития межселенных связей городов (на примере пассажирских связей городов БССР): автореф. дис. ... канд. геогр. наук. БГУ. Минск, 1981. 22 с.

Холл П. Городское и региональное планирование / пер. с англ. В.А. Новикова; под ред. Г.В. Ильинского. М.: Стройиздат, 1993. 246 с.

Antipova E.A., Titov A.N. The Single-Industry Towns of Belarus: Differences in Demographic and Economic Development // Journal of Settlements and Spatial Planning. 2016. Vol. 7. No. 2. Pp. 125—136.

Czetwertyński-Sytnik L., Szymańska D. Problematyka struktury przestrzennej i funkcjonalnej nowych miast na przykładzie wybranych krajów // Gospodarka przestrzenna. 1998. № 1. S. 15—22.

Forrester J.W. Urban Dynamics. Cambridge: University of Cambridge, 1969. 285 p.

Hartwick J.M. Intergenerational Equity and the Investing of Rents from Exhaustible Resources // *The American Economic Review*. 1977. Vol. 67. No. 5. Pp. 972—974.

Isard W. Introduction to Regional Science. Michigan: Pearson Education, 1975. 506 p.

Jakóbczyk-Gryszkiewicz J., Marcińczak S., Siejkowska A. Dynamika i skutki procesów urbanizacji w regionach miejskich po 1990 roku na przykładzie regionu miejskiego Łodzi. Łódź: Wyd. UŁ, 2010. 137 s.

Merlin P. Les villes nouvelles. Urbanisme régional et aménagement. Paris: Population, 1970. 1324 p.

O'Hagan S., Cecil B. A Macro-Level Approach to Examining Canada's Primary Industry Towns in a Knowledge Economy // *Journal of Rural and Community Development*. 2007. Vol. 2. No. 2. Pp. 18—43.

Suutarinen T. Socio-economic restructuring of a peripheral mining community in the Russian North // *Polar Geography*. 2014. Vol. 36. No. 4. Pp. 323—347.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 22 марта 2018

Дата проверки: 25 мая 2018

Дата принятия к печати: 20 августа 2018

Для цитирования:

Антипова Е.А., Титов А.Н. Демографические тренды монопрофильных городов Беларуси в XXI в. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2018. Т. 26. № 3. С. 479—494. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-479-494

Сведения об авторах:

Антипова Екатерина Анатольевна, доктор географических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической и социальной географии Белорусского государственного университета. *Контактная информация:* e-mail: antipova@bsu.by

Титов Антон Николаевич, аспирант кафедры экономической и социальной географии Белорусского государственного университета. *Контактная информация:* e-mail: antitov@tut.by

Demographic trends of the single-industry towns of Belarus in the 21st century

E.A. Antipova, A.N. Titov

Belarusian State University
4 Nezavisimosti avenue, Minsk, 220030, Belarus

Abstract. The comparative spatio-temporal analysis of the demographic development of the single-industry towns of the Republic of Belarus in 2000—2016 is presented in the article. Based on the trend approach, the method of dynamic series, balance and cartographic methods, similarities and differences in the dynamics of the natural movement of the urban population of Belarus and the population of the

single-industry towns are revealed. The peculiarities of the urban structure of the single-industry towns, trends in the population dynamics are revealed, their place in the structure of the urban settlement of Belarus is determined.

Keywords: single-industry town, Belarus, urban structure, settlement system, natural movement

References

- Antipova E.A., Titov A.N. (2017). Sovremennyy portret belorusskogo monopofil'nogo goroda. *Zemlya Belarusi*, (2), 27—36. (In Russ.)
- Antipova E.A., Korotaev V.K. (2014). Geodemografiya Belarusi v XXI veke: sravnitel'no-geograficheskii analiz gorodskogo i sel'skogo naseleniya. *Vestnik BGU. Seriya 2: Khimiya. Biologiya. Geografiya*, (3), 91—98. (In Russ.)
- Bogdanovich A.V. (1970). *Osnovnye problemy ekonomicheskogo razvitiya malykh i srednikh gorodov Belorusskoi SSR*: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk. Gosplan SSSR: Sovet po izucheniyu proizvoditel'nykh sil. Minsk, 26. (In Russ.)
- Bogdanovich A.V. (2011). Urbanizatsiya s chelovecheskim litsom. Problemy i perspektivy razvitiya belorusskikh gorodov. *Belaruskaya dumka*, (3), 38—42. (In Russ.)
- Bocharov Yu.P. (1980). *Gorod i proizvodstvo*. Moscow: Stroiizdat Publ., 125. (In Russ.)
- NP RUP «BELNIIPGRADOSTROITEL'STVA». (2016). *Gosudarstvennaya skhema kompleksnoi territorial'noi organizatsii Respubliki Belarus'*. Minsk. (In Russ.)
- Drozdet'skaya A.A. (2013). *Formirovanie i razvitie turistskikh klasterov v monogorodakh prigranichnykh territorii Leningradskoi oblasti*: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk. Baltiiskaya akademiya turizma i predprinimatel'stva. Saint Petersburg, 23. (In Russ.)
- Zagorets I.V. (1990). *Formirovanie sistem rasseleniya s tsentrami v malykh gorodskikh poseleniyakh BSSR*: avtoref. dis. ... kand. geogr. nauk. BGU im. V.M. Lenina. Minsk, 13. (In Russ.)
- Kreidenko T.F., Rodionova I.A. (2014). Monogoroda stran SNG: kriterii, struktura, rol' v sovremennoi ekonomike. In: Bykov N.I., Dirin D.A. *Transformatsiya sotsial'no-ekonomicheskogo prostranstva Evrazii v postsovetskoe vremya: sbornik statei*. Vol. 1. Barnaul: Alt. un-ta Publ., 333—343. (In Russ.)
- Lytkin A.I. (2012). *Upravlenie innovatsionnoi sredoi monogoroda*: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk. Bashkirskaia akademiya gosudarstvennoi sluzhby i upravleniya pri Prezidente Respubliki Bashkortostan. Ufa, 25. (In Russ.)
- Lyubovnyi V.Ya. (2009). *Monopofil'nye goroda v usloviyakh krizisa: sostoyanie, problemy, vozmozhnosti reabilitatsii*. Moscow: ZAO "Dortranspechat" Publ., 110. (In Russ.)
- Manaeva I.V. (2014). *Metodologicheskii instrumentarii razrabotki stsensariiev sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya monogoroda*: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk. Belgorodskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet. Belgorod, 26. (In Russ.)
- Medvedev V.F., Pol'skii S.A. (1969). *Planirovanie i regulirovanie rosta gorodov: Belorusskaya SSR*. Nauch.-issled. in-t ekonomiki i ekon.-mat. metodov planirovaniya pri Gosplane BSSR. Minsk, 66. (In Russ.)
- Medvedev V.F. (1974). *Sistema planirovaniya i prognozirovaniya kompleksnogo i regional'nogo razvitiya natsional'noi ekonomiki BSSR*. Nauch.-issled. in-t ekonomiki i ekon.-mat. metodov planirovaniya pri Gosplane BSSR. Minsk, 78. (In Russ.)
- Mytskikh N.P. (2012). Monopofil'nye poseleniya: problemy transformatsii i razvitiya. *Nauka i innovatsii*, (4), 24—26. (In Russ.)

- Naumov S.A. (2011). *Razvitie protsessov diversifikatsii i modernizatsii ekonomiki neftegazopererabatyvayushchego regiona: na primere Khanty-Mansiiskogo AO — Yugry*: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk. Yugorskii gosudarstvennyi universitet. Saint Petersburg, 22. (In Russ.)
- Pushkarev V.M., Goryachenko E.E., Kostin B.C. i dr. (1997). *Monofunktional'nyi gorod Sibiri: sistemnaya diagnostika i napravleniya razvitiya*. Novosibirsk: IE i OPP SO RAN Publ., 38. (In Russ.)
- Rakov A.A. (1990). *Demograficheskie osnovy narodokhozyaistvennogo planirovaniya*. Minsk, 178. (In Russ.)
- Trifonov V.A. (2011). *Formirovanie i razvitie gorodskogo promyshlenno-innovatsionnogo kompleksa: na primere promyshlennykh predpriyatii i monogoroda Yurgi Kemerovskoi oblasti*: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk. Yurginskii tekhnologicheskii institut (filial) Natsional'nogo issledovatel'skogo Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. Kemerovo, 25. (In Russ.)
- Trusova K.E. (2013). *Upravlenie ustoychivym razvitiem monogoroda*: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk. Tul'skii gosudarstvennyi universitet. Krasnodar, 26. (In Russ.)
- Turgel' I.D. (2001). *Strategicheskoe upravlenie sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem monospetsializirovannogo goroda: na primere gorodov gornogo profilya Srednego Urala*: avto-ref. dis. ... d-ra ekon. nauk. Ural'skaya gosudarstvennaya gorno-geologicheskaya akademiya. Ekaterinburg, 41. (In Russ.)
- Khasdan I.G. (1981). *Sotsial'no-geograficheskie zakonomernosti formirovaniya i razvitiya mezhselennykh svyazei gorodov (na primere passazhirskikh svyazei gorodov BSSR)*: avtoref. dis. ... kand. geogr. nauk. BGU. Minsk, 22. (In Russ.)
- Kholl P. (1993). *Gorodskoe i regional'noe planirovanie*. Moscow: Stroizdat Publ., 246. (In Russ.)
- Antipova E.A., Titov A.N. (2016). The Single-Industry Towns of Belarus: Differences in Demographic and Economic Development. *Journal of Settlements and Spatial Planning*, 7(2), 125–136.
- Czetwertyński-Sytnik L., Szymańska D. (1998). Problematyka struktury przestrzennej i funkcjonalnej nowych miast na przykładzie wybranych krajów. *Gospodarka przestrzenna*, (1), 15–22.
- Forrester J.W. (1969). *Urban Dynamics*. Cambridge: University of Cambridge, 285.
- Hartwick J.M. (1977). Intergenerational Equity and the Investing of Rents from Exhaustible Resources. *The American Economic Review*, 67(5), 972–974.
- Isard W. (1975). *Introduction to Regional Science*. Michigan: Pearson Education, 506.
- Jakóbczyk-Gryszkiewicz J., Marcińczak S., Siejkowska A. (2010). *Dynamika i skutki procesów urbanizacji w regionach miejskich po 1990 roku na przykładzie regionu miejskiego Łodzi*. Łódź: Wyd. UŁ, 137.
- Merlin P. (1970). *Les villes nouvelles. Urbanisme régional et aménagement*. Paris: Population, 1324.
- O'Hagan S., Cecil B. (2007). A Macro-Level Approach to Examining Canada's Primary Industry Towns in a Knowledge Economy. *Journal of Rural and Community Development*, 2(2), 18–43.
- Suutarinen T. (2014). Socio-economic restructuring of a peripheral mining community in the Russian North. *Polar Geography*, 36(4), 323–347.

Article history:

Received: 22 March 2018

Revised: 25 May 2018

Accepted: 20 August 2018

For citation:

Antipova E.A., Titov A.N. (2018). Demographic trends of the single-industry towns of Belarus in the 21st century. *RUDN Journal of Economics*, 26(3), 479—494. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-479-494

Bio Note:

Antipova Ekaterina A., Doctor of Geographical Sciences, Full Professor, Head of Department for Economics and Social Geography of Belarusian State University. *Contact information:* e-mail: antipova@bsu.by

Titov Anton N., PhD student of Department for Economics and Social Geography of Belarusian State University. *Contact information:* e-mail: antitov@tut.by

DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-495-505

УДК 711.435

Современные вызовы для малых приграничных городов

Е.А. Шлапеко, С.В. Степанова

Институт экономики Карельского научного центра РАН
Российская Федерация, 185030, Республика Карелия, Петрозаводск,
пр. Александра Невского, 50

Приграничные территории и города одними из первых испытывают влияния процессов глобализации и интеграции с ростом миграционных потоков. В качестве современных вызовов, оказывающих влияние на малые приграничные города, рассмотрены трансграничная миграционная и туристская мобильность. При этом принимающее общество по отношению к данным вызовам часто занимает противоположные позиции: стимулирует рост въездного туристского потока, но ограничивая миграционный поток. Вместе с тем усиление динамики трансграничных миграционных потоков приносит изменения, порой существенные, в развитие социокультурного пространства малых приграничных городов. Так, опыт г. Торнио, столкнувшегося с ростом числа приезжих из стран Африки и Азии, демонстрирует усиление фрагментации общества и появление угрозы размывания культурной идентичности. В то же время приграничные с Россией финские города извлекают выгоду от приграничной мобильности населения, способствуя развитию, например, шопинг-туризма. Проблематика трансграничных миграций рассмотрена на примере малых приграничных городов Финляндии. Эмпирическую базу составили данные социологического исследования, проведенного в августе — сентябре 2016 г. в г. Торнио, а также результаты собственных наблюдений авторов.

Ключевые слова: приграничный город, современный вызов, трансграничная миграция, шопинг-туризм, принимающее общество, социокультурная среда, Финляндия

Введение

В настоящей статье в качестве современных вызовов, оказывающих влияние на изменение социокультурной среды малых приграничных городов, рассмотрены трансграничная миграционная и туристская мобильность. Следует указать, что принимающее сообщество по отношению к данным вызовам часто занимает противоположные позиции, стимулирует рост въездного туристского потока, ограничивая миграционный поток.

Модельными площадками выступили малые приграничные финские города, подвергшиеся существенным изменениям под влиянием трансграничных потоков: Торнио (Финляндия — Швеция), Иматра, Лаппеенранта (Финляндия — Россия).

Трансграничная миграция: теоретические аспекты

Приграничные территории и города одними из первых взаимодействуют и реагируют на происходящие изменения и вызовы, связанные с массовыми перемещениями людей и ростом культурного разнообразия.

Геополитические потрясения влияют на восприятие действительности жителями приграничных регионов и ставят перед выбором культурного мира, к которому они хотят принадлежать (Вендина, 2016; Prokkola, Vainikka, Kajan, 2017). Современные процессы регионализации связаны не столько с экономическими и политическими интересами регионов, сколько с культурной самоидентификацией населения, сохранением их традиций. Миграционные потоки актуализируют вопросы социокультурных характеристик сообществ, привнося иную культурную и духовно-ценностную составляющую, способную изменить существующие социальные, культурные и психологические установки принимающего сообщества (Солодова, Гомзова, 2013; Tartakovsky, Walsh, 2016; Пииппонен, Виркунен, 2017). Трансграничная мобильность, приграничные контакты и практики повседневного взаимодействия трансформируют социокультурное пространство приграничных городов и территорий в целом, одновременно становясь вызовами для их территориального развития (Käyhty, 1999; Gurova, Ratilainen, 2016; Шлапеко, Степанова, 2017). При этом в зависимости от структуры трансграничного потока и целей его участников характер взаимоотношения с приезжими часто определяется направленностью ожиданий принимающего сообщества.

Методы и подходы

Целью настоящего исследования является выявление влияния современных вызовов (трансграничной миграционной и туристской мобильности) на изменение социокультурной среды малых приграничных городов Финляндии.

Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: изучено отношение местного населения к городскому пространству и взаимодействие принимающего общества и мигрантов в городской среде, выявлены практики приграничного шопинг-туризма.

В рамках исследования был применен анализ статистической и аналитической информации по теме исследования. На основе материалов российских и зарубежных новостных интернет-ресурсов были проанализированы примеры приграничной миграции и шопинг-туризма, определены причины трансграничной мобильности. Использованы социологические методы исследования, включающие интервьюирование, анкетирование, включенное наблюдение авторов на территории малых приграничных городов Финляндии. В статье рассмотрены подходы к проблематике современных трансграничных миграционных и туристских потоков в фокусе изменения социокультурной среды малых приграничных городов, возникающие под влиянием процесса взаимодействия местного сообщества и приезжих.

Вызовы современной миграции: практика малого приграничного города Торнио

Миграционный кризис, охвативший в первую очередь приграничные территории Европейского Союза, представляется одним из современных вызовов развития малых приграничных городов. Пример Финляндии показателен. В 2015—2016 гг. наблюдалось значительное увеличение заявок на получение вида на жи-

тельство из стран Африки и Азии¹. Мощный миграционный поток оказал существенное влияние на жизнь и быт местного населения, характеризующегося по отношению к приезжим совершенно иной культурой и ментальностью. Материалом исследования послужили данные анкетирования и интервьюирования, проведенного авторами в августе — сентябре 2016 г. в Торнио по проекту *Varents movement*, посвященному проблематике мультикультурализма, миграции и глобализации. Проект реализован при финансовой поддержке Министерства образования и культуры Финляндии и Европейского культурного фонда, а также при содействии Министерства культуры Республики Карелия. Исследование состояло из двух блоков: первый (с участием к.э.н. М.В. Дьяконовой) выявлял привлекательность города для жизни, работы и отдыха с позиции местного населения, второй — взаимодействие принимающего общества и мигрантов в городской среде.

Результаты социологического исследования «Торнио — город благоприятный для проживания, работы и туризма» (август 2016 г.)

Респондентами исследования выступили представители Администрации г. Торнио, финско-российского общества Торнио, университета прикладных наук Лапландии, колледжа Лаппиа и народного училища, сотрудники центральной библиотеки, музеев, различных магазинов, кафе, отелей и других организаций города (всего 73 респондента).

В возрастной структуре около 40 % приходится на возраст 31—45 лет, следующими группами (23 %) являются возрастные категории 19—30 и 46—60 лет. 71 % респондентов — женщины.

Одним из ключевых вопросов, позволяющих оценить привлекательность города для проживания, работы и туризма, являлся вопрос о намерении изменить место жительства в ближайшей и дальней перспективе. Более половины жителей продемонстрировали желание остаться, работать и жить в Торнио, подтверждая привлекательность и комфортность города.

Торнио, основанный шведами как торговый город в 1621 г., в настоящее время является частью разделенной финско-шведской границей пары Хапаранда — Торнио (Хапаранда основана в 1821 г.). С 1960-х гг. между городами стало развиваться сотрудничество с совместного строительства бассейна, в 1987 г. по инициативе муниципалитетов было создано новое транснациональное образование (*Provincia Bothniensis*) и развитие городов стало осуществляться по единому плану. За последнее десятилетие в сотрудничестве были достигнуты значительные успехи (проект охраны окружающей среды, языковая школа, совместный центр досуга). Работа объединенного туристского центра способствует активному продвижению туристского потенциала дестинации Хапаранда — Торнио². Вместе с тем существует и определенная специфика. Так, по границе Швеции и Финлян-

¹ Decisions 1/2015-12/2016. Finnish Immigration Service. URL: <http://statistics.migri.fi/#decisions?start=540&end=551> (accessed: 12 March 2018).

² Naparanda Tornio. (2015). Borderless experiences all year round. Easy and fun to cross the border. P. 31.

дии проходят границы валюты (евро — шведские кроны) и часового пояса, что сказывается в работе совместного автовокзала и других организаций. Власти и бизнес подчеркивают уникальность местоположения: торговый центр Rajalla («на границе») на площади Виктории (линия государственной границы), поле для гольфа с равным числом лунок на финской и шведской стороне.

Ответы респондентов подтверждают высокую ценность и другие положительные эффекты границы для жителей (рисунок).

Рисунок. Какое влияние оказывает приграничное положение города?
(% от числа ответов, возможно несколько вариантов)
[Figure. What impact does the borderline position of the city have?
(% of the number of answers, there may be several options)]

Ответы респондентов на открытый вопрос анкеты «Считаете ли вы город Торнио благоприятным для проживания и почему?» выявляют высокую привлекательность и комфортность города для местных жителей. Так, практически все указали на благоприятность и комфортность проживания (93,3 % респондентов). Затруднились ответить лишь 3 чел. (4 %), отрицательный ответ представили 2 чел. (2,7 %), обосновав суровыми климатическими условиями и малочисленностью. Положительные ответы группируются по следующим ключевым тезисам (% от числа ответов):

- маленький, красивый и уютный городок (фин. “pikku kaupunki”) — 45,3 %;
- спокойный и тихий город — 26,7 %;
- разнообразие различных видов деятельности — 25,3 %;
- приграничный город — 10,7 %;
- чистая природа — 9,35 %.

Также доминирующее число респондентов (более 80 %) указали комфортные условия для работы в Торнио. Вместе с тем в ряде ответов при положительных характеристиках города звучал оттенок некоторого ограничения возможностей, обусловленного размерами города. Акцентировались устойчивые связи Торнио с Хапарандой, множество интересных организуемых городами совместно событий и хорошие возможности получения образования.

Результаты социологического исследования «Приезжие и принимающее сообщество: восприятие и взаимодействие» (сентябрь 2016 г.)

В 2015 г. Торнио стал крупным центром по приему беженцев на севере Европы, открыт первый в Европе центр для организации приема и размещения просителей убежища (Центр). При общей численности населения города 22,3 тыс. чел., осенью 2015 г. более 10 тыс. просителей убежища пересекли финско-шведскую границу и оказались в Торнио. На сентябрь 2016 г. в Торнио оставалось 289 просителей убежища и 32 мигранта, проживающих в Финляндии более 4 лет. Большинство беженцев — мужчины 30—40 лет. Во избежание конфликтов в Центре просители убежища расселены по этническому принципу. Несмотря на свободу перемещения по городу, они не имеют права работать, их дети не посещают дошкольные и школьные учреждения; пересечение финско-шведской границы также запрещено. Центр находится в получасе ходьбы от центра города, где расположено самое посещаемое место среди просителей убежища — торговый центр Rajalla — место встречи и общения с представителями своей этнической группы.

В результате проведенного блиц-опроса жителей Торнио об отношении к приезжим и изменении городской среды (89 респондентов, из которых 62 % женщины и 28 % мужчины) выявлено, что женщины относятся более положительно к приезжим, нежели мужчины. Во многом это может быть обусловлено тем, что женщины (38 % от числа опрошенных) чаще, чем мужчины (20 %), общались с просителями убежища и даже подружились с ними (17 %). Среди респондентов были четыре добровольца из Красного Креста. Мощный миграционный поток из стран Африки и Азии привнес изменения в среду города, что подтверждается ответами респондентов. Респонденты отмечают появление новых культур (21 %), шума на улицах (11 %) и арабской речи (6 %). Финские коммуникативные практики не подразумевают близкого контакта с незнакомцами, поэтому их настораживают коллективные действия приезжих, выражающиеся в громкой, эмоциональной речи, сборах группами в общественных местах.

Положительные эмоции местных жителей отмечены при упоминании недавно открытых этнических магазинов (3 %) и летнего Фестиваля восточной кухни (2 %), организаторами которого выступили просительницы убежища из Ирака. Фестиваль прошел на открытой площадке в Центре и вызвал большой интерес со стороны местных жителей.

В рамках включенного наблюдения выявлена приверженность к сохранению традиций при приготовлении пищи, во внешнем виде и музыкальных предпочтениях. Высокая социальная сплоченность, характерная для этнических групп мигрантов, способствует формированию системы неформальных отношений, через которые устанавливаются социальные коммуникации с окружающей городской средой (Андронов, 2014). В результате часто образуются сегменты рынка профессий и услуг, тесно связанные с определенными этническими группами. Так, владельцы пиццерий Торнио выходцы из Турции, открылся магазин с арабскими товарами, в основном продуктами питания (рис, кофе, чай, приправы и восточные сладости). При этом интерес к этим заведениям проявляют не только приезжие, но и местные жители.

Как правило, жители демонстрируют нейтральное или позитивное отношение к просителям убежища. Однако у нескольких мужчин встречалась и крайне отрицательная реакция, подчеркивалось, что они избегают общения с приезжими. Две женщины вспомнили о конфликтах с просителями убежища, причинами которых стали кража и ссора на детской площадке. Другие высказали замечания о том, что беженцы — бремя для финского общества, поскольку они получают большие социальные пособия, которые по праву «принадлежат налогоплательщикам, гражданам страны». Местные жители демонстрировали негативную реакцию в тех случаях, когда поведение приезжих входило в противоречие с нормами и правилами поведения принимающего сообщества.

Большинство респондентов (79 %) готовы помочь просителям убежища. Согласно ответам жителей Торнио, они помогали товарами для дома (21 %), советами (18 %) и даже деньгами (9 %). Ответ «помощь советами» свидетельствует о том, что довольно много жителей готовы к общению с приезжими. Однако 21 % респондентов не хотят оказывать помощь, аргументируя, что «правительство уже и так помогает» или «долг муниципалитета поддерживать их».

Один из самых важных вопросов был посвящен равным правам приезжих и граждан. Большинство респондентов (78 %) считают, что приезжие должны иметь равные права с гражданами, но при этом соблюдать правила и порядки принимающего сообщества. Более половины респондентов указали на необходимость изучения языка (72 %), принятие культуры принимающего сообщества (60 %), а также необходимость работы (38 %), соблюдения законов Финляндии (13 %) и уплаты налогов (11 %). Вместе с тем определенная доля мужчин (13 %) высказалась о необходимости возвращения мигрантов в их родные страны.

Резюмируя результаты проведенного исследования, следует указать, что жители Торнио, несмотря на испытываемый дискомфорт от пребывания просителей убежища и изменения в городской среде, в большинстве своем, открыты к общению и помощи приезжим. В то же время усиливается фрагментация общества, так как мигранты стремятся сохранить ценности и нормы собственной традиционной культуры. Межкультуральная разница проявляется в базовых ценностях: для европейцев характерны гуманизм, справедливость, индивидуализм, уважение прав меньшинств, для переселенцев — традиционализм и коллективизм.

Вызовы современной приграничной торговли и шопинг-туризма

Еще одним современным вызовом развития малых приграничных городов является интенсификация туристского потока, активно поддерживаемая местным бизнесом и сообществом. Основу исследования составили теоретические и практические разработки по теме, собственные наблюдения авторов.

Развитие приграничной торговли и шопинг-туризма обуславливаются как потребностями населения в определенных видах товаров, учитывая категорию качества, так и экономическими факторами, включая возможность получения дополнительного заработка, разницу стоимости товаров по разные стороны границы, возврат налога на добавленную стоимость (tax free), шопинг в магазинах

беспошлинной торговли (*duty free*) (Шлапекко, Степанова, 2017). При этом стоимость приобретаемых товаров пропорциональна расстоянию от места проживания потребителя.

Кроме того, стимулирующее влияние может оказывать удобство работы магазинов, особенно в периоды выходных и праздничных дней, и широкие возможности для проведения свободного времени на территории приграничного города. С экономической точки зрения для приграничных малых городов развитие приграничного шопинг-туризма может иметь важное значение для локальной экономики (Stepanova, 2014). В число самых популярных товаров, приобретаемых россиянами в Финляндии, входят продукты питания (75 %, сыр и молочные продукты, рыба, чай и кофе, сладости), затем хозяйственные товары (30 %, моющие средства) и одежда (Богданов, 2017).

Практика приграничного шопинг-туризма в российско-финляндском приграничье демонстрирует активную позицию приграничных финских городов по стимулированию туристского потока россиян: открытие торговых центров, кафе, гостиниц разного ценового уровня, развитие сопутствующих услуг (активный отдых, спа-центры, аквапарки), ориентированных именно на посетителей из России. Кроме туристско-информационной печатной продукции и работы сайтов на русском языке, создаются интерактивные карты отдельных городов с подробными схемами проезда до магазинов и часами их работы, например Иматры, Лаппеенранты и др., навигация и обслуживание также осуществляются на русском языке. При этом именно российские туристы представляют самую многочисленную группу иностранных посетителей Финляндии, въезжающих в страну с туристскими целями. Преобразование приграничного города Лаппеенранта из «глухого приграничного городишки» в «торговый центр» произошло, согласно А. Кяюхтю, именно благодаря российским туристам (Käyhty, 1999). В настоящее время для жителей приграничных регионов Северо-Запада России совершение покупок в приграничных финских городах становится одним из самых востребованных туристских целей поездок. Туристские и транспортные организации предлагают широкий спектр шоп-туров по направлениям, длительности (включая условия размещения, питания и экскурсионного сопровождения), выбор конкретных торговых центров и магазинов в различные сезоны с учетом скидок. Положительное влияние оказывает возможность получения многократной шенгенской визы, а также удобство работы международных пунктов пропуска на государственной границе.

Введение санкций против России и рост курса евро негативно отразились на покупательской способности и потоке российских шопинг-туристов в Финляндию (Шлапекко, Степанова, 2017). Наиболее сильно пострадали именно приграничные финские города: Йоэнсуу, Иматра, Коуволла, Каяни, Лахти, Лаппеенранта и Куопио, где, например, в декабре 2014 г. беспошлинные продажи снизились более чем на 70 %¹. Вместе с тем благодаря сформированным предпочтениям российских туристов трансграничная торговля продолжает развиваться, а шо-

¹ Tax-free sales drop by up to 75 percent. URL: http://yle.fi/uutiset/osasto/news/tax-free_sales_drop_by_up_to_75_percent/7726403 (accessed: 22.02.2018).

пинг-туризм из России возрождается. Так, в 2016 г. около 470 млн евро было потрачено российскими гражданами на территории Финляндии, в среднем 175 евро за поездку, или 82 евро в день на человека (Богданов, 2017). В целом по итогам 2016 г. рост продаж был зафиксирован именно в приграничных городах Лаппеенранта (+34 %), Йоэнсуу (+32 %), Иматра (+19 %) ¹.

Таким образом, с экономической точки зрения для приграничных регионов развитие шопинг-туризма может иметь как положительное влияние (развитие смежных отраслей, рост занятости и доходов населения), так и негативное (убытки для местных компаний, ориентация на потребителей сопредельных стран). С социокультурной точки зрения увеличение количества приграничных контактов способствует изучению культуры и языков стран-соседей, лучшему взаимопониманию.

Заключение

Современные вызовы для приграничных городов связаны главным образом со степенью проницаемости границ, их контактностью или барьерностью. Результаты исследования позволили выявить толерантность жителей приграничных городов к представителям иных этнических групп, что может быть обусловлено спецификой географического положения и сложившимися в этой связи историческими практиками взаимодействия и межкультурной коммуникации с представителями других, отличных от собственных, культур. Одновременно приграничные города первыми принимают и по большей степени испытывают влияние процессов глобализации и интеграции с ростом миграционных потоков. При этом принимающее сообщество по отношению к данным вызовам часто занимает прямо противоположные позиции. С одной стороны, стимулируя рост въездного туристского потока (включая обслуживание и маркетинговое продвижение туристских продуктов, строительство торговых центров, ориентированных на жителей сопредельного государства), с другой, стремясь приостановить миграционный поток, включая депортацию. Вместе с тем и при положительном, и при негативном отношении усиление динамики трансграничных миграционных потоков приносит изменения, порой существенные, в развитие социокультурного пространства малых приграничных городов. Так, опыт Торнио, столкнувшегося с ростом числа приезжих из стран Африки и Азии, демонстрирует усиление фрагментации общества и появление угрозы размывания культурной идентичности. В то же время приграничные финские города Иматра и Лаппеенранта демонстрируют способность извлекать выгоду от приграничной мобильности населения, стимулируя развитие, например, шопинг-туризма.

© Шлапекo Е.А., Степанова С.В., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

¹ Продажи среди россиян в Лаппеенранте выросли на треть. URL: <https://colibris.ua/countries/finland/news/2175/> (дата обращения: 17.04.2017).

Список литературы

- Андронов И.С.* Мигранты в социокультурной структуре населения мегаполиса // Социология и право. 2014. № 1. С. 55—60.
- Богданов Е.* Шопинг в Финляндии: меньше «Фейри», больше ресторанов. URL: <http://fontanka.fi/articles/33230/> (дата обращения: 01.03.2018).
- Вендина О.И.* Города на границе: испытание этнокультурным разнообразием // Городские исследования и практики. 2016. Т. 1. № 3. С. 7—30.
- Солодова Г.С., Гомзова В.В.* Международная миграция — принимающее общество и иноэтничные мигранты // Вестник Новосибирского государственного университета. 2013. Т. 11. Вып. 2. С. 62—67.
- Степанова С.В.* Приграничный туризм на Северо-Западе Российской Федерации: общие тенденции и особенности развития // Балтийский регион. 2014. № 3(21). С. 132—144. DOI: 10.5922/2074-9848-2014-3-10
- Шлапенко Е.А., Степанова С.В.* Развитие приграничной торговли в России: общие тенденции и особенности // Вестник Забайкальского государственного университета. 2017. Т. 23. № 1. С. 130—139.
- Gurova O., Ratilainen S.M.* From Shuttle Traders to Middle-Class Consumers: Russian Tourists in Finnish Newspaper Discourse between the years 1990—2014 // *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*. 2016. No. 16(1). Pp. 51—65. DOI: 10.1080/15022250.2016.1244507
- Naparanda Tornio. Borderless experiences all year round. Easy and fun to cross the border. 2015. 31 p.
- Käyhty A.* The Russians are Coming — and Lappeenranta Rubs Its Hands. *Helsingin Sanomat*. 20.12.1999.
- Piipponen M., Virkkinen J.* Asylum seekers and security at the northern Finnish-Russian border: analyzing the “Arctic route episode” of 2015—2016 // *RUDN Journal of Economics*. 2017. No. 25(4). Pp. 518—533. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-518-533
- Prokkola E.-K., Vainikka V., Kajan E.* Everyday security and demonstrations in the border towns of Lappeenranta and Tornio // *Nordia Geographical Publications*. 2017. No. 46(3). Pp. 37—48.
- Tartakovsky E., Walsh S.D.* Testing a New Theoretical Model for Attitudes Toward Immigrants: The Case of Social Workers’ Attitudes Toward Asylum Seekers. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2016. No. 47(1). Pp. 72—96. DOI: 10.1177/0022022115613860

Благодарности:

Статья подготовлена в рамках выполнения бюджетной темы АААА-А16-116011900255-1 «Методология исследования эволюции северных периферийных регионов и разработка механизмов управления их экономическим развитием» и Программы Президиума РАН № I.П13 фундаментальных научных исследований «Пространственное развитие России в XXI веке: природа, общество и их взаимодействие». В рамках международного проекта Varents movement при поддержке Министерства образования и культуры Финляндии и Европейского культурного фонда, а также при содействии Министерства культуры Республики Карелия.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 04 мая 2018

Дата проверки: 20 июля 2018

Дата принятия к печати: 28 августа 2018

Для цитирования:

Шлапеко Е.А., Степанова С.В. Современные вызовы для малых приграничных городов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2018. Т. 26. № 3. С. 495—505. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-495-505

Сведения об авторах:

Шлапеко Екатерина Андреевна, кандидат политических наук, научный сотрудник отдела региональной экономической политики Института экономики Карельского научного центра Российской академии наук. *Контактная информация:* e-mail: shlapenko_kate@mail.ru

Степанова Светлана Викторовна, кандидат экономических наук, научный сотрудник отдела региональной экономической политики Института экономики Карельского научного центра Российской академии наук. *Контактная информация:* e-mail: svkorka@mail.ru

Contemporary challenges for small border cities

E.A. Shlapenko, S.V. Stepanova

Institute of Economics of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences
50 Alexander Nevsky avenue, Petrozavodsk, 185030, Russian Federation

Abstract. Due to the growth of migration flows, border areas and cities are among the first to experience the effects of globalization and integration. Cross-border migration and tourism mobility are considered modern challenges affecting small border cities. At the same time, host community often takes opposite positions in relation to these challenges: stimulating tourism and restricting migration. The increased dynamics of cross-border migration brings changes, sometimes significant, to the development of the social and cultural environment of small border cities. Thus, the experience of Tornio city that struggled with the increased number of visitors from Africa and Asia demonstrates a growing society fragmentation and the emergence of cultural identity crisis. The Finnish cities bordering Russia make profit from cross-border mobility, stimulating the development of shopping tourism. The problem of cross-border migration is illustrated by small border cities in Finland. The empirical data is based on the sociological survey conducted in August — September 2016 in Tornio as well as the results of the authors' own observations.

Keywords: border city, modern challenge, cross-border migration, shopping-tourism, host community, social and cultural environment, Finland

References

- Andronov I.S. (2014). Migranty v sotsiokul'turnoj strukture naseleniya megapolisa. *Sotsiologiya i pravo*, (1), 55—60. (In Russ.)
- Bogdanov E. (1 March 2018). *Shopping v Finlyandii: Men'she "Feiri", bol'she restoranov*. Available at: <http://fontanka.fi/articles/33230/> (In Russ.)
- Vendina O.I. (2016). Goroda na granitse: ispytanie etnokul'turnym raznoobraziem. *Gorodskie issledovaniya i praktiki*, 1(3), 7—30. (In Russ.)
- Solodova G.S., Gomzova V.V. (2013). Mezhdunarodnaya migratsiya — primimayushhee obshchestvo i inoetnichnye migrant. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*, 11(2), 62—67. (In Russ.)

- Stepanova S.V. (2014). Prigranichnyj turizm na severo-zapade Rossijskoj Federatsii: obshhie tendentsii i osobennosti razvitiya. *Baltiiskiy region*, 21(3), 109—121. DOI: 10.5922/2079-8555-2014-3-10 (In Russ.)
- Shlapeko E.A., Stepanova S.V. (2017). Razvitie prigranichnoj trgovli v Rossii: obshhie tendentsii i osobennosti. *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 23(1), 130—139.
- Gurova O., Ratilainen S.M. (2016). From Shuttle Traders to Middle-Class Consumers: Russian Tourists in Finnish Newspaper Discourse between the years 1990—2014. *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*, 16(1), 51—65.
- Käyhty A. (1999). The Russians are Coming — and Lappeenranta Rubs Its Hands. *Helsingin Sanomat*.
- Piipponen M., Virkkinen J. (2017). Asylum seekers and security at the northern Finnish-Russian border: analyzing the “Arctic route episode” of 2015—2016. *RUDN Journal of Economics*, 25(4), 518—533. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-518-533
- Prokkola E.-K., Vainikka V., Kajan E. (2017). Everyday security and demonstrations in the border towns of Lappeenranta and Tornio. *Nordia Geographical Publications*, 46(3), 37—48.
- Tartakovsky E., Walsh S.D. (2016). Testing a New Theoretical Model for Attitudes Toward Immigrants: The Case of Social Workers' Attitudes Toward Asylum Seekers. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 47(1), 72—96. DOI: 10.1177/0022022115613860

Acknowledgements:

The article was prepared within budgetary theme AAAA-A16-116011900255-1 “Research methodology of the northern periphery regions evolution and elaboration of management mechanisms of their economic development”; the Program of the Presidium of the Russian Academy of Sciences No. I.P13 of fundamental scientific research “Spatial Development of Russia in the 21st century: nature, society and their interaction”; International project “Barents Movement” with the support of the Ministry of Education and Culture of Finland and the European Cultural Foundation, and with the assistance of the Ministry of Culture of the Republic of Karelia.

Article history:

Received: 04 May 2018

Revised: 20 July 2018

Accepted: 28 August 2018

For citation:

Shlapeko E.A., Stepanova S.V. (2018). Contemporary challenges for small border cities. *RUDN Journal of Economics*, 26(3), 495—505. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-495-505

Bio note:

Shlapeko Ekaterina A., Candidate of Political Sciences, Research Fellow, Department of Regional Economic Policy, Institute of Economics, Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences.
Contact information: e-mail: shlapeko_kate@mail.ru

Stepanova Svetlana V., Candidate of Economic Sciences, Research Fellow, Department of Regional Economic Policy, Institute of Economics, Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences.
Contact information: e-mail: svkorka@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-506-519

УДК 332.143

Geographical assessment of urban utilities in Pune Municipal Corporation region with changing urban population

V. Nagarale

Shreemati Nathibai Damodar Thackersey Women's University
Maharshi Karve Vidyavihar, Karve Road, Pune 411038, India

Abstract. The rapid growth of urban area and extraordinary population growth are the most dramatic phenomenon associated with urbanization. This rapid and haphazard growth of urban sprawl and increasing population pressure results in the various adverse effects on urban environment. In India major metropolitan cities are already saturated due to large scale immigration of population. Urban centres and Metropolitan cities are growing haphazardly in all directions without proper planning. Pune is the eighth largest city in India in terms of both population and GDP driven by rapid urbanization. Pune's population will grow up from 5.5 million to 7.7 million by 2030 and it will create severe strain on core urban infrastructure. Pune city lies between 18° 25' to 18° 37' North latitude and 73° 44' to 73° 57' East longitude. The study area covers 243.84 km² composed of 144 general electoral wards. According to 2011 which comes under 14 administrative wards of Pune Municipal Corporation with population with 3.12 million Pune city in India is growing at a very fast rate.

In the present study population changes with utility services are considered for sustainable urban environment. In Pune Municipal Corporation each ward's population it is found that uneven distribution of various utility services which leads various problems in management and planning of Pune Municipal Corporation. For present study e-Suvidha centres and 24 hours open medical stores are considered. In PMC 88 e-Suvidha centres and 124 medical stores which are day and night are available. Hadapsar administrative ward has maximum number of population in PMC. In 2011, this ward has 3 240 751 populations. This ward has 16% Maha e-Suvidha centres, 12% medical stores which are 24 hours open. When these available utilities are compare with wards total population it is notice that the ratio of number of population and available utility services are not properly distributed with various geographical parameters.

Keywords: urbanization, utility services, PMC, GDP

Introduction

Present research paper deals with urban utilities in urban area and how the changing population effects on distribution of utility services. Municipal Corporation is one of the urban body who deals with urban planning and administration of particular area.

Urbanization is broadly defined as a growth of towns and increasing ratio of rural to urban population of a country. The sheer magnitude of the urban population, haphazard and unplanned growth of urban areas and a desperate lack of infrastructure are the main causes of such a situation. The rapid growth of urban population both natural and through migration has put heavy pressure on public utilities like housing, sanitation, transport, water, electricity, education, health and so on.

Utility services itself explain the services which we are utilizing for the wellbeing of human population. Urban area is differing from rural area because of its service providing nature. Good transportation system, electricity, water supply, proper urban land use, education, recreation, health and sanitation, etc. Standard or quality of city has been determined by the status of these services. The maximum satisfaction from consuming goods or services is also considered as utility service. Utilization of something, in practical sense its use.

Literature review

Deshpande C.D. (1975) has observed this process in India in the form of ribbon development along the main roads, railway lines and beaches, planned rail-linked suburbs and their expansion, working class migrations to industrial centers, shanty towns and strip slums.

Sokhi and Rashid (1999) studied the landuse and landcover mapping in urban areas using aerial photographs and satellite imageries of Jaipur (1983 & 1989), Coimbatore (1984), Ujjain (1985), Delhi (1987), Dehradun (1989), Bangalore (1994) and Jammu (1995), on the basis of urban sprawl analysis of these cities they concluded that human settlements are tend to expand in all directions of favourable conditions.

Prasad et al. (2001) worked on urban sprawl for Hyderabad city and its environs. He applied Shannon's entropy approach to measure the degree of spatial concentration of geographical variables and demonstrated the utility of entropy approach to identify, measure and monitor spatio-temporal patterns of urban sprawl.

Shekhar Sulochana (2005) emphasized the significance of remote sensing as source of information and GIS as powerful technologies for analyzing spatial and non-spatial data in urban sprawl of Pune city.

Datta Pranati (2006) worked on Indian urbanization, and number of population residing in urban areas has increased from 2.58 crores in 1991 to 28.53 crores in 2001. India is one among the country of low level of urbanization. In 2001, 306.9 million Indians were living in nearly 3700 towns and cities spread across the country, and it is expected to increase to over 533 million by 2021 respectively. In India, urbanization has been relatively slow compared to many developing countries. Only 28% of population was living in urban areas as per 2001 census.

Bhailume S. (2011) worked on 'An Assessment of Urban Sprawl using GIS and Remote Sensing Technique; A Case Study of Pune-Pimpri-Chinchwad Area'. He emphasised on how RS-GIS techniques can be helpful to find out urban sprawl in Pune and Pimpri-Chinchwad Area.

Anushree Kadam (2014) worked on urban sprawl and urban utility services in the Pimpri-Chinchwad Municipal Corporation (PCMC). In her research she highlights on urban land use changes among four administrative regions with some basic utility services.

Study Area

Pune is the eighth largest city in India in terms of both population and GDP driven by rapid urbanization. Pune's population will grow up from 5.5 million to 7.7 million by

2030 and it will create severe strain on core urban infrastructure. Previous to 1950, the Pune city Municipality and Pune Suburban Municipality governed the city of Pune. Since the population of the both these Municipalities reached a considerable number, the State Government constituted the Pune Municipal Corporation (PMC) on 15th February 1950. The Bombay Provincial Municipal Corporations Act, 1949, governs it. Now, the administrative wing of PMC is divided into 14 administrative wards and those wards are maintaining some prime functional departments. Pune Municipal Corporation is located in Pune District in western region in Maharashtra state between 17°50' North to 19°24' North latitude and 73°19' East to 75°10' East longitudes. The city is located to the South-East of Mumbai at an elevation of 560 m above mean sea level. The total area of PMC is 243.96 km². When the Pune Municipal Corporation set up in 1951 it catered to a total population of 4.85 lakhs. The main reasons for a significant change in the population size from 1920 to 1950 were increase in employment and business opportunities after the World War II, large-scale migration from Pakistan after partition and from other neighboring countries.

Total population of PMC is increases from 1951 to 2011, in 1951 it was 488,419 and in next six decades it is observed that the population increases in every decade. In 2011, total population of PMC is 3 124 458. From 1951 to 2011 various changes are occur in PMC and this quick changes plays vital role to make over the cities old identity 'Pensioners Pune' to 'IT Pune'.

Methodology

The present work covers Pune Municipal Corporation area in Maharashtra India. The methodology adopted for the present study is divided into pre-field interpretation, preliminary interpretation and post-field verification and interpretation of data phases.

Library work includes exhaustive literature survey of the topic of investigation has been undertaken. Published literature, reports also collected from various libraries, institutes; Government Departments, etc. Pre-field phase includes collection of different maps, Satellite imageries and topographical maps. Collection of non-spatial data, utility services data details will be obtained from PMC. Field phases included various visit to the study area and its fringe areas in different seasons, GPS surveys, instrumental surveys, photographs, questionnaire surveys, etc. Laboratory work includes the digitization of various layers, preparation of maps and other GIS/RS techniques. i.e., georeferencing, digitization, attribution, data attachment, overlay analysis, supervised and unsupervised classification, final layouts of different maps.

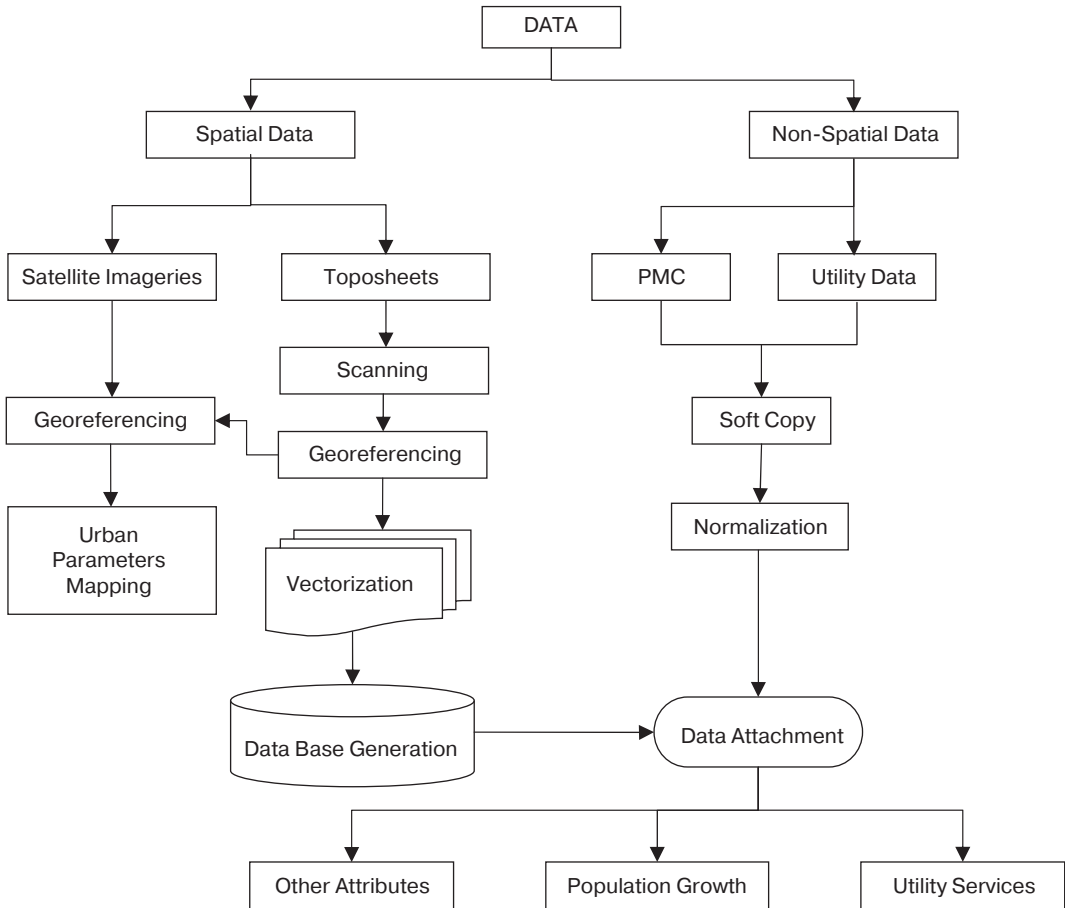
Data Collection

The data required for the present study is as follows.

Segment	Type of Data	Source
Spatial data	SOI Toposheets — scale 1:25000, 1:50000	Survey of India
	Satellite data for different periods	National Remote Sensing Centre, Hyderabad (NRSC)
Non-spatial data	Utility services from various wards	Pune Municipal Corporation (PMC)
	Ward wise population data	PMC and Census 2001 & 2011 and later
	Ward wise questionnaire	Information by Field Investigation

Data Analysis

Data analysis will be carried out in following wanner.

Flowchart of Methodology

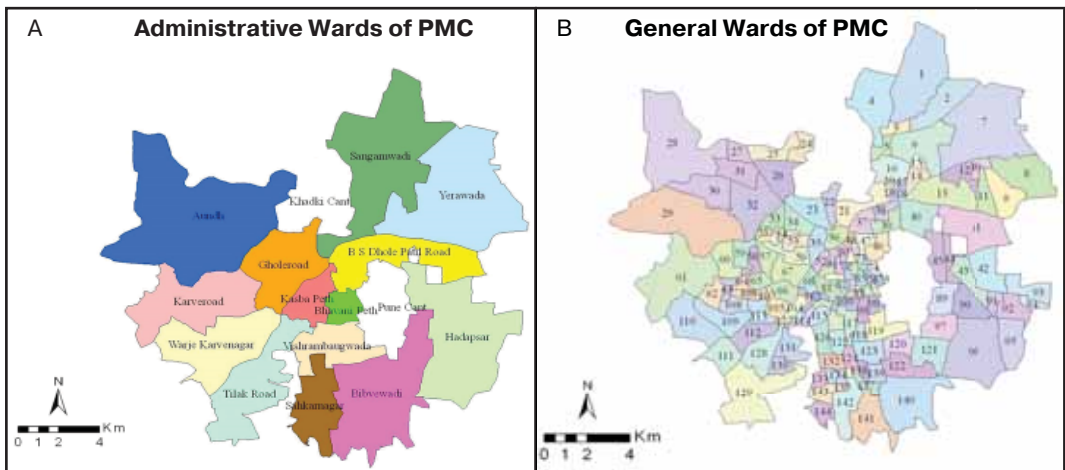

Figure 1. Location of Study Area

Table 1

Population of PMC

Sr. No	Ward name	Total Geographical Area km ²	TGA in %	Population, 2001	Population, 2011	Population District (%) 2001	Population District (%) 2011
1	Aundh	40.75	16.17	175 755	181 124	7.4	5.8
2	B.S. Dhole Patil	14.64	6	154 919	155 413	6.53	4.97
3	Bhavani Peth	2.9	1.18	160 504	192 932	6.76	6.17
4	Bibvewadi	18.35	7.52	174 811	291 446	7.36	9.33
5	Dhankawadi	10.84	4.44	151 692	236 648	6.39	7.57
6	Ghole Road	12.76	5.23	198 286	171 678	8.35	5.49
7	Hadapsar	24.78	10.15	123 288	324 751	5.19	10.39
8	Karve Road	16.26	6.66	171 632	209 331	7.23	6.7
9	Kasba Vishrambagh	5	2.04	211 388	178 484	8.9	5.71
10	Sahakarnagar	9.2	3.77	166 902	205 441	7.03	6.58
11	Sangamwadi	29.44	12.06	166 364	261 957	7.01	8.38
12	Tilak Road	14.71	6.02	175 112	242 290	7.38	7.75
13	Warje Karvenagar	15.23	6.24	140 250	233 399	5.91	7.47
14	Yerawada	29.1	11.92	203 110	239 564	8.56	7.67
Total		243.96		2 374 013	3 124 458		

Source: Census of India and PMC.

Results

In the present study three urban services namely Property Tax collection, e-Suvidha and Blood distribution has been considered. Administrative ward wise population and number of services has been shown in the tables and maps as below.

Table 2

Property-Tax Pay Offices in PMC

Sr. No	Ward name	Area in km ²	Population, 2011	Tax Pay Office
1	Aundh	40.75	181 124	6
2	B.S. Dhole Patil	14.64	155 413	3
3	Bhavani Peth	2.90	192 932	4
4	Bibvewadi	18.35	291 446	5
5	Dhankawadi	10.84	236 648	4
6	Ghole Road	12.76	171 678	12
7	Hadapsar	24.78	324 751	5
8	Karve Road	16.26	209 331	4
9	Kasba Vishrambagh	5.00	178 484	2
10	Sahakarnagar	9.20	205 441	5
11	Sangamwadi	29.44	261 957	4
12	Tilak Road	14.71	242 290	5
13	Warje Karvenagar	15.23	233 399	2
14	Yerawada	29.10	239 564	4
Total		243.96	3 124 458	65

Source: Census of India, PMC and field visits.

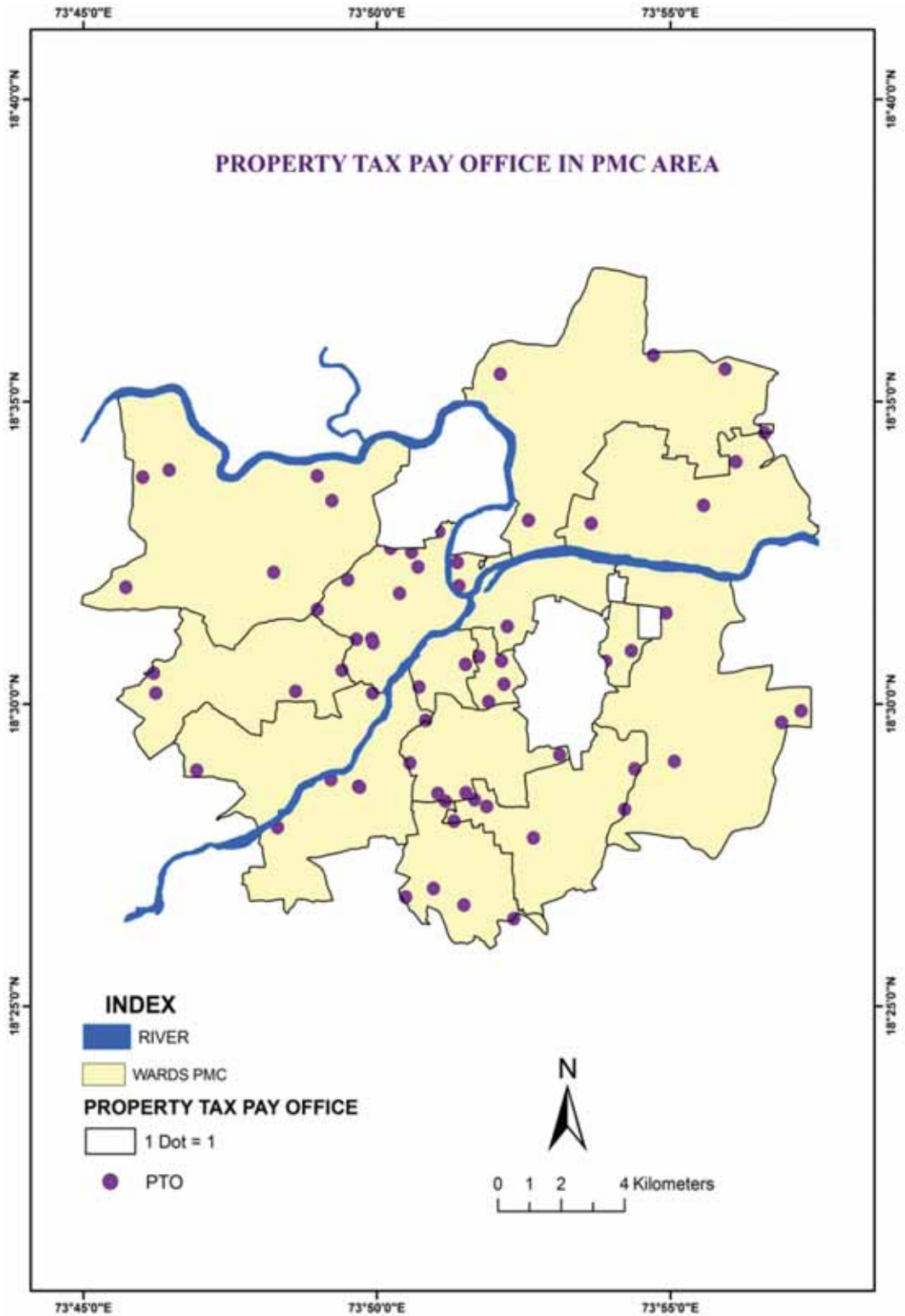

Figure 2. Maha e-Suvidha Center in PMC

Table 2 and figure 2 shows the ward wise numbers of Property Tax Pay Office in Pune Municipal Corporation. Property Tax collection is revenue collection, which is one of the main source that helps to allocate various budget allocation in next financial year. Property Tax is pay for one time overall the year. Online pay mode is also available to people, but minimum numbers of people has knowledge about the online transaction. Most of people directly go to the Property Tax Pay Office to pay the tax amount. Due to minimum numbers of those offices, peoples face inconvenience in those days. Hence, to take out from this inconvenience, there is need to focused on number of Property Tax Pay Office. Ghole Road administrative ward has maximum numbers of Property Tax Pay Office. As compare with other 13 administrative wards, Ghole Road ward has maximum number of government offices like Pune Municipal Corporation Main Building, Akashvani, Shivajinagar Court, as well as Sambhaji Udyan, British Library, International Convention Center, Agriculture College. Due to this influence, this ward has maximum Property Tax Pay Office, i.e. 12. Total population of this ward as on 2011 is 171 678, hence the number of Property Tax Pay Offices is not sufficient but agreeable. Kasba Vishrambagh and Warje Karvenagar this administrative ward has only two Property Tax Pay Offices. Kasba Vishrambagh ward has total population as on 2011 is 178 484 and Warje Karvenagar ward has total population as on 2011 is 233 399, hence the number of Property Tax Pay Office is not enough in both of this ward.

Facilities with internet and various software attracts people to participate at their convenience time. In earlier period there was time restrictions as well as time consumption for such services. e-Suvidha is an e-governance package, designed for community information centers of states of India. This web-enabled software is developed to automate a number of citizen-centric services being delivered by the district/block administration. This brings in transparency to the process of providing services at the local level and reduces harassment of the citizens. These all centres are equipped with computer and communication infrastructure and allow the local population to get connected with the digital world. Government of Maharashtra has implemented a National e-Governance Plan (NeGP) to provide government services to the common people at their doorstep and at an affordable cost. With an aim to bring transparency in the system and establish citizen centric governance. Maha e-Suvidha provides a one-stop interface to citizen to interact with government departments. This center provides several internet/online enables facilities to the urban citizens under one roof.

Table 3 illustrates the ward wise numbers of e-Suvidha centers in Pune Municipal Corporation. This Maha e-Suvidha centers provide many governments recognize services like Pan Card, Reshan Card, Shop Act, Aadhar Card, Smart Card, Gazette, Income Certificate, Domical Certificate, Cast Certificates, Voter Id Card, Gap Certificate, all types of affidavits, Live and Death Certificate, Light Bill, Phone Bill, LIC premium, etc. In Pune Municipal Corporation Tilak Road and Hadapsar this two administrative wards have maximum numbers of Maha e-Suvidha centers. Tilak Road has 15 e-Suvidha centers where Hadapsar has 14 e-Suvidha centers. Hadapsar Administrative ward has largest population in PMC, i.e. 324 751, hence total population of this ward and the number of e-Suvidha centers ratio is agreeable level. Aundh, Bibvewadi and Sangamwadi this three administrative wards have minimum numbers of e-Suvidha centers, i.e. 3. In PMC,

Bibvewadi administrative ward is known for the migrate people. Many people of this ward are migrate from various parts of Maharashtra and India. This ward has several activities related construction business, hence there is need of skill and non-skill people for those construction business. People from out of this area migrate here for job availability and low rent houses in slum area. Most of this people are illiterate and unknown about government facilities. Hence less demands of governmental documents from such peoples and local politician's ignorance Bibvewadi ward has only 3 e-Suvidha center.

Table 3

e-Suvidha Centers in PMC

Sr. No	Ward name	Area in km ²	Population, 2011	e-Suvidha Center
1	Aundh	40.75	181 124	3
2	B.S. Dhole Patil	14.64	155 413	6
3	Bhavani Peth	2.90	192 932	5
4	Bibvewadi	18.35	291 446	3
5	Dhankawadi	10.84	236 648	6
6	Ghole Road	12.76	171 678	6
7	Hadapsar	24.78	324 751	14
8	Karve Road	16.26	209 331	4
9	Kasba Vishrambagh	5.00	178 484	5
10	Sahakarnagar	9.20	205 441	7
11	Sangamwadi	29.44	261 957	3
12	Tilak Road	14.71	242 290	15
13	Warje Karvenagar	15.23	233 399	4
14	Yerawada	29.10	239 564	7
Total		243.96	243.96	88

Source: Field work.

Blood is universally recognized as the most precious element that sustains life. It saves innumerable lives across the world in a variety of conditions. A blood bank is a place designed especially for the storage of blood and blood products. The term 'blood bank' typically refers to a division of a hospital laboratory where the storage of blood product occurs and where proper testing is performed to reduce the risk of transfusion related events. Blood bank accepts the donated blood. A person or a hospital can request the blood from the blood bank when they need. Seeker can get the desired blood group from blood bank (Kulkshreshtha Vikas et al., 2012). Pune city is well known for its medical facilities. Multispecialty Hospitals, 24 hour open hospitals, use of modern technologies in medical treatment, highly qualified and experienced medical staff this are the significance of medical facilities of PMC. Ambulance service, medical stores, surgical equipment providers, blood banks this services are directly involving in medical services. Blood banks are including in and as an emergency service. Most of the hospitals in the Pune city have their own blood bank.

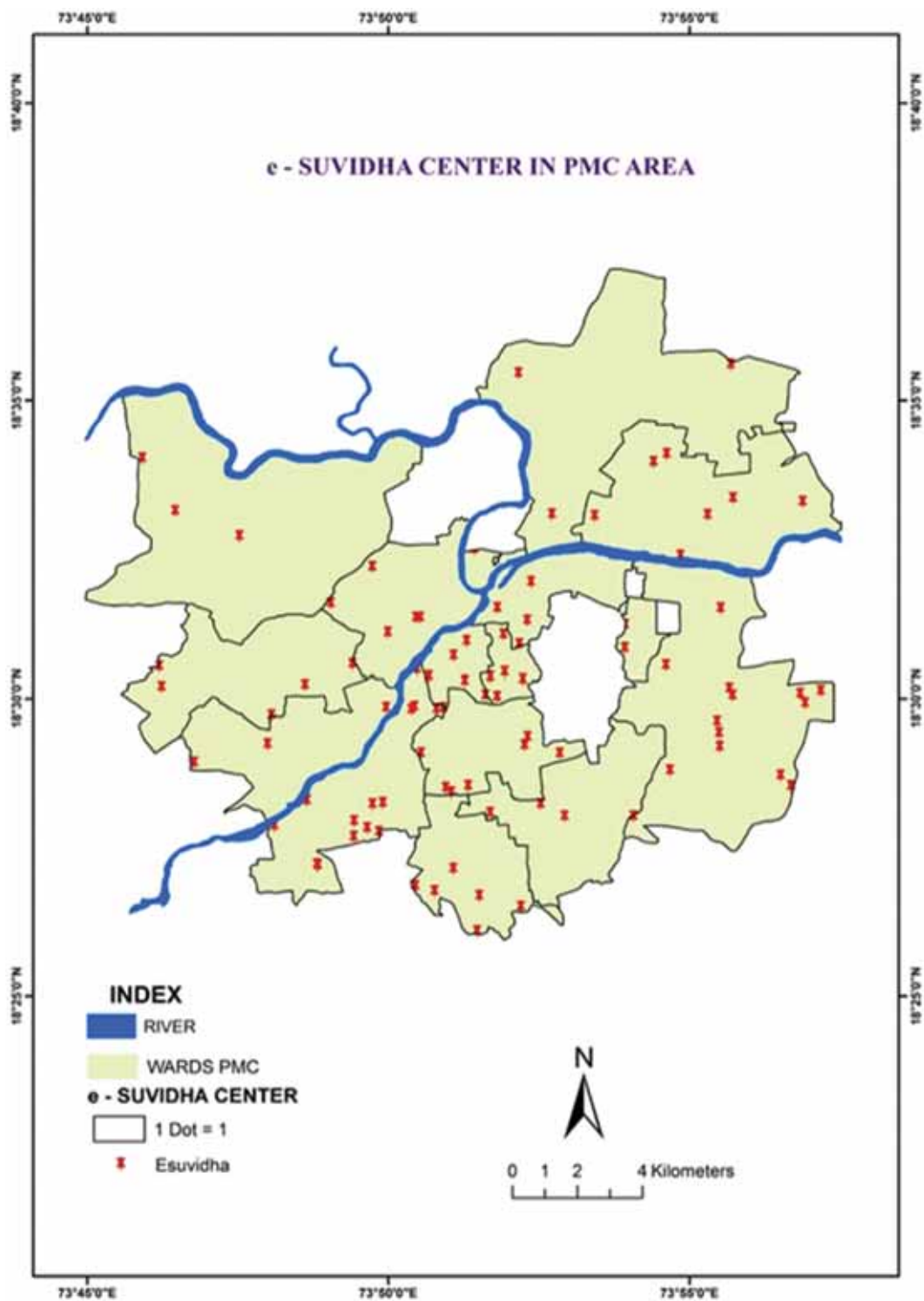

Figure 3. e-SUVIDHA center in PMC area

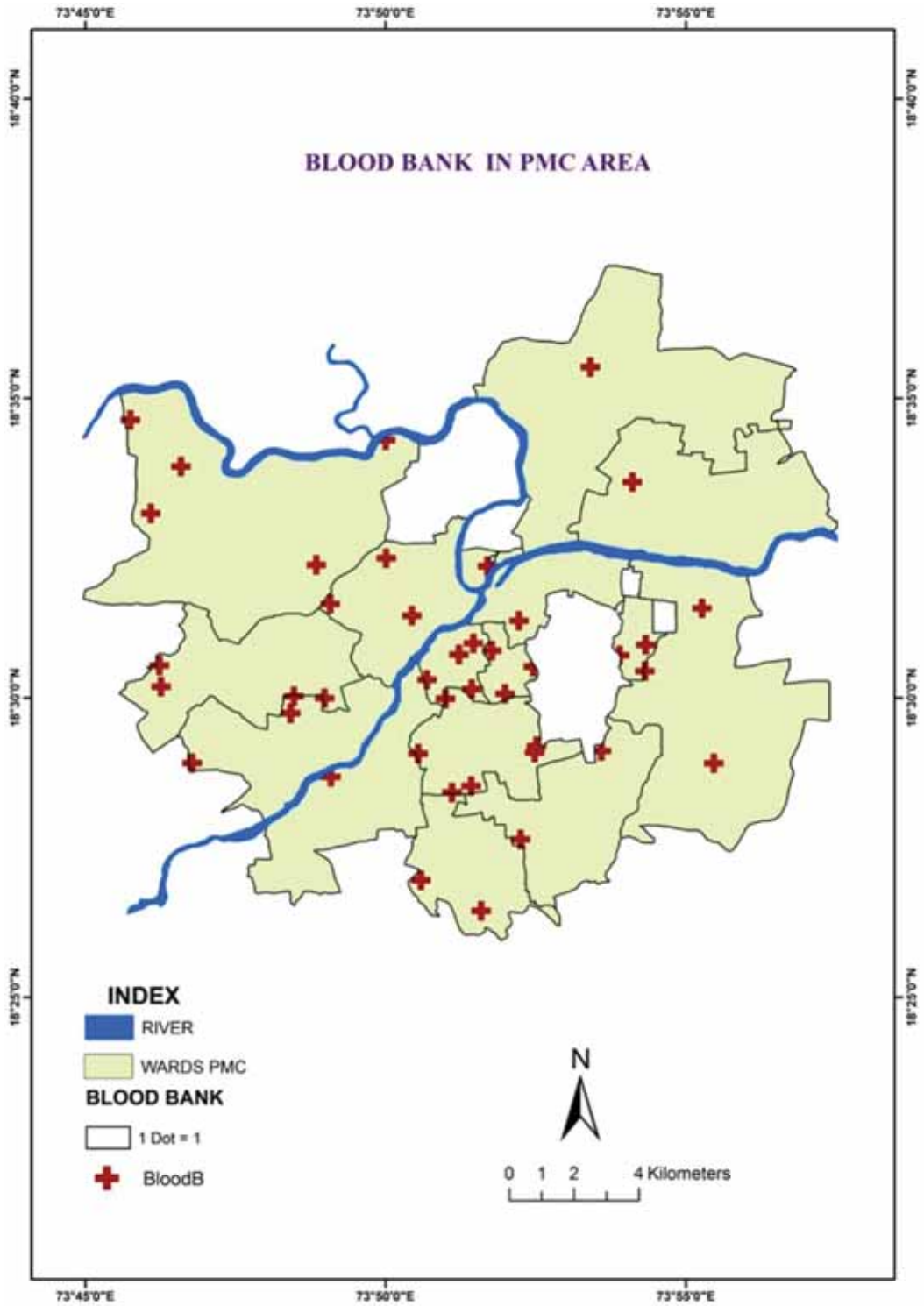

Figure 4. Blood bank in PMC area

Table 4

Blood banks in PMC

Sr. No	Ward Name	Area km ²	Population, 2011	Blood Bank
1	Aundh	40.75	181 124	5
2	B.S. Dhole Patil	14.64	155 413	3
3	Bhavani Peth	2.90	192 932	3
4	Bibvewadi	18.35	291 446	2
5	Dhankawadi	10.84	236 648	2
6	Ghole Road	12.76	171 678	4
7	Hadapsar	24.78	324 751	3
8	Karve Road	16.26	209 331	3
9	Kasba Vishrambagh	5.00	178 484	4
10	Sahakarnagar	9.20	205 441	6
11	Sangamwadi	29.44	261 957	1
12	Tilak Road	14.71	242 290	1
13	Warje Karvenagar	15.23	233 399	3
14	Yerawada	29.10	239 564	1
Total		243.96	3 124 458	41

Source: PMC and field work.

Table 4 reveals the ward wise numbers of blood bank in Pune Municipal Corporation. In PMC, Sahakarnagr ward has maximum numbers of blood bank, i.e. 6, where Sangamwadi, Tilak Road, Yerawada this ward has minimum number of blood bank, i.e. 1.

Multispecialty and big hospitals has their own blood bank. Jahangir Hospital, Ruby Hospital, K.E.M. Hospital, Dinanath Mangeshkar Hospital, Sahyadri Hospital, Shashvat Hospital, Ratna Memorial Hospital, Poona Hospital and Research Center, Navle Hospital, Tarachand Hospital, Sasoon Hospital this are the example of hospital who has their own blood bank. In PMC total number of blood bank is 41. The number of total blood bank is look like minimum with compare to number of hospitals and patient, but those hospitals has their own blood bank they have sufficient stock of blood. Each hospital has well refrigeration containers system to hold blood products at a constant temperature and are dispersed wherever required. Nowadays people are aware of blood donation. Hospital registers the blood donor's information like name, blood group, contact. Hospital sends notification to the person regarding donation camp or emergency donation. These hospitals also have updated list of donors.

Some major conclusions

For the better administration and planning, it is essential to correlate various urban services with the present population and future population. Changing population in various metropolitans creates various problems and pressure on available resources. To overcome all the problems encountered in development process some of following conclusions can give pathway to planning administration.

Property tax is pay for one time overall the year. Online pay mode is also available to people, but minimum numbers of people has knowledge about the online transaction.

Most of people directly go to the Property Tax Pay Office to pay the tax amount. Due to minimum numbers of those offices, peoples face inconvenience in those days. Hence, communicate with the people and help them to understand and use the online pay mode.

In PMC, 88 e-Suvidha centers are active. These e-Suvidha centers provide all governmental services like to issue smart card, domicile, etc. Most of the people are unknown about the services which are provide by the e-Suvidha centers. Hence it is need to arrange some program for people's awareness. The staff, which is appointed in e-Suvidha center, should be well knowledgeable, expert and well train to handle online and offline services. If people will use this centers, the difficulties are reducing to get the government documents and e-governance policy will be get success as well as achieve the transparency in every activity. Regional language facility or language translator should be there to attract more and more peoples.

Health care and health information is an integral part to everyone for sustainable livelihood. Multispecialty hospitals of PMC have their own blood bank. Nowadays hospitals update the list of blood downer, blood group and contact detail of the downer. Now e-blood banking system is useful and time consuming system. This system always updated with the name of blood bank, address and blood group availability. If hospital or even a patient visit to online this e-banking portal they get detailed information and they directly contact to those blood bank. National Health Portal of India is one of the example of e-blood banking. If all hospitals are interlinking with each other and use the benefit of e-blood banking that is very helpful to all hospital and patient too.

© Nagarale V., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

References

- Bane R., Rawal A. (2003). GIS for land use patterns and land transformation — a case study of Anand City. *Indian Cartographic*.
- Bhailume S. (2011). *An Assessment of Urban Sprawl using GIS and remote sensing technique — a case study of Pune-Pimpri-Chinchwad Area* (PhD Thesis. Tilak Maharashtra Vidyapeeth, Pune).
- Dash S., Ray D. (2005). *e-Governance: case studies*. Available at: www.csi-sigegov.org/casestudies
- Datta P. (2006). *Urbanization in India, regional and sub-regional population dynamic population process in urban areas, European Population Conference*.
- David B. and et al. (2006). The Property Tax: its role and significance in Funding state and local government services. George Washington Institute of Public Policy (GWIPP), The George Washington University.
- Deshpande C.D. (1971). *Geography of Maharashtra*. National Book Trust, New Delhi.
- Epstein J., Payne K., Kramer E. (2001). Techniques for Mapping Suburban sprawl. *Photogrammetric Engineering and Remote Sensing*, 63(9), 913–918.
- Erle E. (2010). Land-use and land-cover change. *Climate Change*. Available at: <http://www.eoearth.org/article/Land-use>
- Jaykumar S., Arockiasamy J.J. (2003). Land use/land cover mapping and changes detection in part of Eastern Ghats of Tamil Nadu using remote sensing and GIS. *Journal of the Indian Society of Remote Sensing*, 31(4).

- Jha V.C., Hazar P.B. (1993). Land-use/land cover analysis of Deoghar Upland using remote sensing techniques. *The Deccan Geographer*, XXXI(1).
- Kadam A. (2013). *Application of GIS in urban landuse changes in the PCMC (Pimpri Chinchwad Municipal Corporation)* (Unpublished PhD Thesis. S.N.D.T. Women's University, Mumbai).
- Kewalramani G. (2002). *Land use changes in the peri-urban interface of Mumbai: a case study of the Vasai-Virar lowlands, managing the Urban Fringe of Indian Cities*. Institute of Indian Geographer, University of Pune.
- Kulshreshtha V., Maheshwari S. (2011). Blood bank management information system in India. *International Journal of Engineering*, 1(2).
- Kulshreshtha V., Maheshwari S. (2012). Benefits of management information system in blood bank. *International Journal of Engineering and Science*, 1(12), 5—7.
- Manonmani R., Suganya G. (2010). Remote sensing and GIS application in change detection study in urban zone using multitemporal satellite. *International J. of Geomatics and Geosciences*, 1(1).
- Nagarale V.R., Ohal A.S. (2017). Changing urban landuse in Pune Municipal Corporation, Pune, Maharashtra: 1981—2011. *Maharashtra Bhugolshastra Parishad*, 34(2), 1—8.
- Prasad V.K. et al. (2001). *Measuring urban sprawl: a case study of Hyderabad*. Available at: <https://www.geospatialworld.net/article/measuring-urban-sprawl-a-case-study-of-hyderabad/>
- Shekhar S. (2005). Monitoring urban sprawl of Pune by using remote sensing and GIS technique (PhD Thesis. University of Pune).
- Sokhi B.S., Rashid S.M. (Eds.) (1999). *Remote sensing of urban environment*. Manak Publications Ltd., Delhi.
- Sudhira H.S. et al. (2003). Urban growth analysis using spatial and temporal data. *J. Indian Soc. Remote Sensing*, 31(4).
- Walsh S.J. et al. (2001). A multiscale Analysis of LULC and NDVI variation in Nang Rong district, Northeast Thailand. *Agriculture, Ecosystems and Environment*, 85, 47—64.
- Zope R.P. (2013). The planning strategies for urban land use pattern: a case study of Pune City, India. *International Journal of Innovative Research in Science and Engineering and Technology*, 2(7).

Acknowledgement:

The present study has been carried out with my student Ms. Anuradha Ohal, who is working for doctoral dissertation. I acknowledge her sincere efforts to collect information as well as data processing.

Article history:

Received: 25 May 2018

Revised: 06 August 2018

Accepted: 22 September 2018

For citation:

Nagarale V. (2018). Geographical assessment of urban utilities in Pune Municipal Corporation region with changing urban population. *RUDN Journal of Economics*, 26(3), 506—519. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-506-519

Bio Note:

Nagarale Virendra, Professor and Head Department of Geography, S.N.D.T. Women's University Pune Campus. *Contact information:* e-mail: drnagarale@gmail.com

Географическая оценка городских коммунальных услуг в муниципалитете Пуна в условиях изменения численности городского населения

В. Нагарале

СНДТ Женский университет
Индия, Пуна, 411038, Карве-роуд, Махарши Карве Видьявихар

Быстрый рост городской территории и чрезвычайный рост населения являются самыми драматическими явлениями, связанными с урбанизацией. Быстрый и беспорядочный рост городов и увеличение населения приводят к различным неблагоприятным последствиям для городской среды. В Индии крупные мегаполисы уже насыщены из-за крупномасштабной иммиграции населения. Городские центры и столичные города растут беспорядочно во всех направлениях без надлежащего планирования. Пуна — восьмой по величине город в Индии по численности населения и ВВП, что обусловлено быстрой урбанизацией. Численность населения Пуны вырастет с 5,5 до 7,7 млн чел. к 2030 г. и создаст серьезную нагрузку на основную городскую инфраструктуру. Город Пуна находится между 18° 25' и 18° 37' с. ш. и 73° 44' до 73° 57' в. д. Область исследования охватывает 243,84 км² и состоит из 144 общих избирательных палат. По данным на 2011 г., муниципалитет Пуна состоит из 14 административных подразделений с населением 3,12 млн жителей. В настоящем исследовании учитывается влияние демографических изменений на функционирование коммунальных служб города. Неравномерное распределение различных коммунальных услуг приводит к проблемам в управлении и планировании. В статье рассматриваются центры e-Suvidha и круглосуточные медицинские магазины. В Пуне 88 центров e-Suvidha и 124 медицинских магазина, доступных круглосуточно. В административном районе Хадапсар сконцентрирована большая часть населения муниципалитета Пуна. В 2011 г. эта палата насчитывала 3,24 млн чел. Здесь находится 16 % центров Maha e-Suvidha, 12 % медицинских магазинов, которые открыты 24 часа. Если сравнить эти услуги с общей численностью населения, заметно, что соотношение количества населения и доступных коммунальных услуг неравномерно и не учитывает различные географические параметры.

Ключевые слова: урбанизация, городские услуги, муниципалитет Пуна, ВВП

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 25 мая 2018

Дата проверки: 06 августа 2018

Дата принятия к печати: 22 сентября 2018

Для цитирования:

Нагарале В. Географическая оценка городских коммунальных услуг в муниципалитете Пуна в условиях изменения численности городского населения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2018. Т. 26. № 3. С. 506—519. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-506-519

Сведения об авторе:

Нагарале Вирендра, профессор, руководитель географического факультета СНДТ Женского университета Пуны, Индия. Контактная информация: e-mail: drnagarale@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-520-530

УДК 314.74

Экономическая миграция из Бурятии: факторы, тенденции, последствия

Г.Н. Очирова

Институт социально-политических исследований РАН
Российская Федерация, 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1

В статье представлены статистические сведения по миграции из Республики Бурятия. Рассмотрены факторы, которые побуждают людей покидать регион, а также проанализированы основные тенденции и социально-экономические последствия миграционных процессов в соотношении с мерами республиканской миграционной политики. Среди основных выталкивающих факторов можно выделить проблемы с трудоустройством, низкую заработную плату и низкий уровень жизни, а также отсутствие лидирующих высших образовательных учреждений, провоцирующих отток амбициозной и интеллектуальной молодежи из республики. Главными центрами притяжения для населения из Бурятии являются Москва и Санкт-Петербург, но значительная часть населения Бурятии мигрирует и внутри Сибирского федерального округа. Правительством Бурятии разработаны различные концепции и проекты по развитию региона. Помимо развития туризма и освоения природных ресурсов в Бурятии, приоритетными направлениями являются повышение уровня жизни и создание рабочих мест. Однако, важна четкая и слаженная работа государственных структур для успешной реализации этих проектов. Кроме того, республиканскими властями не уделяется достаточного внимания поддержке и развитию государственных вузов Бурятии, которым весьма сложно конкурировать с более престижными учебными заведениями России. Развитие республиканских вузов и институтов важно не только для «удержания» собственной молодежи и привлечения молодежи из других регионов и стран, но также для создания возможностей и условий исследовательской деятельности и реализации инновационных проектов.

Ключевые слова: Бурятия, миграция, факторы миграции, социально-экономическое развитие, миграционная политика

Введение

В 2014 г. была утверждена государственная программа, направленная на социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона. Одним из приоритетов данной программы является улучшение социально-демографической ситуации. Особенно остро стоит вопрос оттока местного трудоспособного населения из регионов. Бурятия — не исключение, отрицательный миграционный прирост в субъекте держится на протяжении более 20 лет, за этот период республику покинуло свыше 70 тыс. чел. Так, в Республике сальдо миграции в 2017 г. составило –3426 человек при населении меньше миллиона человек. В статье представлен анализ выталкивающих факторов миграции населения из Бурятии, а также тенденции и последствия миграционных процессов в соотно-

шении с мерами региональной миграционной политики, принимаемыми Правительством для разрешения сложившейся ситуации.

Обзор литературы

В то время как широко распространено изучение трудовой иммиграции в Республике, такое явление, как миграция населения из Бурятии довольно мало изучено с разных сторон. Среди немногих ученых, которые занимаются этой темой, можно выделить И.Э. Елаеву (Елаева, 2016), изучению миграции молодежи из региона посвящены работы С.В. Болотовой (Болотова, 2013), З.А. Даниловой (Данилова, 2017). Можно также отметить исследования О.Ж. Гончикдоржиевой (Гончикдоржиева, 2014) и Д.Д. Бадараева (Бадараев, 2014) о миграции сельского населения Бурятии.

Выталкивающие факторы

Невозможно выявить одну единственную причину миграционных процессов, это явление сложно и многогранно. Как и все миграционные передвижения, миграция находится под влиянием так называемых выталкивающих и притягивающих факторов. Среди них можно выделить географические, природные, экономические, демографические и иные структурные факторы (Рыбаковский, 2017).

Если выталкивающие факторы вынуждают людей покидать их родные места в поисках заработка и лучшей жизни, то притягивающие факторы в свою очередь привлекают людей в определенные города или местности, как правило, экономическими преимуществами: высокие заработные платы, карьерные перспективы, высокий уровень жизни, развитая инфраструктура и пр. Среди выталкивающих факторов миграции из Бурятии можно выделить высокий уровень безработицы, низкий уровень жизни, суровые климатические условия, неконкурентоспособность высших учебных заведений Бурятии, криминогенная обстановка и др.

Уровень безработицы в Бурятии на 2017 г. составлял 9,7 %, в то время как общероссийский — 5,4 %, а по Сибирскому федеральному округу — 7,8 %.

Неспособность республики конкурировать с экономически более развитыми субъектами России за свои высококвалифицированные кадры ведет к нехватке этой рабочей силы, что в свою очередь тормозит экономическое развитие региона. На октябрь 2016 г. потребность организаций в работниках для замещения вакантных рабочих мест составила 145 385 чел., наиболее востребованы высококвалифицированные специалисты в области образования (19 250 чел.) и специалисты среднего уровня квалификации в области здравоохранения (12 042 чел.).

В поисках выхода из ситуации из-за отсутствия работы, низкого уровня заработной платы, жители региона вынуждены искать работу за пределами республики. За последние годы стала распространенной работа вахтовым методом, в основном едут как разнорабочие в Якутию, на Камчатку, Сахалин и т.д. Также, следует отметить относительно новое направление — нелегальную трудовую миграцию в Южную Корею, где жители Бурятии работают на стройках, заводах и фермах в течение двух месяцев без визы, а потом возвращаются домой.

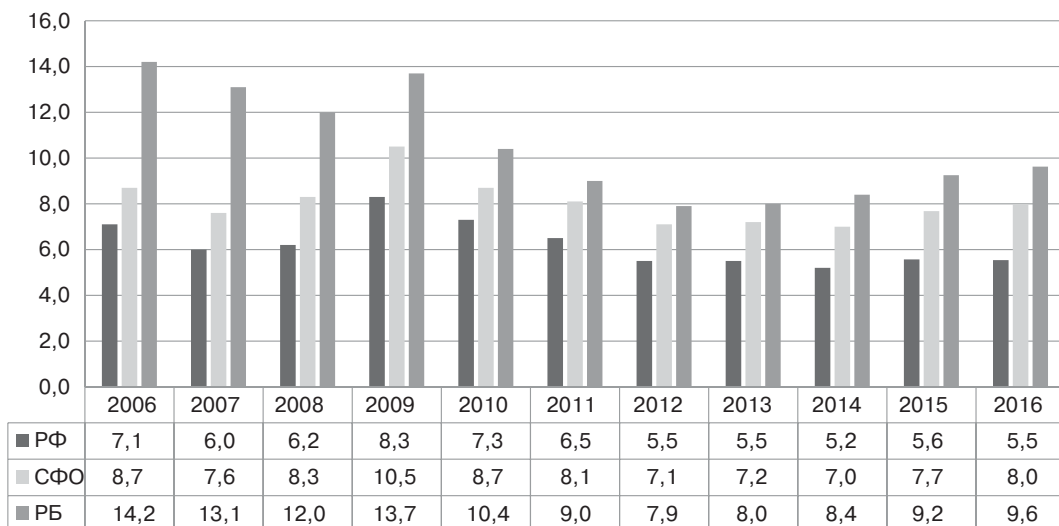

Рис. 1. Уровень безработицы населения РФ, Сибирского федерального округа и Бурятии, в среднем за год (по данным выборочных обследований рабочей силы)

[Figure 1. The unemployment rate in Russia, Siberian Federal District and Buryatia (according to sample labour force surveys]

Источник: составлено по данным Росстата. URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/trud6.xls (дата обращения: 23.04.2018).

Рис. 2. Причины миграции населения в Бурятии в 2016 г.

[Figure 2. Reasons of population migration in Buryatia in 2016]

Источник: составлено по данным Росстата. URL: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 23.04.2018).

В связи с безработицей растет и конкуренция на хорошие вакантные места, выпускникам университетов и молодым специалистам сложно соревноваться с более опытными кандидатами. В 2015 г. 37 % из 4 тыс. выпускников бурятских высших учебных заведений трудоустроились в других регионах [Козлов, Платонова, Лешуков, 2017]. Это также может быть объяснено структурным дисбалансом на рынке труда, то есть несоответствием спроса и предложения рабочей силы: перенасыщенность рынка труда гуманитариями и нехватка высококвалифицированных технических кадров (Дариева, 2012).

Значительную часть покинувших Бурятию составляют выпускники школ, поступившие в вузы в других субъектах РФ. Так, согласно докладу о межрегиональной мобильности студентов и выпускников университетов, подготовленному Институтом образования НИУ ВШЭ, Бурятия входит в группу регионов-экспортеров наряду с Владимирской и Тверской областями, Республикой Адыгеей и др. (НИУ ВШЭ, 2017). Иными словами, уровень университетов высшего образования в Бурятии невысок, 4 основных государственных вуза Бурятии не входят даже в топ-200 лучших вузов России. Ни один из республиканских университетов не участвует в проектах Минобрнауки России, таких как «5-100», «Опорные университеты». Абитуриенты с высокими баллами ЕГЭ и победители различных олимпиад уезжают из региона ради более престижного образования, что приводит к оттоку высокоинтеллектуальной молодежи. Как правило, после окончания обучения в университете люди не желают возвращаться на малую родину, а предпочитают осесть и строить карьеру в регионе обучения.

Миграционный отток молодого и работоспособного населения влияет не только на экономическую сферу, но также и на социальную, а именно на качество самого населения. Убыль из республики образованных людей с высоким потенциалом, со знанием иностранных языков и активной социальной позицией непосредственно сказывается на развитии человеческого капитала и формировании определенного контингента населения в Бурятии (Данилова, 2017). Помимо молодых специалистов из республики уезжают ученые (кандидаты и доктора наук) благодаря различным грантам и стажировкам. К сожалению, отдельной статистики по численности ученых, покинувших регион, нет.

Следует отметить также и сложившуюся криминогенную обстановку в республике, которая отчасти влияет на решение людей уехать из региона. Согласно Росстату¹, Бурятия занимает 4 место среди всех субъектов РФ по числу зарегистрированных преступлений. Наиболее распространенными среди зарегистрированных преступлений в Бурятии стали грабежи, кражи и преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков².

¹ Данные Росстата. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/region/reg-pok17.pdf (дата обращения: 20.03.2018).

² Данные Росстата. URL: <http://212.0.90.211:8080/SITE/BUR1181/2016/12-pravo.pdf> (дата обращения: 20.03.2018).

**Общие итоги миграции населения Республики Бурятия (данные Росстата)
[Overall results of the Republic of Buryatia' population migration (the data of Rosstat)]**

Год	Сальдо миграции	Миграция в пределах России	Международная миграция	Коэффициент миграционного прироста/убыли на 10 000 населения
2013	-3579	-4022	443	-37
2014	-1276	-2079	803	-13
2015	-2006	-2675	669	-20,5
2016	-3213	-3706	493	-32,6
2017	-3426	-3137	-289	-34,8

Основные направления миграции из региона

В основном жители Бурятии мигрируют внутри России, например в 2017 г. миграционная убыль в пределах России составила –3137 человек, а сальдо международной миграции –289 человек. Центрами притяжения для мигрантов из Бурятии в Сибирском федеральном округе были Иркутская область (1036 чел.), Красноярский край (337 чел.) и Новосибирская область (287 чел.). С 2011 по 2016 г. только внутри Сибирского округа миграционная убыль составила около 5 тыс. чел. В 2017 г. наиболее высокий отток населения из Бурятии был в регионы Центрального федерального округа — 1020 чел., из них 938 чел. приходится на Москву и Московскую область. Также популярным направлением являются регионы Северо-Западного федерального округа, в том числе в Санкт-Петербург и Ленинградскую область, миграционный убыль в которые составил 559 чел. в 2017 г.

Что касается миграционного обмена населением с зарубежными странами, на протяжении 10 лет с 2006 по 2016 г. сальдо международной миграции имело положительное значение, но в 2017 г. ситуация кардинально изменилась. Если в 2016 г. был значительный приток населения в республику из зарубежных стран — 493 чел., то в 2017 г. международный миграционный отток составил –289 чел. В основном уезжают из Бурятии граждане стран СНГ (226 чел.), в частности граждане Узбекистана, Украины и Киргизии. В отношении миграционного обмена населением с другими зарубежными странами ситуация схожа: заметна смена миграционного прироста (43 чел.) в 2016 г. на миграционное снижение (–63 чел.) в 2017 г. Согласно данным Росстата, среди основных стран выбытия/прибытия можно выделить Китай и Монголию.

Однако необходимо учитывать, что статистика Росстата отображает лишь людей, которые снялись с регистрационного учета или зарегистрировались на срок более 9 месяцев. При этом ГУВМ МВД учитывает лишь людей, которые выехали на временное трудоустройство через официальные фирмы, в связи с чем весьма трудно оценить временную трудовую миграцию населения (например, нелегальные двухмесячные заработки в Южной Корее). По мнению экспертов, объем

временной трудовой эмиграции значительно превышает объемы, представленные статистикой ГУВМ МВД (Ионцев, Рязанцев, Ионцева, 2016; Рязанцев и др., 2012).

Также крайне трудно определить численность эмигрантов из Бурятии, проживающих в зарубежных странах, поскольку при въезде в иностранное государство власти страны отмечают лишь гражданство человека без национальной (этнической) и региональной спецификации. На данный момент сформировались довольно устойчивые сообщества выходцев из Бурятии как внутри России, так и в зарубежных странах. Например, региональная общественная организация «Ур-ал» в Москве, общество бурятской культуры «Ая-ганга» в Санкт-Петербурге, национально-культурная бурятская автономия «Байкал» в Новосибирске и др. (Болотова, 2013). Организованные диаспоры эмигрантов из Бурятии можно встретить в США, Канаде, Франции, Испании и др. Кроме того, вполне уверенно можно говорить о бурятской диаспоре в Южной Корее, где численность выходцев из Бурятии составляет около нескольких сотен.

Меры региональной миграционной политики

В начале 2011 г. была разработана Концепция демографического развития Республики Бурятия до 2025 г. Основными целями этой концепции являются «стабилизация численности населения и создание условий для ее роста к 2025 г., а также повышение качества жизни и увеличение ожидаемой продолжительности жизни к 2025 г. до 74 лет». Помимо разрешения социально-экономических проблем региона, которые выступают в качестве выталкивающих факторов, Правительство заинтересовано в привлечение иностранной рабочей силы, в том числе высококвалифицированных и молодых специалистов. В рамках данной концепции, в сентябре 2011 г. Правительством Бурятии была утверждена Программа по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом, на 2011—2012 годы¹. В соответствии с этой программой Бурятия должна была принять за 2011—2012 гг. 1022 чел., однако за 2012 г. в регион переселилось только 105 чел.² В 2015 г. программа была возобновлена на срок 2016—2020 гг. с целью принять 500 соотечественников. Однако становится очевидно, что подобные программы не компенсируют отток населения. Помимо привлечения новой рабочей силы, в первую очередь необходимо удержать свое трудоспособное и квалифицированное население. Подразумевается не введение ограничительных мер, а создание соответствующих условий жизни и труда для местного населения, поскольку высокий уровень жизни и стабильное экономическое развитие региона являются притягивающими факторами для людей из других субъектов и стран.

¹ Паспорт программы Республики Бурятия по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на 2011—2012 гг. Утв. Правительством Республики Бурятия. Доступ из информационно-правовой системы «Гарант».

² Данные Росстата. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_107/IssWWW.exe/Stg/tab1-12-16.xls (дата обращения: 20.03.2018).

Оценив сильные и слабые стороны Республики, в 2015 г. Правительство занялось разработкой стратегии социально-экономического развития Республики Бурятия до 2030 г., основными целями которой являются:

1. «Обеспечение высокого уровня жизни населения на основе развития человеческого капитала, освоения природного и промышленного потенциала, туризма, сельского хозяйства на принципах “зеленой экономики”.

2. Сохранение и приумножение уникальной культуры Бурятии.

3. Сохранение уникальной экологической системы.

4. Инновационное развитие экономики»¹.

Основной упор для развития экономики делается на сферу туризма. Бесспорно, туризм Бурятии нужен, туристические потоки обеспечат рабочие места как минимум для нескольких тысяч человек. Правительством также отмечена важность развития промышленного и сельскохозяйственного секторов. Но почему-то нигде не фигурирует образовательный сектор, хотя вузы играют довольно большую роль в жизни региона. Во-первых, это высококачественное образование, т.е. местная молодежь не будет вынуждена покидать регион ради престижного образования. Во-вторых, рабочие места для преподавателей и научных сотрудников с достойными заработными платами. В-третьих, миграционный канал для привлечения интеллектуальной молодежи как из других регионов, так и из заграницы. По мнению ученых, привлечение иностранных студентов имеет социально-экономическое значение для развития как регионов, так и всей страны (Рязанцев, Письменная, 2015; Воробьева, Рыбаковский, 2017; Лукьянец, 2008). Образовательная миграция иностранных граждан более желательна, чем другие виды миграции, по ряду причин: увеличение численности трудоспособного населения и численности специалистов высшего уровня квалификации; омоложение возрастной структуры местного населения; способствование культурному обмену. Кроме того, молодежь, как правило, быстрее и легче интегрируется в принимающее общество (Митин, 2010; Лукьянец, Рязанцев, 2016).

Невозможно отрицать большой потенциал Республики Бурятия и всего Байкальского региона, однако насколько данные проекты будут успешно реализованы зависит во многом от добросовестной работы государственных структур республики и соседних регионов.

Выводы

Как было представлено, основным выталкивающими факторами миграции из Бурятии являются вопросы трудоустройства, высшего образования и уровня жизни. На данный момент приоритетными направлениями деятельности Правительства выступают повышение уровня жизни и создание рабочих мест как для малоквалифицированных, так и для высококвалифицированных кадров, что в дальнейшем должно оказать позитивное влияние на миграционные намерения

¹ Проект «Стратегия социально-экономического развития Республики Бурятия на период до 2030 года». URL: <http://economy.govrb.ru/deyatelnost/napravleniya-deyatelnosti/strategicheskoe-upravlenie/makroprognozirovanie/strat-plan.html> (дата обращения: 20.03.2018).

населения Бурятии. Однако для предотвращения «утечки мозгов», оттока ученых-исследователей и изобретателей необходимо не просто выделение грантов, повышение социального статуса ученого и заработной платы, но также важно создать условия для реализации научно-исследовательских и инновационных проектов.

© Очирова Г.Н., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Список литературы

- Бадараев Д.Д.* Сельско-городская миграция как фактор адаптации к социально-экономическим процессам // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. Т. 14. № 2. С. 59—63.
- Болотова С.В.* Факторы эмиграции молодежи Республики Бурятия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. Т. 15. № 3. С. 155—163.
- Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л.* Доминанта миграционной политики современной России // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 59—65. DOI: 10.7868/S0132162517080062.
- Гончикдоржиева О.Ж.* Миграционные настроения сельских жителей (на примере Республики Бурятия) // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 2. С. 54—58.
- Данилова З.А.* Регулирование и прогнозирование трудовой миграции в регионе // Миграционные мосты в Евразии: модели эффективного управления миграцией в условиях развития Евразийского интеграционного проекта: Материалы IX международного научно-практического форума (Москва, 28—29 ноября 2017 г.): в 2 т. Т. 1 / под науч. ред. С.В. Рязанцева, М.Н. Храмовой. М.: Экономическое образование, 2017. С. 233—238.
- Дариева Б.А.* Миграция в этноконтрактном приграничном регионе России (на примере Республики Бурятия) // Миграционные мосты в Евразии: доклады и материалы II Международной научно-практической конференции «Регулируемая миграция — реальный путь сотрудничества между Россией и Вьетнамом в XXI веке» и IV Международной научно-практической конференции «Миграционный мост между Россией и странами Центральной Азии: актуальные вопросы социально-экономического развития и безопасности». М., 2012. С. 35—38.
- Елаева И.Э.* Миграционные процессы в Бурятии в контексте социальных изменений // Улан-Удэ — 350 лет: история, пространство, общество: сборник научных статей / отв. ред. Б.В. Базаров. Иркутск, 2016. С. 136—142.
- Ионцев В.А., Рязанцев С.В., Ионцева С.В.* Новые тенденции и формы эмиграции из России // Экономика региона. 2016. Т. 12. Вып. 2. С. 499—509. DOI: 10.17059/2016-2-15.
- Козлов Д.В., Платонова Д.П., Лешуков О.В.* Где учиться и где работать: межрегиональная мобильность студентов и выпускников университетов // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2017.
- Митин Д.Н.* Образовательная (учебная) миграция: понятие, проблемы и пути решения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2010. № 3. С. 123—134.
- Лукьянец А.С., Рязанцев С.В.* Эмиграция молодежи из России: формы, тенденции и последствия // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2016. Т. 66. № 1. С. 59—72.
- Лукьянец А.С.* Иммиграционная политика США // Международная экономика. 2008. № 6. С. 31—38.

Рыбаковский Л.Л. Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи // *Народонаселение*. 2017. Т. 76. № 2. С. 51—61.

Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Влияние образовательной миграции на экономическое развитие Российской Федерации // *Ректор ВУЗа*. 2015. № 5.

Рязанцев С.В., Зоидов К.Х., Письменная Е.Е., Маньшин Р.В., Акрамов Ш.Ю. Экономико-математическая модель управления демографическими процессами и оценка ее эффективности // *Россия: модернизация системы управления обществом. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2011 г.* / под ред. Г.В. Осипова, В.В. Локосова. М.: ИСПИ РАН, 2012. С. 255—276.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 24 апреля 2018

Дата проверки: 01 августа 2018

Дата принятия к печати: 05 сентября 2018

Для цитирования:

Очирова Г.Н. Экономическая миграция из Бурятии: факторы, тенденции, последствия // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2018. Т. 26. № 3. С. 520—530. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-520-530

Сведения об авторе:

Очирова Галина Николаевна, младший научный сотрудник Центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН. *Контактная информация:* e-mail: galinaochirova93@gmail.com

Economic migration from Buryatia: factors, tendencies and consequences

G.N. Ochirova

Institute for Socio-Political Studies of the Russian Academy of Sciences
6/1 Fotievoy St., Moscow, 119333, Russian Federation

Abstract. This article presents statistical data about migration from the Republic of Buryatia. It explores factors that induce people to leave the region, and analyses main tendencies and social-political consequences of migration processes in relation to the measures of Republic migration policy. The paper considers the main push-factors of migration from Buryatia such as employment issues, low wage, and low standard of living; moreover, an absence of prestigious higher educational institutions also provokes the outflow of ambitious and intellectual youth from the Republic. The primary centers of attraction are Moscow and St. Petersburg, although, significant part of Buryatia' population also migrates inside the Siberian region. The government of Buryatia works on variety of concepts and projects for development of the region. In addition to the development of tourism and natural resources in Buryatia, the priorities of socio-economic policy are improving living standards and creating jobs. However, clear and coordinated work of the state bodies is the most significant factor for successful implementation of these projects. Moreover, the republican authorities do not pay enough attention

to support and develop state universities in Buryatia, which are hardly able to compete with the leading educational institutions of Russia. Development of the republican universities and institutes is needed not only to keep their own youth and attract young people from other regions and countries, but also to create opportunities and conditions for research and implementation of innovative projects.

Keywords: Buryatia, migration, migration factors, social-economic development, migration policy

References

- Badaraev D.D. (2014). Sel'skogo-gorodskaya migratsiya kak factor adaptatsii k social'no-ekonomicheskim protsessam. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 14(2), 59—63. (In Russ.)
- Bolotova S.V. (2013). Factory emigratsii molodezhi Respubliki Buryatia. *Vestnik Perm'skogo Universiteta. Filosofiya. Psychologiya. Sociologiya*, 15(3), 155—163. (In Russ.)
- Vorobieva O.D., Rybakovsky L.L. (2017). Dominanta migratsionnoy politiki sovremennoy Rossii. *Sociologicheskie issledovaniya*, (8), 59—65. (In Russ.) DOI: 10.7868/S0132162517080062
- Danilova Z.A. (2017). Regulirovanie i prognozirovanie trudovoy migratsii v regione. In: Ryazantseva S.V., Khramovoy M.N. (eds). *Migratsionnye mosty v Evrazii: modeli effektivnogo upravleniya migratsiy v usloviyah razvitiya Evraziyskogo integratsionnogo proekta: Materialy IX Mezhdunarodnogo nauchno-practicheskogo foruma (Moskva, 28—29 noyabrya 2017 goda)*. Vol. 1. Moscow: Economic education Publ., 233—238. (In Russ.)
- Darieva B.A. (2012). Migratsiya v ethno-kontaktnom prigranichnom regione Rossii (na primere Respubliki Buryatia). *Migratsionnye mosty v Evrazii. Doklady y materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-practicheskoy konferencii «Reguliruemaya migratsiya — real'ny put' sotrudnichestva mezhdu Rossiy i Vietnamom v XXI veke» i IV Mezhdunarodnoy nauchno-practicheskoy konferencii «Migratsionny most mezhdu Rossiy y stranami Central'noy Asii: actualnye voprosy social'no-ekonomicheskogo razvitiya y bezopasnosti»*. Moscow, 35—38. (In Russ.)
- Elaeva I.E. (2016). Migratsionnye protseccy v Buryatii v kontekste social'nykh izmeneniy. In: Bazarov B.V. (ed.). *Ulan-Ude — 350 let: istoriya, prostranstvo, obshestvo. Sbornik nauchnykh statey*, 136—142. (In Russ.)
- Gonchikdorzhieva O.Z. (2014). Migratsionnye nastroeniya sel'skikh zhiteley (na primere respubliki Buryatia). *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, (2), 54—58. (In Russ.)
- Gorkovenko O.N. (2016). Osnovnye tendentsii izmeneniya demographicheskoy situatsii v Buryatii. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya Vnutrenney Asii*, (2), 69—77. (In Russ.)
- Iontsev V.A., Ryazantsev S.V., Iontseva S.V. (2016). Novye tendentsii y formy emigratsii iz Rossii. *Ekonomika regiona*, 12(2), 499—509. (In Russ.) DOI: 10.17059/2016-2-15
- Kozlov D.V., Platonova D.P., Leschukov O.V. (2017). *Gde učit'sya i gde rabotat': mezhregionalnaya mobilnost' studentov i vpusknikov universitetov*. Moscow: NIU VSE Publ. (In Russ.)
- Lukyanets A.S., Ryazancev S.V. (2016). Emigraciya molodezhi iz Rossii: formy tendencii i posledstviya. *Vestnik Tadzhijskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seriya obshchestvennykh nauk*, 66(1), 59—72.
- Lukyanec A.S. (2008). Immigracionnaya politika SSHA. *Mezhdunarodnaya ekonomika*, (6), 31—38.
- Mitin D.N. (2010). Obrazovatel'naya (uchebnaya) migratsiya: ponyatie, problemy y puti resheniya. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*, (3), 123—134. (In Russ.)
- Rybakovsky L.L. (2017). Factory y prichiny migratsii naseleniya, mechanism ih vzaimosvyazi *Narodonaselenie*, 76(2), 51—61. (In Russ.)
- Ryazantsev S.V., Pis'mennaya E.E. (2015). Vliyanie obrazovatel'noi migratsii na ekonomicheskoe razvitie Rossiiskoi Federatsii. *Rektor vuza*, (5), 38—43. (In Russ.)

Ryazancev S.V., Zoidov K.H., Pismennaya E.E., Manshin R.V., Akramov Sh.Yu. (2012). Ekonomiko-matematicheskaya model upravleniya demograficheskimi processami i ochenka ee effektivnosti. In: Osipov G.V., Lokosova V.V. (eds.) *Rossiya modernizaciya sistemy upravleniya obshchestvom. Socialnaya i socialno-politicheskaya situaciya v Rossii v 2011 g.* Moscow: ISPI RAN Publ., 255—276 (In Russ.)

Article history:

Received: 24 April 2018

Revised: 02 August 2018

Accepted: 05 September 2018

For citation:

Ochirova G.N. (2018). Economic migration from Buryatia: factors, tendencies and consequences. *RUDN Journal of Economics*, 26(3), 520—530. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-520-530

Bio Note:

Ochirova Galina N., Junior Researcher of the Center for Social Demography of the Institute for Socio-Politic Research of the Russian Academy of Sciences. *Contact information:* e-mail: galinaochirova93@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-531-542

УДК 331.556.4

Immigrants' housing in the housing market in Russia: from the results of sociological questionnaire

M. Michigami

Niigata University (National University)

8050, Ikarashi 2-no-cho, Nishi-ku, 950-2181, Niigata, Japan

Abstract. The study is based on the results of an original sociological survey conducted in 25 cities of Russia from June 2017 to March 2018 by the author. This paper focuses especially on labour immigrants from Central Asia, Ukraine, Belarus and Caucasus regions into Russia. This paper argues the following points; first, the correlation between the demographic movements and regional rental housing fee in Russia, second, the multi-layered structure and its informality of Russian housing market, finally, the relation between labour migrants' housing condition and labour productivity.

In the conclusion, the author points that the Russian housing market is segregated from this research results. Migrant's housing deals are possibly the origin or bottom of the housing market. Their activity would move the regional housing rental market. However, some of their deals also seem to be invisible in the official housing statistics, that is to say, taking place in the informal housing market. This regards as one of characters, which Russian rental housing market has. It would be hurdle for foreign direct investor, which would invest into Russian market. In addition, the quality of immigrants' housing condition is too low to support their labour productivity sustainably. We need to consider the improvement even for labour immigrants and the creation of more open housing market in Russia.

Keywords: housing, immigrant, segregation, informality, multi-layered structure, rental housing market, Russia

Introduction

One of our unique research aspect is the relation between immigrants' housing and Russian regional housing market. Russia is one of countries in the world, which accept many labor migrants. Labor migrant's demographic movement would create to a considerable degree the volume of housing demand — especially rental housing demand in Russia. We try to approach the fundamental drives of Russian housing market from the bottom or origin of market. For this purpose, we originally did questionnaire survey about immigrant's housing, job, life and problems in Russia and collected 1003 respondents in the total 25 cities all around of Russia. Our amount of respondents are large scale of previous researches. We will investigate our following hypothesis by our original sociological questionnaire survey.

First, immigrant inflow does not reflect on the level of housing price in the districts, of their living intensely in Russia. Second, immigrant inflow reflect on the structure of housing market in Russia, we termed, the multi-layered structure. Third, their usual way of housing transaction leads the invisibleness of housing market in Russia. Finally, the

problems of immigrant's housing condition and housing finding reflect on the sustainability of immigrant labor productivity and Russian sustainable growth. In this paper, we introduce some of our first results by questionnaire survey and give our answer against the hypothesis.

In the previous literature, they mainly have discussed the governance aspects against immigrant inflow in the urban districts, especially in the city of Moscow. For example, the segregation of immigrant districts and the correlation between urban enlargement and immigrant. As far as we can see, there is very little literature that focused on our second, third, and fourth hypothesis. Therefore, our research has an academic uniqueness and significance to approach immigrants' reality in Russia. In the next section, we follow the previous literature view.

Literature review

Now we can discuss a hypothesis: Do immigrants' inflow reflect housing price or rental fee — giving a pressure downward or upward? The previous literatures are divided into two views. On the one hand, ethnic and cultural conflict among immigrants settlement bring downward housing price in the high density district of immigrants (Ashkenazi, Vekshtein, 2009; Demintseva, 2014, 2017; Vendina, 2004, 2005; Zaionchkovskaya et al., 2009). Increasing of immigrant from Central Asia and Caucasian reflected the housing price level of their residential districts in Moscow. They had researched the case of Moscow city. In some geographer and demographer's previous literature (Vendina, 2004, 2005; Zaionchikovskaya et al., 2009; Fedotenkov, Mikolajun, 2013; Limonov, Nesena, 2016), they researched the urban space pattern of immigrant labor settlement and their life culture, where do they live in Moscow. Especially since 90's increasing immigrant inflow into Moscow have brought some phenomenon of urban Moscow: 1) the downward pressure of housing price in some districts of Moscow, 2) the urban agglomeration and enlargement, 3) high density of population, 4) ethnic and cultural conflict between residents and immigrants. To sum them up simply, they consider the urban space management connected with migration administration. In fact, it is difficult to segregate immigrant residents in Moscow and Russian regions. Therefore, their implicit message is not to integrate but to control immigrants, beside it, to do segregate them if possible in Russia.

On the other hand, Kashnitsky and Gunko (2016) pointed econometrically that we could not find the correlation between housing prices and intensities of in-migration at the level of city districts of Moscow. First, it is difficult for us to prove it econometrically that increasing of immigrant inflow into some of city districts would reflect on the housing price or rental fee level of their residential districts in Moscow. The level of price and rental fee are affected complicatedly by multiple reasons: population movement, business cycle, interest rate, the volume of new housing construction, and the city's urban development plan, etc.

In addition to it, Ashkenazi and Vekshtein (2009) shows the fact that the lender prefers to lend their apartment for only Russian to prevent from some ethnic conflictions from Central Asia and Caucasus and trouble caused by such confliction. This phenomenon shows another aspect of reflects about the correlation between housing market and immigrant inflow. It might bring the segregation of housing market, especially rental

housing market in Russia. Immigrants' inflow does not give a direct reflection to the housing rental-selling price. Immigrant inflow creates another segment of housing market in Russia. There is "divided market" of housing between foreign businessperson, Russian and immigrant labor.

Figure 1 is Rosstat data's housing price map by Russian Federation. These three solid lined circle are regions that typically accept immigrant labor. Three areas' housing price level is higher than federal average (Federal average 46.4 thous. per sq.m). These areas shows that immigrants' inflow might give a pressure upward housing price. As far as we go to the case of Moscow and some regions, it seems that immigrant inflow would reflect the regional housing price of Russia.

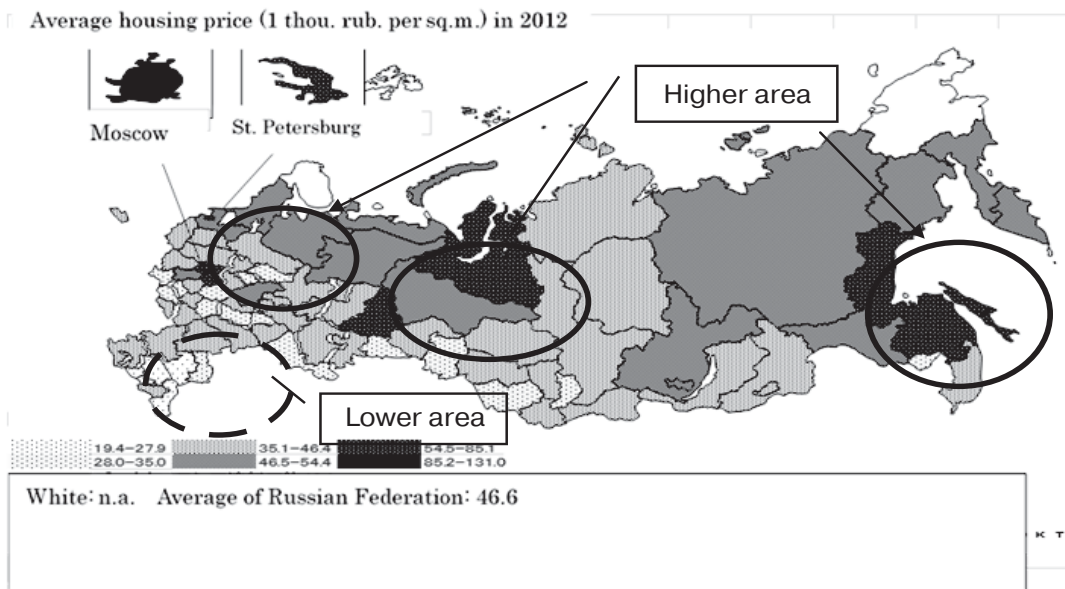

Figure 1. Average housing price (1 thou. rub. per sq.m.) in 2012

Source: Rosstat (2012) and Michigami (2016).

However, on the level of Russian Federation, we cannot make a clear, immigrant labor reflect housing price or not. The one dotted lined circle is region, which is lower price than average, though this area is also the region that typically accept immigrant labor. Therefore, we would like to confirm it by our survey.

We have the original image of housing market in Russia. That is "multi-layered structure" of housing market in Russia (figure 2, Michigami, 2017). Russia's housing market has some stratum according to categorized customers' demand: elite class, business class, economy class, and rental apartment, studio, dormitory, dacha, container, etc. The bottom is for labor migrants' housing circulation at the purpose of using temporal residence according to their level of rental fee. We regard their transaction of housing as the nature of origin of market. Their deals mainly connect through word of mouth, between individuals, relatives and acquaintance. By climbing up the stratum, there deals circulate through real-estator. In addition, their housing use is regular settlement and their transaction is mainly selling and buying. It seems that the mobility and volume of housing

deals at the bottom are higher and larger than the one of upper side. The temporal rental housing market mainly circulates on the bottom of housing market. Most of them are the demand of immigrant labor into Russia. They might reflect to all of Russia’s housing market dynamics through the price discrimination. We will try to confirm this our original image and idea with our questionnaire survey.

Here, we add another academic topic ‘price discrimination’ on micro economic theory in this discussion. From the real estator’s website of Moscow (for example, TSIAN), we can see that housing lenders provide two types price for foreigners or use the constraint condition depending on the customers (figure 3). In actual, the author had the same experience during finding apartment at Moscow and Saint Petersburg in 2017.

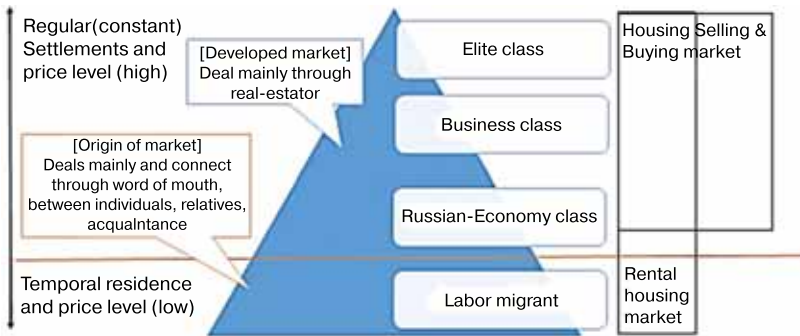

Figure 2. Images of multi-layered structure of Russia’s housing market

Source: Author’s compiled (Michigami, 2017).

Figure 3. How can foreigner and migrant labor find their temporal housing?

Source: Author’s compiled with TSIAN website (2017).

In figure 3, one renter presented 45 thousand ruble as monthly rent for two rooms apartment at the South-West area of Moscow. In Russia, such kind of TSIAN website is popular for rental housing. In addition, other tourist agency website shows for rental housing. They are useful for foreigner and migrant labor to find their apartment in Russia. This website shows two rooms apartment for renting more than 1 year. In 2017 average monthly rent fee in Moscow by real-estator is the followings (Sternyk consulting, 2017); economy class (standard) built in the era of USSR one room apartment — 30 thousand rub. Two rooms apartment about 37.5 thousand rub. Three rooms apartment 47 thousand rub. (Rossiskaya Gazeta, 2017). Therefore, the website's price level is higher than the average of Moscow. The rent level of this apartment in figure 3 is not affordable for immigrants from Central Asia.

In addition, this renter set such constraint condition that this apartment lends only for Russian and except for Central Asian. It seems it is affordable only for high salary customers. In fact, we can often see such constraint: 'only for Russian' or 'except for Central Asian, etc. Ashkenazi and Vekshtein (2009) discuss this fact directly. It seems that there are the segregation of rental housing market in Russia and some problems related in immigrant labor under urbanization. In addition, this transaction can become the hurdle for foreigner and immigrant labor to find the rental housing.

Beside the condition, from author's investigation, their price level was not stable rigidly. It could negotiate depending on the nationality. Sometimes, the renter use the different price depending on the customers. When foreigner (not Russian language speaker) asked to the renter by phone, the price was as the same as the website. Even with negotiation subjected to rent for longer days, price for foreigner did not depreciate to the half level of website price, but only about 20% price down. However, when Russian asked to the renter by phone, the price level was firstly the discounted half of price on the website without negotiation. The half level of website price is the almost average level in the analyst's data (Sternyk, etc). From author's investigation, these prices were about double price, not only located in the most center of Moscow but also in other area of Moscow. The price for foreigner is higher, sometimes twice higher than the price level for Russian.

This pricing make us remind 'price discrimination' and 'personalized pricing' in the micro economic theory. Now this topic is discussed about the relevance of e-commerce and the shopping though the internet (Tang, Smith, 2007; Sigarev, Kosov, 2016). In real life, we can see the similar pricing that same goods are sold with different price in the different shop: for example, on the one hand, a same yogurt drink is sold with 38 ruble in store A. On the other hand, it is sold with 51 ruble in store B (expensive store). We also confronted this pricing on the apartment transaction in Moscow. Provider sets the following price for the same rental housing. A) For foreign businessperson — immigrant labor — expensive price (higher than average). B) For Russian — average price. C) For Central Asian and other immigrant labor — don't lend or lower price than average. Sometimes their price is not visible. In micro economic theory, we consider the reason why price elasticity of demand for housing is different between foreign businessperson immigrant (low) and non-skilled immigrant (high). We will try to confirm this our original image and idea 'as multi-layered stratum' of housing market in Russia from the viewpoint of immigrants' housing with our questionnaire survey.

Methods

We did the original sociological questionnaire survey 25 cities all over the Russia: Moscow, Podolsk, Chekhov, Serpukhov, Kaluga, Saint Petersburg, Pushkin, Tikhvin, Ekaterinburg, Sysert, Vladivostok, Khabarovsk, Ussuriysk, Partizansk, Dalnerechensk, Surgut, Nefteyugansk, Langepas, Lyantor, Tomsk, Stavropol, Blagodarny, Pyatigorsk, Budyonnovsk, and Neftekumsk. We asked 68 questions against immigrant not only housing conditions but also daily life and their job. For example, the reason to come to Russia, the kind of job, document, problems, housing condition, and rent fee, etc. The term of our questionnaire survey is from June in 2017 to March in 2018. Finally we collected the total number of respondents is 1003 persons (Average age 34.6 y.o. and oldest 65 y.o. — youngest 18 y.o.). Such questionnaire survey is just a few and valuable that conducted for lots of respondents and in cities all round Russia. Our survey has the uniqueness to ask the real inside of immigrants to make definitely careful consideration to their human rights and privacy.

All of them are legal immigrants with the patent and permission for labor in Russia. The emigrated countries' formation of respondents is the following: Tadzhikistan (344 respondents), Uzbekistan (225), Ukraine (115), Kyrgyzstan (83), Armenia (51), Azerbaijan (42), Belarus (18), Kazakhstan 19, and others (106); China, North Korea, Vietnam, Moldova, Mongolia, Turkey, Italy, Georgia. The sex formation of all respondents is men 79.2% (average age 34.4 y.o.) and women 20.8% (average age 20.8 y.o.). The age formation of respondents is to 29 y.o. — (36.8%), 30—39 y.o. — (32.2%), to 40—49 y.o. — (23.9%), older than 50 y.o. — (6.7%), n.a. — (0.4%).

Results

Our original questionnairesurvey uniquely shows a lot of real immigrant's housing. In this paper, we focus on the rent fee level of immigrant's rental housing and their real living space for the sake of a space constraint. The average level of one room apartment's rental fee on the real estate website TSIAN — Moscow (tentative calculation by author) is average 16 416 ruble, median 16 000 ruble, min 5000 ruble, max 38 000 ruble. The one of our questionnaire survey at Moscow is average 8527 ruble, median 6000 ruble, min 0 ruble, max 35 000 ruble. Our outcome is very lower than market price. All our outcome of housing average fee is shown in table. Now average monthly rent fee in Moscow by real-estator is the followings; economy class (standard) built in the era of USSR one room apartment — 30 thousand rub. Two rooms apartment about 37.5 thousand rub. Three rooms apartment 47 thousand rub. (Rossiskaya Gazeta, 2017). These price levels are for Russian people, not for foreigner and migrant labor. We really find low level of immigrant rent and see the bottom aspect of housing market by our questionnaire survey.

Compared between our results of rent fee in 25 cities of Russia and average by author's calculation using the data of popular rental housing website in Russia (Avito.ru), the rent level of immigrant housing is much lower than the average level on the website in all 25 cities. Our result proves that immigrants' rental housing fee and transaction are located on the bottom of housing market in Russia. In addition, it is also found that Russia's rental housing market has one different segment for immigrants.

Table

Average housing rental fee by region

Distance	City	Average rent (ruble)	Average rent per sq.m (ruble)	Distance	City	Average rent (ruble)	Average rent per sq.m (ruble)
Center	Moscow	8527.40	273.5	Center	St. Petersburg	9250.00	238.8
40 km	Podolsk	5350.00	160.7	24 km	Pushkin	5857.14	210.0
80 km	Chekhov	5877.55	206.3	220 km	Tikhvin	9100.00	260.6
100 km	Serpukhov	10 875.00	311.5	Center	Ekaterinburg	8176.25	309.6
188 km	Kaluga	6533.33	229.0	50 km	Sysert	5438.89	132.1
Center	Vladivostok	8086.90	297.7	Center	Surgut	5720.45	252.2
100 km	Ussuriysk	5946.15	201.8	46 km	Nefteyugansk	7955.56	322.5
170 km	Partizansk	5690.00	261.2	96 km	Langepas	5450.00	178.3
400 km	Dalnerechensk	5148.00	204.6	77 km	Lyantor	5738.10	143.7
Center	Stavropol	5911.76	251.6				
116 km	Blagodarny	6615.38	147.5				
144 km	Pyatigorsk	6750.00	270.0		Khabarovsk	16 297.62	436.7
173 km	Budyonnovsk	9300.00	244.7		Tomsk	8360.48	265.0
240 km	Neftekumsk	4300.00	184.5		Total Average	7583.05	242.3

Source: author’s calculation by results of our questionnaire survey.

According to table, we can see another trend. Usually the rent level of center city is highest of their neighbor regions. Our results show not only the usual figure, but also another fact like ‘Donuts phenomenon of urban’, that is enlargement of urban, with the respect to rental fee level. The rent level of Serpukhov city is higher than Moscow, which is 100 km far from the center Moscow region. The level of Tikhvin city is also high as well as the case of Sepukhov city. Average rent per sq.m in Tikhvin is even higher than St. Petersburg, which is 220 km far from the center city of Leningrad region. The same trend is similarly shown in the Stavropol and Surgut region. The rent level of some cities, which locate far from center city, is high, compared with the level of center. We can regard this trend as some “Relay points of immigrant inflow before their going to big cities” (See figure 4). The image of immigrant movement is drawn on figure 4. Immigrants seem that they move by two steps. For example, on the first step, immigrants move to Tikhvin to stabilize their life. Then, on the second step, they move to Saint Petersburg. Their two-step movement possibly bring upward pressure on the rental fee in the city located as ‘relay point’.

We have gotten the other following results about housing condition of immigrants. First, about co-living, most of them live in one apartment with three persons including himself. Co-living with 3 persons is 32.8%, with 2 persons — 19.2%, with 4 persons — 14.5%, with 5 persons — 7.3%, with 6 persons — 1.5%, with 7 persons — 2.8%, with more than 8 persons — 1.7%, and alone — 13.5%. Second, about living space area of immigrants’ apartment/room, average living space was 31.3 sq.m and average living space per capita was 10.8 sq.m. Compared with Rosstat’s data in Russian Federation: average living space — 54.5 sq.m and average living space per capita — 24.4 sq.m, immigrant’s living space was quite small. In addition, most of immigrants in our survey (32.6%) live in a apartment/room to 10—20 sq.m, 24.9% — to 20—30 sq.m, 17.5% — to 30—40 sq.m,

9.9% — to 40—50 sq.m, 7.1% — to 50—60 sq.m, 3.7% — to 60—70 sq.m, 2.7% — to less than 10 sq.m, and 1.6% — more than 71 sq.m. Our results proves that immigrant’s housing space falls seriously under Russian government goals (per capita 21.7 sq.m and the standard for 3 persons — 54 sq.m). Their housing is the place for immigrants to live, keep working, support their family and “re-product of labor force by K. Marx”. Their housing condition should improve to support their quality of life, and labor productivity with the respect to human resource government. Fourth, therefore, we find immigrants’ housing problem is narrow and crowded space. Most of immigrants in our survey (30.7%) dissatisfy with ‘narrow and small space’ of their housing. Other dissatisfaction about their housing are 24.6% with non-repaired, 13.6% with expensive rent fee, 11.6% with noisy, 10.6% with darkness of housing, 10.4% with coldness, 10.3% with bad ventilation, and 4.5% with dirty.

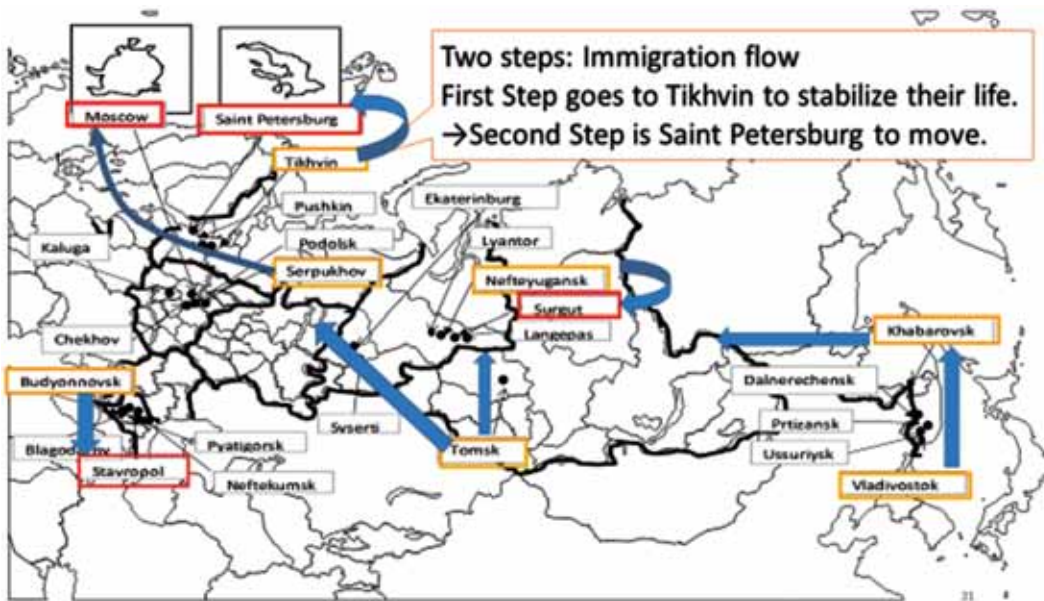

Figure 4. The image of immigrants’ two step movement

Source: author’s compiled.

Fifth, 66.8% immigrants in our survey rent apartment/room. Immigrants living at the working place (13.8%) are often shown in the construction site of city, etc. Immigrants living at the dormitory and employer’s housing were about 20%. We find that it is much lesser that the employer of immigrants itself supply the housing for immigrant compared with the USSR era. It exactly showed that immigrants’ labor benefit with the respect to housing has translated by housing market. Our survey proves, however, that they do not use the official housing market channel on finding their rental housing. Sixth, immigrants who find their housing through real estator were only 10.1% in our survey. Most of them find it by relatives and fellow compatriot (27.2%), and friends and colleagues at working place (24.2%). In addition, through internet (11.1%) and newspaper (6.2%) immigrants finds. Immigrants who find their housing through their employer were 21.2%. Roughly, 90% immigrants find their housing use a channel among mouth of word by individuals,

and their personal connection, not agency. This fact brings the invisibleness and informality of rental housing market into Russia. Furthermore, their transaction tool reflect the unclearness of correlation between official price statistics and immigrant inflow. In addition to it, it can divide the housing market into official and unofficial. In this paper, official market means that agency and customer make the official contract and agency pay tax for their profit. Immigrants who signed a contract of housing rental were 50.1% in our survey. Other 49.9% immigrants lend their housing without the contract. It means unofficial and their rent fee does not reflect the official statistics. Our survey confirm our image of multi-layered structure of housing market and its informality. This informality and invisibleness cause a hurdle for foreign capital to invest into Russian real estate market. Furthermore, our survey shows about registration and mobility of their rental housing, but we will add that in another paper.

Conclusions

In this paper, we focused on immigrants' real housing environment and the reflection of their transaction on the housing market in Russia. We prove the following facts from our results: 1) in some special area, that located as 'relay point' of immigrant movement, there is possibly a correlation between the immigrant inflow and regional rental housing fee. Our survey newly and concretely pointed the existence of two-step movement in 25 cities of Russia; 2) immigrants' rental housing fee is very low than the average of official data. Half of their transaction are invisible and informal. Therefore, immigrant's housing deals are inherited from the USSR era. It is possibly the origin or bottom of the housing market. In addition, the segment for immigrants exists in the Russian housing market. It shows the multi-layered structure of this market; 3) immigrants' housing space is very small than Russian Federation's average and goal. The quality problem are a narrow space and non-repaired room. Most of them live with 3 persons not family. Their housing is not enough for them to rest. If we approach to improve their housing environment, we can increase labour productivity sustainably. Even depending on their rental term, we should consider the improvement of their housing environment. For this purpose, we need to make a policy that organize private rental housing market more openly and clearly through private agency. We can consider some options: the lower tax reform and the regulation to improve immigrant housing for rental lender, etc. This policy will be useful for foreign capital to understand Russia's market and invest it. Though we need to analyse our results further, our original questionnaire survey uniquely shows a lot of real immigrant's housing.

© Michigami M., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

References

- Avito.ru, real estate. (21—28 April 2018). Available at: <https://www.avito.ru/nefteyugansk/nedvizhimost>
- Ashkenazi L., Vekshtein M. (2009). Natsionalnye predpochteniya pri arende zhilploshadi v Moskve, ili «krome KKA i Azii» [National preference when renting housing space in Moscow or “except for Caucasian and Asian”]. *Vestnik Obschestvennoy Mneniya*, 99(1), 97—100 (In Russ.)

- Demintseva Y. (2014). The New Muscovites, Migrants from Central Asia. *Russia in global affairs*, (1). Available at: <http://eng.globalaffairs.ru/number/The-New-Muscovites-16509>
- Demintseva E., Peshkova V. (2014). Migranty iz Srednei Asii v Moskve [Migrants from Central Asia in Moscow]. *Demoscope*, 597—598. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php>
- Demintseva E. (2017). Labour Migrants in Post-Soviet Moscow: Patterns of Settlement. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 43(15), 2556—2572. (In Russ.)
- Fedotenkov I., Mikolajun I. (2013). Migration and Welfare. *International Atlantic Economic Society*, 19, 71—73.
- Kashnitsky I., Gunko M. (2016). Spatial variation of in-migration to Moscow: Testing the effect of housing market. *Cities*, 59, 30—39.
- Limonov L., Nesena M. (2016). Regional cultural diversity in Russia: does it matter for regional economic performance? *Area Development and Policy*, 1(1), 63—93.
- Michigami Mayu (2016). Shijohendou ni yureru Rosia Toshi Juutaku [Russian Urban Housing swaying to the Market Fluctuation]. In Koji Nakatsu (ed.). *Kironitatsu Chugoku to Rosia [China and Russia at the Crossroad]*. Soseisha, 171—192. (In Japanese.)
- Michigami Mayu (2017). Immigrants' housing environment and multi-layered structure of housing market in Russia: from the interim results of sociological questionnaire. *Migratsiya i sotsialno-ekonomicheskoe razvitiye*, (4). (Forthcoming.)
- Michigami Mayu (Mimeo). Perspectives and Obstacles of Urban Planning Business on the Japan-Russia Economic Cooperation: Uncertainty of Investment, Law, Household Income, and Business Matching for Japanese Housing Related Industries. *Annual International Conference "Evolution of International Trading System: Prospects and Challenges"*.
- Rosstat (2012, 2016). *Rossiyskaya Statisticheskaya Ezhegodnik [Russian Statistical Yearbook]*. Moscow: Rosstat Publ.
- Rossiskaya Gazeta. (23 august 2017). <https://rg.ru/2017/08/23/reg-cfo/v-moskve-ceny-na-arendu-kvartir-ostalis-prezhnimi.html>.
- Sigarev A.V., Kosov M.E. (2016). Spetsifika primeneniya tsenovoi diskriminatsii pri realizatsii informatsionnykh blag pocredstvom elektronnoi trgovli [Specificity on the application of price discrimination in the implementation of information goods through electronic commerce]. *Finansovaya analitika: problem i resheniya*, 9(10), 22—30. (In Russ.)
- ООО "Sterniks konsoliting" [Sternyk Consulting]. (2017). *Zhilishny rynek gorodov Rossii v 1 polgodoy 2017 g.: stagnatsiya nadolgo [Housing market in Russian cities in the first half of 2017: long stagnation]*. Moscow. Available at: <http://realtymarket.ru/>
- Tang Z., Smith M.D., Montgomery A. (2007). The Impact of Shopbot Use on Prices and Price Dispersion: Evidence from Online Book Retailing. *Working paper*. Heinz College Research, Carnegie Mellon University. Available at: <http://repository.cmu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1046&context=heinzworks>.
- TSIAN: real-estator website. (3 September and 7 November 2017). Available at: <https://www.cian.ru/>
- Vendina O.I. (2004). Mogut li v Moskve vozniknut' etnicheskije kvartili? [Can the ethnic apartment be born in Moscow?]. *Vestnik Obschestvennogo Mneniya*, (3), 52—64. (In Russ.)
- Vendina O.I. (2005). *Migranty v Moskve: grozit li rossiyskoi stolitse etnicheskaya segregatsiya?* [Migrants in Moscow: does the ethnic segregation threaten Russian capital?]. *Migratsionnaya situatsiya v regionakh Rossii*, (3). (In Russ.)
- Zaionchkovskaya Zh.A., Mkrchan N.V., Vendina O.I., Tyuryukanova E.V., Ivanova T.D., Gel'bras V.G. (2009). *Immigranty v Moskve [Immigrants in Moscow]*. Moscow, Center of Migration Research, Institute Kennan. (In Russ.)

Acknowledgements:

The study was supported by JSPS KAKENHI, Grant Numbers 15KK0079 , 26504005, 26245034, 17K02108.

Article history:

Received: 01 June 2018

Revised: 05 August 2018

Accepted: 29 September 2018

For citation:

Michigami M. (2018). Immigrants' housing in the housing market in Russia: from the results of sociological questionnaire. *RUDN Journal of Economics*, 26(3), 531—542. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-531-542

Bio note:

Michigami Mayu, Ph.D of Economics, Associate Professor, Faculty of Economics, Niigata University (National University). *Contact information*: e-mail: michigami@econ.niigata-u.ac.jp

Жилищные условия иммигрантов на рынке жилья в России: результаты социологического исследования

М. Мичигами

Университет Ниигаты

8050, Икараши 2-но-чо, Ниси-ку, Ниигата, 950-2181, Япония

Исследование основано на результатах социологического опроса, проведенного автором в 25 городах России с июня 2017 по март 2018 г. Особое внимание уделяется трудовым иммигрантам из Центральной Азии, Украины, Беларуси и Кавказа в России. Статья основана на следующих положениях: во-первых, соотношение между демографическими характеристиками и сферой арендного жилья в России, во-вторых, многослойная структура и неформальность российского рынка жилья, наконец, связь между условиями и производительностью труда трудовых мигрантов.

В заключение указывается, что российский рынок жилья отделен от рынка жилья мигрантов. Жилищные сделки с мигрантами, возможно, являются теневой частью российского рынка жилья. Большая часть сделок на данном рынке проходит вне поля официальной статистики. Все это является препятствием для потенциальных иностранных инвесторов. Кроме того, качество жилищных условий иммигрантов слишком низкое, чтобы поддерживать их производительность труда на высоком уровне. Нужно стремиться к улучшению жилищных условий для трудовых иммигрантов и созданию более прозрачного рынка жилья в России.

Ключевые слова: жилищные условия, иммигрант, сегрегация, неформальность, многослойная структура, рынок аренды жилья, Россия

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 01 июня 2018

Дата проверки: 05 августа 2018

Дата принятия к печати: 29 сентября 2018

Для цитирования:

Мичигами М. Жилищные условия иммигрантов на рынке жилья в России: результаты социологического исследования // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2018. Т. 26. № 3. С. 531—542. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-531-542

Сведения об авторах:

Мичигами Маю, доктор экономических наук, доцент экономического факультета Университета Ниигаты, Япония. *Контактная информация:* e-mail: michigami@econ.niigata-u.ac.jp

К авторам журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика»

Общие сведения и тематика журнала

Редакция журнала «Вестник РУДН. Серия: Экономика» приглашает к сотрудничеству авторов — преподавателей, научных работников, аспирантов.

Серия «Экономика» выходит 4 раза в год — в марте, июне, сентябре и декабре.

Портфель со статьями в очередной номер «Вестника» формируется постоянно по мере их поступления. С момента поступления статьи в редакцию до выхода журнала из типографии проходит примерно 3—4 месяца. Редакция журнала не берет денег за публикацию. Важнейшее условие публикации — качественная статья, оформленная в строгом соответствии с требованиями «Вестника».

Журнал публикует статьи в следующих рубриках:

- вопросы экономической теории;
- продвижение экономических реформ в России и других странах СНГ;
- экономическая интеграция и глобализация;
- экономика развитых и развивающихся стран;
- валютно-финансовые проблемы;
- экономика отраслевых рынков;
- вопросы менеджмента и маркетинга;
- междисциплинарные исследования;
- методика и методология преподавания экономических дисциплин;
- экономические обзоры;
- аналитическая информация и статистика;
- рецензии и пр.

Общие требования, предъявляемые к статьям

При подготовке рукописи для направления в редакцию авторам следует руководствоваться следующими правилами, составленными с учетом требований российских и международных ассоциаций и организаций, в том числе принципов и правил COPE (Committee on Publication Ethics), CSE (Council of Science Editors), EASE (European Association of Science Editors), указаний АНРИ (Ассоциация научных редакторов и издателей) и требований ВАК (Высшая аттестационная комиссия).

1. РУКОПИСЬ

Направляется в редакцию в электронном варианте через online-форму (<http://journals.rudn.ru>). Загружаемый в систему файл со статьей должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, или *.rtf).

1.1. Объем полного текста рукописи (оригинальные исследования, лекции, обзоры), в том числе таблицы и список литературы, не должен превышать 25 000 зна-

ков (с учетом пробелов). Количество знаков в тексте можно узнать через меню Word («Файл» — «Просмотреть свойства документа» — «Статистика»). В случае, когда превышающий нормативы объем статьи, по мнению автора, оправдан и не может быть уменьшен, решение о публикации принимается на заседании редколлегии по рекомендации рецензента

1.2. Формат текста рукописи. Текст должен быть напечатан шрифтом Times New Roman, иметь размер 14 pt и междустрочный интервал 1,5 pt. Отступы с каждой стороны страницы 2 см. Выделения в тексте можно проводить ТОЛЬКО курсивом или полужирным начертанием букв, но НЕ подчеркиванием. Из текста необходимо удалить все повторяющиеся пробелы и лишние разрывы строк (в автоматическом режиме через сервис Microsoft Word «найти и заменить»).

1.3. Файл с текстом статьи, загружаемый в форму для подачи рукописей, должен содержать всю информацию для публикации (в том числе рисунки и таблицы).

2. СТРУКТУРА РУКОПИСИ

Структура текста должна соответствовать приведенному ниже шаблону (может меняться в зависимости от типа работы).

2.1. Русскоязычная аннотация

Название статьи. Название статьи должно содержать и полноценно отражать предмет и тему статьи, а также основную цель (вопрос), поставленную автором для раскрытия темы.

Копирайт, год, автор(ы) (имя, фамилия)

Авторы. При написании авторов статьи фамилию следует указывать после инициалов имени и отчества (П.С. Иванов, С.И. Петров, И.П. Сидоров).

Учреждения. Необходимо привести официальное ПОЛНОЕ название учреждения (без сокращений). После названия учреждения через запятую необходимо написать название города, страны. Если в написании рукописи принимали участие авторы из разных учреждений, необходимо соотнести названия учреждений и ФИО авторов путем добавления цифровых индексов в верхнем регистре перед названиями учреждений и после ФИО соответствующих авторов.

Резюме статьи должно быть (если работа оригинальная) структурированным: актуальность, цель, материалы и методы, результаты, заключение. Резюме должно: содержать основные положения, изложенные в работе; отражать взгляд автора на обсуждаемую в рукописи проблему с учетом проанализированного материала и полученных результатов; позволять читателю понять уникальность данной статьи (исследования или обзора) — чем эта статья отличается от аналогичных работ. Объем текста резюме должен быть в пределах 200—300 слов.

Ключевые слова. Необходимо указать ключевые слова — от 3 до 10, способствующие индексированию статьи в поисковых системах. Ключевые слова должны попарно соответствовать на русском и английском языке.

2.2. Англоязычная аннотация

Article title. Англоязычное название должно быть грамотно с точки зрения английского языка, при этом по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию.

Author names. ФИО необходимо писать в соответствии с заграничным паспортом, или так же, как в ранее опубликованных в зарубежных журналах статьях. Авторам, публикующимся впервые и не имеющим заграничного паспорта, следует воспользоваться стандартом транслитерации BSI (см. ниже).

Affiliation. Необходимо указывать ОФИЦИАЛЬНОЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЕ НАЗВАНИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ. Наиболее полный список названий учреждений и их официальной англоязычной версии можно найти на сайте РУНЭБ eLibrary.ru

Abstract. Англоязычная версия резюме статьи должна по смыслу и структуре (Aim, Materials and Methods, Results, Conclusions) полностью соответствовать русскоязычной и быть грамотной с точки зрения английского языка, и также включать 200—300 слов.

Keywords. Необходимо указать ключевые слова — от 3 до 10, способствующие индексированию статьи в поисковых системах. Ключевые слова должны попарно соответствовать на русском и английском языке.

2.3. Полный текст (на русском, английском, немецком, французском, испанском или последовательно на нескольких языках) должен быть структурированным по разделам. Структура полного текста рукописи, посвященной описанию результатов оригинальных исследований, должна соответствовать общепринятому шаблону и содержать разделы:

- введение (обоснование);
- обзор литературы;
- методы и подходы;
- результаты;
- выводы/заключение.

2.4. Дополнительная информация (на русском, английском или обоих языках)

Информация о конфликте интересов. Авторы должны раскрыть потенциальные и явные конфликты интересов, связанные с рукописью. Конфликтом интересов может считаться любая ситуация (финансовые отношения, служба или работа в учреждениях, имеющих финансовый или политический интерес к публикуемым материалам, должностные обязанности и др.), способная повлиять на автора рукописи и привести к сокрытию, искажению данных, или изменить их трактовку. Наличие конфликта интересов у одного или нескольких авторов НЕ является поводом для отказа в публикации статьи. Выявленное редакцией сокрытие потенциальных и явных конфликтов интересов со стороны авторов может стать причиной отказа в рассмотрении и публикации рукописи.

Информация о финансировании. Необходимо указывать источник финансирования как научной работы, так и процесса публикации статьи (фонд, коммер-

ческая или государственная организация, частное лицо и др.). Указывать размер финансирования не требуется.

Благодарности. Авторы могут выразить благодарности людям и организациям, способствовавшим публикации статьи в журнале, но не являющимся ее авторами.

Информация о вкладе каждого автора (и лиц, указанных в разделе «благодарности»). Пример: Участие авторов: Иванов И.И. — концепция и дизайн исследования; Петров П.П. — сбор и обработка материалов; Сидоров С.С. — анализ полученных данных, написание текста.

2.5. Библиографический список

Пристатейный список литературы должен быть нумерованным — каждый источник следует помещать с новой строки под порядковым номером. Ссылки на источники в списке литературы должны быть отсортированы по алфавиту и соответствовать ссылкам в тексте статьи, где их следует приводить в круглых скобках в формате «(Автор, дата)».

В списке литературы приводятся только опубликованные материалы (ссылки на Интернет-ресурсы допускаются).

Следует избегать самоцитирования, за исключением случаев, когда оно представляется необходимым (например, если нет других источников информации, или настоящая работа проведена на основе или в продолжение цитируемых исследований). Самоцитирование желательно ограничить 3 ссылками.

Все источники в списке литературы следует оформить в соответствие ГОСТ Р 7.0.5—2008.

Подробные правила оформления библиографии можно найти в специальном разделе «Оформление библиографии».

2.6. References

Дополнительный список литературы в романском алфавите (References) необходимо приводить для соответствия публикуемых работ требованиям международных баз данных.

Список источников в References должен полностью соответствовать таковому в Списке литературы. В отличие от Списка литературы, русскоязычные источники в References следует привести в их латиноязычном эквиваленте — они должны быть написаны буквами романского алфавита:

— те исходно русскоязычные источники (и их части), у которых существует официальный перевод на английский (или другой язык, использующий романский алфавит), должны быть приведены в переводе;

— те источники (или те части библиографического описания), для которых перевод не существует, должны быть приведены в транслитерации (см. ниже).

Все источники в References следует оформлять в стиле APA.

Статья на русском языке:

авторы (транслитерация);

— заглавие статьи (транслитерация); [перевод заглавия статьи на английский язык в квадратных скобках];

— название источника (транслитерация, курсивом); [перевод названия источника на английский язык (для журналов можно не давать)];

— выходные данные с обозначениями на английском языке, либо только цифровые].

Пример:

Русский вариант:

Иванов А. Экономический кризис // Экономика. 2004. Т. 2. № 8. С. 17—36.

В References:

Ivanov A. Economicheskiy krizis [Economic crisis]. *Economika*. 2004. Vol. 2. No. 8. Pp. 17—36.

Статья на англ., фр., нем. и др языках (латиница):

— авторы (англ., фр., нем. и др. яз.)

— заглавие статьи (англ., фр., нем. и др. яз.)

— название источника (англ., фр., нем. и др. яз., курсивом)

— выходные данные с обозначениями на английском языке

— если статья имеет DOI, обязательно указать (!)

Примеры:

Author A.A., Author B.B., Author C.C. Title of article. *Title of Journal*. 2015. Vol. 10. No. 4. Pp. 53—57. DOI: 10.3768/10832750.2013.88703

Author A.A., Author B.B., Author C.C. Title of article. *Title of Journal*. 2015. Vol. 10. No. 4. DOI: 10.3768/10832750.2013.88703 Available at: название интернет-ресурса (accessed: 00.00.0000).

Подробные правила оформления библиографии можно найти в специальном разделе «Оформление библиографии».

2.7. Контактная информация

Необходимо последовательно указать контактную информацию ВСЕХ АВТОРОВ. Раздел должен содержать следующие данные о каждом авторе:

— ФИО (полностью);

— ученая степень, ученое звание, должность, структурное подразделение и полное наименование организации (основного места работы);

— почтовый рабочий адрес (с индексом и указанием страны), адрес электронной почты, номер рабочего телефона (с кодом города), номер мобильного телефона (необходим для оперативной связи с автором, он не будет размещен в опубликованном варианте рукописи или передан третьим лицам);

— идентификатор ORCID (подробнее тут: <http://orcid.org/>), eLibrary SPIN-код (подробнее тут: http://elibrary.ru/projects/science_index/author_tutorial.asp), SCOPUS ID (подробнее тут <https://www.scopus.com/freelookup/form/author.uri>)

3. АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК И ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

При публикации статьи часть или вся информация должна быть дублирована на английский язык или транслитерирована (написана латинскими буквами).

При транслитерации рекомендуется использовать стандарт BSI (British Standard Institute, UK). Для транслитерации текста в соответствии со стандартом BSI можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.ru/?account=bsi>.

4. ТАБЛИЦЫ

Их следует помещать в текст статьи, они должны иметь нумерованный заголовок и четко обозначенные графы, удобные и понятные для чтения. Данные таблицы должны соответствовать цифрам в тексте, однако не должны дублировать представленную в нем информацию. Ссылки на таблицы в тексте обязательны.

Каждую таблицу в тексте вместе с нумерованным заголовком следует привести дважды — в русскоязычном и англоязычном вариантах. Сначала следует привести русскоязычную версию нумерованного заголовка и таблицы. Сразу за ними следует поместить англоязычную версию нумерованного заголовка и таблицы, при этом номер заголовка и данные в таблице (но не текст!) должны совпадать. При создании англоязычного варианта таблицы и заголовка не следует использовать транслитерацию — необходимо давать полноценный перевод на английский. Текст англоязычного варианта заголовка таблицы может не точно совпадать с текстом русскоязычного варианта, особенно в тех случаях, когда целесообразно в заголовке дать дополнительные пояснения к содержанию таблицы.

5. РИСУНКИ

Объем графического материала минимальный (за исключением работ, где это оправдано характером исследования). Каждый рисунок должен сопровождаться нумерованной подрисуночной подписью. Ссылки на рисунки в тексте обязательны.

Нумерованную подрисуночную подпись следует дать дважды — на русском и английском языке. Обе подрисуночные подписи следует располагать непосредственно под изображением, англоязычную версию подрисуночной подписи следует ставить сразу после русскоязычной. Подрисуночная подпись на английском языке может, при необходимости, содержать более детальное пояснение иллюстрируемых данных, чем русскоязычная. Пример: Рис. 1. Динамика показателей изучаемых процессов [Fig. 1. Dynamics of indicators of studied processes].

При наличии текста на изображении (например в случае текстовых схем), кроме оригинального рисунка в рукопись следует вставить его копию, содержащую англоязычный вариант всего русскоязычного текста. Если на изображении мало текстовых элементов (например, только единицы измерения и подписи осей графика), допустимо не делать его англоязычную копию, а дублировать текст на английском непосредственно на оригинальном изображении.

Иллюстрации (графики, диаграммы, схемы, чертежи), рисованные средствами MS Office, должны быть контрастными и четкими. Иллюстрации должны быть выполнены в отдельном файле и сохранены как изображение (в формате *.jpeg, *.bmp, *.gif), и затем помещены в файл рукописи как фиксированный рисунок. Недопустимо нанесение средствами MS WORD каких-либо элементов поверх

вставленного в файл рукописи рисунка (стрелки, подписи) ввиду большого риска их потери на этапах редактирования и верстки.

Фотографии, отпечатки экранов мониторов (скриншоты) и другие нерисованные иллюстрации необходимо не только вставлять в текст рукописи, но и загружать отдельно в специальном разделе формы для подачи статьи в виде файлов формата *.jpeg, *.bmp, *.gif (*.doc и *.docx — в случае, если на изображение нанесены дополнительные пометки). Разрешение изображения должно быть >300 dpi. Файлам изображений необходимо присвоить название, соответствующее номеру рисунка в тексте. В описании файла следует отдельно привести подрисовочную подпись, которая должна соответствовать названию фотографии, помещаемой в текст (пример: Рис. 1. Сеченов Иван Михайлович).

Если в рукописи приводятся рисунки, ранее опубликованные в других изданиях (даже если их элементы переведены с иностранного на русский язык), автор обязан предоставить в редакцию разрешение правообладателя на публикацию данного изображения в другом журнале (с правильным указанием соответствующего журнала), в противном случае это будет считаться плагиатом (см. подробно «Этика научных публикаций»).

6. СОКРАЩЕНИЯ

Все используемые аббревиатуры и символы необходимо расшифровать в примечаниях к таблицам и подписям к рисункам с указанием на использованные статистические критерии (методы) и параметры статистической вариабельности (стандартное отклонение, стандартная ошибка среднего и проч.). Статистическую достоверность / недостоверность различий данных представленных в таблицах рекомендуется обозначать надстрочными символами *, **, †, ††, ‡, ‡‡ и т.п.

7. СООТВЕТСТВИЕ НОРМАМ ЭТИКИ

Для публикации результатов экспериментальных исследований с участием людей необходимо указать, подписывали ли участники исследования информированное согласие. Необходимо указать, был ли протокол исследования одобрен этическим комитетом (с приведением названия соответствующей организации, ее расположения, номера протокола и даты заседания комитета). Подробно о принципах публикационной этики, которыми при работе руководствуется редакция журнала, изложены в разделе «Этические принципы журнала».

8. СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

При подаче рукописи в редакцию журнала необходимо дополнительно загрузить файлы, содержащие сканированные изображения заполненных и заверенных сопроводительных документов (в формате *.pdf или *.jpg).

В число обязательных документов входит сопроводительное письмо, подписанное всеми авторами статьи (или несколько писем, в совокупности содержащие подписи всех авторов рукописи).

В случае, когда авторы рукописи работают в разных учреждениях, городах, странах, можно представить несколько сопроводительных писем; при этом в редакции журнала должны оказаться подписи ВСЕХ АВТОРОВ рукописи.

Для статей студентов, магистрантов и аспирантов без ученой степени — сопроводительное письмо должно быть оформлено на официальном бланке факультета/института и заверено у руководителя факультета/института и научного руководителя.

Подготовка статьи

При передаче рукописи в редакцию на рассмотрение, авторам необходимо согласиться со всеми следующими пунктами. Рукопись может быть возвращена авторам, если она им не соответствует.

Отсутствие плагиата в тексте. Авторы гарантируют, что эта статья целиком или частично не была раньше опубликована, а также не находится на рассмотрении и в процессе публикации в другом издании. Если рукопись ранее была подана для рассмотрения в другие издания, но не была принята к публикации — обязательно укажите это в сопроводительном письме, в противном случае редакция может неверно истолковать результаты проверки текста на наличие неправомерных заимствований и отклонить рукопись.

Правильный формат. Отправляемый файл рукописи имеет формат Microsoft Word или RTF — *.doc, *.docx, *.rtf. При оформлении рукописи соблюдены все требования редакции по оформлению текста, рукопись отформатирована в соответствии с указаниями официального сайта журнала.

Сопроводительные документы. Авторы подготовили для передачи в редакцию сопроводительное письмо и обязуются загрузить его на сайт журнала на Шаге 4 в процессе отправки рукописи.

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

36431

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН
Серия «Экономика»

Количество
комплектов:

на 2018 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

36431

(индекс издания)

ПВ	место	литер

ВЕСТНИК РУДН
Серия «Экономика»

Стои- мость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2018 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

--

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Количество комплектов:

--

на 2018 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

--

(индекс издания)

ПВ	место	литер

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Стоимость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2018 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)